Центр развития общественных инициатив

Чтобы это не повторилось!

Омск 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Уважаемый читатель! 3

II. Конференция «Помня прошлое. 75 лет Большого Террора» 4

III. «Раскрестьянивание» омской деревни 9

IV. «Помня прошлое, мы обещаем будущему» 19

V. Музейный комплекс «АЛЖИР» 34

VI. Репрессированное детство. В.А. Жулей 38

VII. Акт обследования условий расселения кулацких хозяйств Васюганского района 44

VIII. Татьяна Четверикова. На Кулае 48

IX. Репрессии в истории моей семьи 52

X. Пермский молодежный «Мемориал» 76

XI. Что я знаю о репрессиях? 78

XII. 1937 год и современность. Тезисы Международного Мемориала 88

XIII. Репрессии. Чтобы этого не повторилось 95

XIV. Основные, наиболее массовые категории жертв политических репрессий в СССР 105

XV. Документы обличают 108

I. Уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию брошюру, посвященную теме политических репрессий, происходивших в нашей стране в 20-50-е годы XX столетия.

Центральным акцентом всех представленных материалов является взгляд молодежи на данную проблему: это и то, что представителям молодого поколения известно о политических репрессиях, как репрессии коснулись их семей, и воспоминания людей, подвергшихся этим тяжелым испытаниям, а также сочинения-эссе студентов: «Чтобы этого не повторилось». В брошюре также опубликованы официальные документы, касающиеся проведению репрессий в нашей стране, и архивные материалы, предоставленные семьями репрессированных граждан.

Данная брошюра создана в рамках проекта «Помня прошлое», реализованного Центром развития общественных инициатив при поддержке фонда Генри М. Джексона.

Вновь и вновь обращаясь к теме политических репрессий, мы восстанавливаем трагические события прошлого века через реальные судьбы простых людей: мужчин, женщин, детей – пострадавших, униженных, замученных, безвинно погибших, и предлагаем молодежи обратиться к человеческому аспекту истории через воспоминания и свидетельства репрессированных граждан и их родственников.

Помня прошлое, мы обещаем будущему.

Выставка и книги, посвященные жертвам политических репрессий, – для каждого из нас и о каждом из нас. Это напоминание о значимости гражданской позиции отдельного человека в жизни всего сообщества в начале XXI века.

Мы верим, что молодежь способна стать активным участником событий в современной России!

Зинаида Тикунова

II. Конференция «Помня прошлое. 75 лет Большого Террора»

Центр развития общественных инициатив совместно с Омской юридической академией провели молодежную конференцию: «Помня прошлое. 75 лет Большого террора», которая состоялась 17 октября в Омской юридической академии.

В конференции приняли участие свыше 120 человек: студенты и преподаватели Омских вузов, техникумов, учащиеся городских и сельских школ, общественные организации. Ведущими были: Махметова Сания, Михель Марина - студентки 3 курса ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Открыла конференцию Тикунова Зинаида Васильевна, председатель ОРОО «Центр развития общественных инициатив», руководитель проекта «Помня прошлое, мы обещаем будущему».

С приветственным словом к участникам обратился Минжуренко Александр Васильевич – проректор по международным связям, профессор кафедры конституционного и международного права ЧОУ ВПО «Омская юридическая академия».

С докладами выступили:

Урусов Александр Алексеевич – заместитель председателя Омской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Сбитнева Мария Александровна – главный редактор «Редакции Книги Памяти жертв политических репрессий».

Жулей Валентина Андреевна – член омского отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», г. Омск.

Владыкина Кристина – Центр поддержки демократических молодежных инициатив «Молодежный Мемориал», г. Пермь.

Смаилова Шолпан Калихановна – заместитель директора по науке музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников родины), г. Астана, Казахстан.

Также на конференции выступили:

Абрамов Сергей - студент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Ложникова Василина – учащаяся МКОУ «Такмыкская СОШ» Большереченский район.

Ефремова Юлия – Омский генеалогический центр «Связи поколений»,

Баренцева Галина – студентка ОмГАУ и другие.

Участникам конференции были показаны фильмы:

«АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников родины).

«Кулай» из цикла «Сибирская Голгофа». Удалось посмотреть слайд-шоу из Мемориального комплекса в Астане, послушать рассказ о раскулачивании омских крестьян участницы тех страшных событий Жулей В.А. Ведь важно, чтобы молодые люди обладали не только историческими знаниями, но и гражданскими чувствами. Были способны эмоционально сопереживать одной из важнейших трагедий в истории России. Возможно, кого-то из присутствующих заинтересовала эта тема, и он попытается воссоздать и проследить историю своей семьи в свете событий, происходящих в нашей стране в 30-40-е года XX столетия.

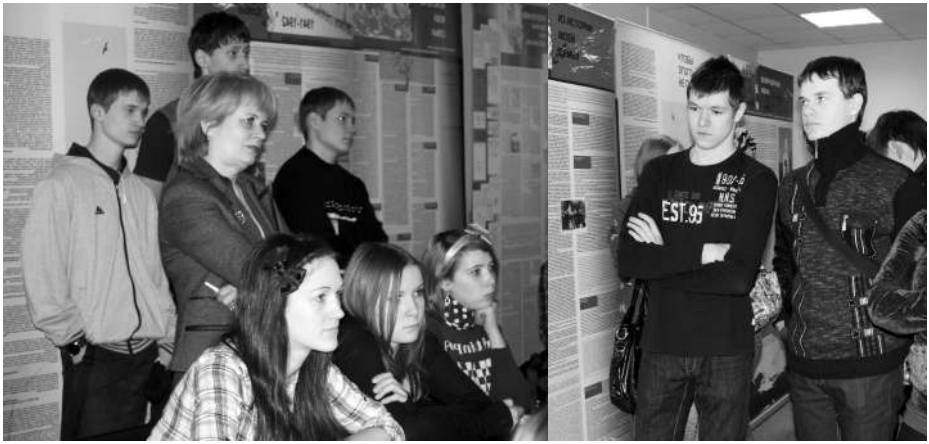
В завершении конференции состоялось награждение победителей и участников конкурсов: «Репрессии. Права человека. Молодежное участие», «Россия. Демократия. Гражданское общество. Права человека».

На конференции работал свободный микрофон: каждый из участников мог высказать свое мнение и передать личную позицию по обсуждаемой теме. Ярким оформлением конференции послужила представленная стендовая выставка «Помня прошлое, мы обещаем будущему».

Помня прошлое,
мы обещаем будущему

Помни прошлое,
мы обещаем будущему

Помни прошлое,
мы обещаем будущему
1941-1942
ЧТОБЫ
ЭТОГО
НЕ ПОВТ


ESTI.95

Помня прошлое,
мы обещаем будущему

1941-1942

III. «Раскрестьянивание» омской деревни

В этом году мы отмечаем печальный юбилей: семидесятипятилетие большого террора, который большевики учинили против собственного народа. Им казалось, что «светлое будущее», образ которого вызрел в их горячечных головах, обязательно настанет, если убрать «неправильных» писателей, ученых, священнослужителей, рабочих, крестьян…

Но если быть точными, страшный 37-й был подготовлен еще в двадцатые годы, когда безжалостная власть уничтожала целые сословия. А потом была не менее страшная коллективизация с раскулачиванием, когда в необжитые места ссылались и глубокие старики, и младенцы.

Главная цель раскулачивания – запугать крестьян, создать материальную базу для колхозов из конфискованного имущества крестьян, записанных в кулаки, обеспечить трудовыми ресурсами малоосвоенные районы Европейского Севера и Сибири.

Как об этом свидетельствуют архивы, насильственная коллективизация стала настоящей войной, объявленной советским государством крестьянству. В стране более двух миллионов крестьян были депортированы, из них миллион восемьсот тысяч только в 1930-1931 гг.; сотни тысяч умерли в ссылке. Эта война длилась, по крайней мере, до середины 30-х гг., достигнув кульминации в 1932-1933 гг., отмеченных ужасающим голодом, спровоцированным властями, чтобы сломить сопротивление крестьянства. Учиненное над крестьянами насилие позволило произвести эксперимент, примененный впоследствии к другим группам населения. В этом смысле оно действительно представляет собой решающий этап в развитии сталинского террора.

В Государственном архиве Омской области хранится около тридцати тысяч дел на репрессированных крестьян, которые были изучены сотрудниками редакции в процессе подготовки будущей книги памяти раскулаченных крестьян. Объем материалов огромен, зато грамотность работников сельсоветов, да и самих крестьян такова, что многие бумаги разбираешь с трудом. А еще – эти дела, обернутые старыми газетами или подшитые в серые папочки, просто сочатся слезами: «…Бачанова Ефросинья, муж сослан, сама 35 лет. Старшему ребенку 8 лет и младшему 1,5 года, средств совершенно нет. Здесь никого нет. Двое ребят тяжело больные корью. Дай ответ, выселять или нет…» Это из письма председателя Фоминского сельсовета в Называевский РИК. И сверху резолюция: высылать!

Крестьян, полностью лишали имущества, ссылали за то, что имел ¼ мельницы, 1/3 сноповязалки. За то, что вынужден был нанимать работника в сезон, не справляясь своими силами по болезни, старости или еще по какой причине. И сосланные «мироеды» с кровавыми мозолями на руках от вечной работы писали в своих жалобах из Старо-Васильевского сельсовета Тарского района, пос. Неготка Нарымского края или из других гиблых мест: «лично себя отдавал в эксплуатацию, чем и существовал…», «…будто бы я высасывал им (батракам) последние капли крови. Был у меня наемник, это я не отрицаю, но я у него не высасывал крови». Горько улыбнешься, читая такое. В «батраки» записывали сироту-племянника, взятого в семью из милосердия, внука, зятя, если он вошел в семью тестя. Сводили счеты за то, что сестра вышла замуж за другого, не за колхозного активиста, за то, что пьяного председателя сельсовета «посадил в каталажку»…

Но с высылкой трагедия не кончалась: «Я, член партии Косицын Павел Тимофеевич (служу в Красной Армии), получил из дома известие, что мой отец, Косицын Тимофей Сергеевич, лишен избирательных прав. Я не хочу носить на себе такое черное клеймо, которое позорит меня, а поэтому с нынешнего дня порываю с ним всякую связь и не считаю его отцом впредь до восстановления его избирательных прав». Это копия письма в газету. И таких материалов множество, направляемых в сельсоветы, районные, областные, центральные инстанции, редакции газет. Отказывались от отцов, матерей, срочно разводились с мужьями, только чтобы не потерять работу, иначе – голодная смерть или нищенство; чтобы иметь возможность закончить учебу; чтобы спасти детей от верной гибели «за болотами». Можно ли осуждать за это людей, раздавленных мощью государства?..

Из архивных документов предстает картина «великого переселения народов»: бежали в ночь перед высылкой, несмотря на то, что у «кулацких» домов сельсоветы ставили охрану, уезжали семьями в Среднюю Азию или на Дальний Восток, в соседний Казахстан… Авось, пронесет. Иногда проносило… Заявление о состоянии деревни Херсонка Буняковского сельсовета: «80 дворов из 120, рискуя жизнью, бросив все имущество, без средств к существованию бежали кто куда».

Началом высылки послужил ряд основополагающих документов, принятых властью в 1929-1930 гг.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г.; Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г.; Постановление бюро крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. « О мерах к выполнению решения ЦК ВКП (б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака, как класса».

Широкое развитие колхозного движения, ускорение темпов строительства новых коллективных хозяйств, вовлечение в движение миллионных масс бедноты и середняков – создали необходимые условия для коренного поворота от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его (кулачества) ликвидации, как класса. Таким образом, проведение раскулачивания, являясь основной частью и результатом развития колхозного движения, должно непосредственно увязаться со строительством новых колхозов, объединяющих в своем составе действительно широкие массы батрачества, бедноты и середняков.

Отсюда, важнейшей задачей Сибирской партийной организации является добиться дальнейшего ускорения темпов развертывания колхозного движения, стремясь к полному вовлечению в колхозное строительство основных масс батрачества, бедноты и середняков уже в течение весенней сельскохозяйственной кампании 1930 года.

На этой основе, непосредственной увязке с ростом колхозного движения Сибирская парторганизация должна строить и все мероприятия по эксплуатации кулачества. И появлялись внутренние инструкции для действий с/советов, партячеек и прочих гос. органов на местах.

Директива Тарского райисполкома Омского округа
всем председателям сельсоветов и райуполномоченным
по посевной кампании

3 марта 1930 г.

В дополнение к ранее данным директивам о высылке кулаков райисполком еще раз напоминает под вашу личную ответственность, что выселенным лошади должны выдаваться вполне способные к передвижению, натурфонд должен выдаваться полностью каждому хозяйству, согласно указаний нашего распоряжения от 27 февраля 1930 № 10–4с. Продовольствие должно выдаваться обязательно по пуду на едока, а также и фураж на лошадь. Имеющиеся в наличии у выселяемых деньги до 500 рублей – не отбираются. Еще раз разъясняем, что семьи с очень большим количеством малолетних детей, нетрудоспособных, глубоких стариков и больных не высылаются. Высылаемые должны быть обязательно снабжены теплой одеждой, хотя бы и за счет остающихся кулаков. Все карточки и описи имущества должны заполняться точно, без зачеркиваний и помарок. Высылаемые в г. Тару должны прибыть без опоздания в намеченное нами число к 5 марта к 9 часам утра.

Вслед за этим появляются т.н. отклики на перегибы властей при выселении. Уполномоченный ОК т. Леонтьев сообщает:

[...] Отбор к высылке кулаков за пределы округа по Исилькульскому району производится так, что посылали стариков, нетрудоспособных, многосемейных (имеющих 12 чел. семьи, из них 8 детей), беременных женщин. Таких хозяйств на сборном пункте из 225 было переведено во II категорию 84 хозяйства.

А высланные крестьяне, попав под чудовищно несправедливую высылку и ощутив на себе весь ужас созданных, а, вернее, не созданных условий не то что для жизни, а даже для выживания, пишут в Москву, в Кремль, Сталину, Молотову, Калинину и т.п., надеясь, что верховная власть их услышит и восстановит справедливость, возвратив на прежнее место жительства.

В Центральный исполнительный комитет.
Москва. Кремль.
Гражданки Медведевой Анисии Макаровны,
Проживающей в д. Беспаловой Саргатского района Омского округа Сибкрая

Заявление.

Я и мой муж Медведев Константин Матвеевич лишены избирательных прав и высланы из пределов Омского округа с тремя малолетними детьми в Тарский округ в лесную дикую таежную местность, изобилующую гнилыми болотами и бесчисленным множеством комаров. В каковой местности в 20 веке цивилизации и возвышенной техники без орудий производства, надеясь лишь только на русскую дубинушку, жить не представляется никакой возможности, а поэтому лица, сосланные в этот земной ад, гибнут как мухи разными путями: от голода, болезней и других причин, благодаря невыносимо тяжелых условий жизни, народ стал разбегаться кто куда, не страшась ни пули стрелка, ни

будущего, некоторые даже бросая своих детей в лесах на волю рока. Таковой же участи решилась и я, забрав своих троих малолетних детей, оставив на месте ссылки лишь своего больного мужа, бежала. Какие приходилось в пути терпеть лишения, это знает только моя подоплека, бежала я с тем расчетом, чтоб добраться пешком до Центра, лично к Михаилу Ивановичу Калинину или же тов. Сталину и рассказать весь ужас, какой терпит на местах ссылки народ. Некоторые может быть заслуживают этого, но большинство эту кару несут невинно, т. к. кулаками они никогда не были. Раскулачивание и ссылка производилась стихийно, совершенно безо всякого разбора на красного и белого, не считаясь с качеством, а считаясь с количеством, как сказал тов. Сталин. Благодаря болезни меня самой, а также моих детей (опухание) и неимением средств к существованию, т. к. я с детьми питаюсь подаянием от своих крестьян-односельцев, я решилась на все. Пусть если правительство найдет поступок противозаконным, то карает меня с детьми высшим наказанием, т. к. гибель на месте ссылки все равно неизбежна, только разница во времени, там она затяжнее и мучительнее. Но я надеюсь на русскую старую пословицу, что покорную голову меч не сечет. Муж мой, а также и я сама не делали ни одного противогосударственного поступка, всю свою жизнь копаясь в навозе, терпя нужду, перебиваясь с куска на кусок. Сельскохозяйственных машин почти что не имеем, кроме сенокосилки, приобретенной 20 лет тому назад. Лишили нас за то, что якобы мы держали батрака и торговали скотом. В одной части обвинения есть доля правды, а в другой ее части сущая ложь. Батрака действительно в страдную пору временно держали в 26 году, в виду того, что я имела на руках трое маленьких детей, а поэтому при всем моем желании помочь своему мужу в полезных работах я не могла, что и вынудило даже в ущерб себе нанять человека, дабы не мог остаться в степи неубранным хлеб. Что же касается торговли скотом, то таковой не производилось, за исключением своего скота для нужд хозяйства обычно, как и все крестьяне. Эту действительность может подтвердить поголовно все наше село, где мы родились и выросли, в подтверждении чего представляю подписи. Раскулачивание и ссылка в то время проходила под угрозой, на почве разной мести, личных счетов, так что вступить в защиту никто не мог. Народ был напуган, боясь попасть в эту беду сам.

Объясняя изложенное, убедительнейшее прошу ЦИК сделать соответствующее распоряжение нижеследующим органам о пересмотре дела снять с нас это черное пятно, вернуть из ссылки мужа и дать возможность быть искренне полезными пролетарскому правительству. К сему и подписуюсь, Медведева Анисья, неграмотная. За неграмотную по ее личной просьбе расписался (подпись). 13 августа 1930 года.

(ГАОО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 450)

Коменданту Каргасокской райкомендатуры
Сиблага ОГПУ от спецпереселенца,
проживающего на Каргасокской пристани
Пенькова Андрея Дорофеевича

Заявление.

В мае месяце 1931 года я был выслан в семье отца Дорофея Кузьмича, состоящей из 10 душ, из коих отец, мать, сестра, моя жена и дочь умерли. Остался я один и 4 детей, из коих трое в интернате, как сироты и дети отца-инвалида. Выслан я был со своею семьею якобы за то, что находился, как иждивенец семьи отца. Между прочим, я с отцом

был разделен, о чем подтверждает справка Корниловского с/с от 24.12.30 г. за № 77-4, в коей говорится, что раздел наш якобы признан фиктивным, что было подтверждено кем-то неверно. С русско-германской войны я инвалид, то есть у меня оторвана совершенно одна рука, к труду я не способен, но живя в своем отдельном хозяйстве, я батраков никогда не имел, а также не было никаких сложных с/х машин, которыми я закабалял бы окружающее население. Индивидуальным налогом я не облагался. Так как я выселение свое считаю ошибочным со стороны местных властей.

Настоящим прошу Вас, т. комендант, направить мое ходатайство через Сиблаг для пересмотра моего дела в Сибкрайисполком о восстановлении меня в избирательных и других гражданских правах вместе с моими детьми и освободить меня из мест расселения.

О последующих распоряжениях прошу меня уведомить.

Справку с/совета прилагаю.

К сему подписуюсь Пеньков Андрей.

26 июля 1933 г.

Крутинскому Районному Исполнительному Комитету
От гр-н д. Преображенской Оглухинского с/с
Чернооков (Черноок) Ивана и Василия Степановичей.

Заявление.

В 1929 г. или в начале 1930 г. отец был лишен избирательных прав. Ивану (старшему) было 10 лет. Отец был осужден к 3 г. л. с. За невыполнение обязательных госпоставок. Мы остались с больной матерью, имеющей кроме нас еще двое меньших детей и старуха 70 лет. В 1931 г. наше все семейство было выслано в Нарымский край, где того же года осенью умерла мать и меньший брат, мы остались с бабушкой. В 1933 г. к нам приехал отец, а через месяц умерла бабушка. Мы до марта месяца жили с отцом, а в марте умер отец, уйдя на озеро и оттуда не воротился, и его нашли умершим. После смерти отца нас комендатура всех троих определила в приют, но сестра заболела и была направлена в больницу, оттуда не вернулась, где она мы до сих пор не знаем. В 1934 г. нас взял на иждивение дядя, брат матери. Просим восстановить нас в избирательных правах. (ГАОО Ф. 1543. Оп. 3. Д. 780)

ИЗ ПИСЬМА УСОВА Ивана Степановича, жителя д. Тула Копейкинского с/с Ново-Омского р-на Омского окр. Западно-Сибирского края, в ЦК НКРКИ СССР: "…/о ликвидации кулачества как класса/ Эта работа была проведена предс. с/с Велитарским в следующем порядке. За два или три дня до выселения главы семей, предназначенных к ликвидации, под разными предлогами были вызваны в с/с и арестованы, где держались до последнего момента без предупреждения о том, что они будут высланы. За этот предшествующий короткий период те, кто не был лишен гражданских прав – были лишены и попали некоторые из таких граждан, которые до того времени даже не облагались индивидуально. В общем же, в большинстве случаев по отношению намеченных к высылке, в с/с составлялись дутые материалы, не соответствующие действительности. Дело доходило вплоть до фиктивных протоколов бедняцких собраний. В последний момент отправки арестованные были под конвоем распущены по домам для немедленного сбора. Пред.с/с Велитарский , сортируя весь домашний скарб и тряпки, конфисковывал все, за исключением 2 пар белья на каждого члена, по одной паре обуви, по одной одежине, преимущественно старой.

Это в то время, когда Директива Сибкрая давала совершенно иной порядок выявления подлежащих ликвидации, и где говорилось, что экспроприации подлежат только средства производства, а не тряпки. А сколько этой мебели, тряпок и всякой утвари было конфисковано и куда она девалась – неизвестно. Каждой семье было дано по одной одноконной подводе, где надо было усадить семью, вещи, уложить фураж. Это было в конце февраля, когда в сорокоградусные морозы с грудными и малолетними детьми, без надлежащего снабжения одеждой и продовольствием (были случаи, что в печи оставался не вынутым хлеб) эти семьи были переброшены в необитаемую местность Васюганских болот, за пятьсот верст, где их бросили на голом снегу. Условия, в каких находились эти люди на Васюганских болотах, принудили их к тому, что, поев большую часть лошадей, побросав свои последние манатки, они весной разбежались. Спрашивается: сколько от этого дела пользы государству? заброшен был сельхозинвентарь (туда, где он совершенно не нужен), погибло большое количество конского поголовья, расходы государства и т.д…"

(ГАОО. Ф. 476. Оп. 3. Д. 667. Д.668)

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ФЕДОТОВОЙ-СУРЖЕНКО Марфы Кузьминичны, жительницы с. Руслановка Руслановского с/с Новоомского р-на Западно-Сибирского края: «Председатель с/с насильно посадил меня на подводу с 3-мя малолетними детьми, намотал на руки вожжи и велел ехать из деревни без всяких разговоров и возражений, зная что за меня с детьми некому заступиться…» Предрайисполкома Шарошин в ответе Запсибкрайисполкому признает такой поступок с/совета «вполне правильным». Были отобраны у «кулачки»: корова дойная, нетель, 6 мешков муки, 160 пудов картофеля, телега, 8 кур и «разные мелкие домашние вещи». Отправили в марте, по распутице, несмотря на нездоровье детей и безденежье в Кулайскую комендатуру. (ГАОО. Ф. 235. Оп. 8. Д. 4479)

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ВО ВЦИК ГОРНОСТАЛЕВА Василия Ивановича, жителя д. Большешипицино Саргатского р-на: «В январе месяце 1930 г. во время проводимой сплошной коллективизации крестьянства приезжающие из Омска инструктора, уполномоченные и т. п. сами намечали определенное количество дворов, подлежащих лишению голоса и высылке в ссылку, а затем с помощью одного председательсовета приводили свое определение в исполнение, не считаясь ни с личностью, ни с общественным мнением, они были боги, они были цари, они миловали, они казнили, они производили насилие и погром над крестьянством, считая, кого вздумали, за кулака, и если были погромы до 1914 г., то они бледнеют перед погромами 1930 г., и эти инструктора и уполномоченные, выдавая себя за ретивых служителей соввласти, умышленно или несознательно громили крестьянство, не замечая, что они громят рабоче-крестьянскую власть. Я крестьянин, с детства трудился в земледелии и собственным горбом добывал себе пропитание, я работал с восхода и до заката солнца и на 50 году моей жизни, имея хозяйство (принимая во внимание сибирские условия жизни) 3 рабочих лошади, 5 коров и 10 овец, делая по 7 десятин посева и обрабатывая исключительно собственным трудом, за исключением 1928 г., когда во время моей болезни я нанял мальчугана 14 лет и только на 3 месяца в помощь семье для уборки остатков хлеба, оставшихся непогибшими от стихийных бедствий, и меня зачислили в кулаки, меня лишили голоса, разгромили мой дом и сараи, имущество мое частью продали, а частью растащили, а затем меня с семейством зимою и без продуктов вывезли в ссылку в тайгу Тарских болот на произвол судьбы». (ГАОО. Ф. 1006. Оп. 2. Д. 185)

В мае 1930 г. в Омске проходит Окружная партконференция, посвященная вопросам коллективизации, раскулачивания и высылки крестьянских хозяйств. Кое-что из выступлений на конференции:

[...] Товарищи! Я отвечаю на вопрос социалистического переустройства деревни. Нужно, товарищи, с районного съезда Советов взяться за эту работу. Нужно еще репрессивнее принимать меры к попыткам кулацкой агитации и его отдельным выпадам. На вопрос социалистического переустройства деревни – заострить особое внимание.

[...] Товарищи! Если сейчас говорить о кулачестве, то мы таких кулаков, какие они были раньше, их сейчас не увидим, – есть кулаки в рваном полушубке, но такой эксплуататор есть действительный враг советской власти. Кулацкую агитацию мы уже переломили, но не совсем. Должны переломить и переломим окончательно в 1931 г. при проведении 30% коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса. Коллективизация должна быть проведена на основе Ленинского принципа добровольности. В Тарском районе в 1931 г. будем иметь целый ряд сельсоветов со сплошной коллективизацией. На этой же конференции отмечены перегибы власти при раскулачивании. (ГАОО. ТФ Ф.255. Оп.1. Д.3. Л.16.)

Информационный бюллетень №8 от 27.02.1930 г.

с. 28,29

Ликвидация кулачества как класса. По имеющимся сведениям всего по округу привлечено 3133 кулака. Конфисковано 1959 кулацких хозяйств на сумму 551759 р., земельного надела лишено 1615 кулацких хозяйств.

Правый уклон на практике и примиренчестве к нему продолжает цвести. Вот примеры:

Секретарь ячейки Ново-Уральского зерносовхоза Смирнов, разъезжая по селам, возил с собой кулака Семена Гришина как экспонат, иллюстрацию к своим докладам. Возил до тех пор, пока кулак Гришин не сбежал.

В Ракитовском сельсовете Павлоградского района только за последнее время выявлено дополнительно 17 кулацких хозяйств. Нужно подчеркнуть, что там при первом выявлении в состав кулацких хозяйств было введено 8 середняков. Довыявления происходят в ряде и других сельсоветов Павлоградского района.

Искажения политической линии партии по отношению к середняку окончательно еще не изжиты.

В Андреевском сельсовете (Павлоградский район) в числе 35 кулаков оказалась половина середняков. Ярмоклеевский сельсовет в состав кулаков зачислил не только середняков, но и бедняков.

В Камышине Калачинского района уполномоченный РИКа Юрченко говорил, что надо больше крестьянских хозяйств подводить под кулацкие хозяйства. В результате оказалось, что в Камышине в числе 36 кулацких хозяйств было обнаружено 20 середняцких хозяйств.

Крохоборство, мародерство так же еще наблюдаются во многих районах. Приводим ряд фактов:

В дер. Засухино (Крутинский район) судисполнитель распорядился забрать у кулаков всю одежду. Колхозники отыскивают старые пимы и полушубки, чтобы обменять их на хорошие. В дер. Яма колхозник Дм. Задворнов догнал убегавшего кулака Федосеева на Забродинском хуторе, раздел его, забрал хорошую одежду, а на кулака надел рваную.

Коммунист Решетников (Иконниковский район) купил на торгах 2 подушки, перину, корову (снят с работы, отдан под суд).

Наряду с зачислением середняка в кулаки и наоборот – оставления кулака в середняках, в Павлоградском районе широко практиковалось изъятие у кулацких хозяйств предметов личного обихода (юбки, кофты, бритвы, часы, сало, колбаса, пимы, шубы и т.д.) Все это распродавалось за бесценок и покупалось всеми, в том числе и отдельными работниками, как, например, нач. РАО Знаменским и его заместителем, следователем нарсуда Хитевым, зав. Райполитпросветом Думиным, уполномоченным Кадошниковым, Нагибиным, несколькими председателями сельсоветов, избачами и отдельными партийцами. (По сообщению уполномоч. ОК тов. Стрелкова).

Б. Атмасский сельсовет Черлакского района при ликвидации кулачества допустил обыск у середняков и бедняков. Обыском руководил один из местных кулаков, арестовавший при обыске 7 бедняков. Плоды такой головотяпской работы сельсовета печальны: середняка застращали и один из них сбежал.

В Ивановском сельсовете (Черлакский район) в торгах при раскулачивании участвовали партийцы и члены сельсовета. Они же за кулацкий шубы и тулупы платили по 2 руб., приобретали диваны, стулья, зеркала. Тоже наблюдалось и в Солоновке, где в покупке кулацких вещей участвовал член ВКП(б) Марков.

Пред. Стронинского сельсовета (Большереченский район) отобранную у попа кровать поставил к себе в дом, не возражая против подобных действий со стороны других.

Уполномоченный Патрахин (рабочий ж.д.) в д. Петрово Тевризского района в 12 часов выселил на мороз все кулацкие семьи, не считаясь с тем, что в одной семье была женщина с 2-х недельным ребенком.

Уполномоченный Тюкалинского РИКа Инкин в с. Островном проводил коллективизацию так: «Кто не идет в колхоз, тот идет против советской власти. Мы не будем считаться, что он бедняк или середняк, а кто не пойдет в колхоз, того мы окулачим, сошлем за пределы округа, загоним в Соловки, а то и расстреляем». Другой уполномоченный Кузмин свой доклад на собрании начал с того, что он «народу расстрелял больше, чем волос у него на голове».

Уполномоченный Черноусов (тоже в Тюкалинском районе) в дер. Токари сказал: «Разъяснять много и говорить нечего – коллективизируйтесь и все».

В селе Крупянка Иконниковского района, при продаже кулацкого имущества, уполномоченный РИКа Болонкин делал оценку: дом 10 руб., кровать 1 руб., корова 1 руб., шуба 20 коп. При этом он давал директивы продавать все включительно до чашек, ложек.

Уполномоченный Тюкалинского РИКа т. Крупский (с. Бекишево), собрав 10 семей кулаков 1 категории для отправки в с. Кутырлы, эту отправку задержал, семьи поместил в школу и там держал 5 суток, производя обыски. Искал деньги, для чего отпарывал подкладки у одежды, рубашек, шапок, фуражек и т.д. Создалось впечатление у отсталой прослойки деревни, что над кулаками издеваются.

В с. Чащино у кулаков описывали все, включительно до худых тряпок. Уполномоченный по этому с/совету Акулов передавал, что пред. Тюкалинского РИКа Шипицин при инструктировании уполномоченных давал установку: у кулаков отбирать все, оставляя по одной паре белья, полушубок и печеный хлеб. Отсюда неудивительно, что при отправке кулаков 1 категории некоторые из них явились в дрянных шубенках и все, а детей завернули в тряпки.

Зам. пред. Иконниковского РИКа Паршуков в ауле №4, увидев среди имущества одного раскулаченного бая (имущество было продано колхозу) шубу на лисьем меху, взял и разделил ее с секретарем сельсовета (себе плюшевый верх, а секретарю мех), несмотря на протесты колхозников. В этом деле принимал участие и секретарь сельячейки Канонников. После категорического требования шуба была возвращена, но в таком виде, что даже верх на ней оказался распоротым. Секретарь ячейки Канонников приобрел для себя за бесценок ряд вещей и продуктов (например, кадку капусты за 15 коп.).

В деревне Яман Крутинского района колхозник Дм. Задворнов догнал убегавшего кулака Федосеева на Забродинском хуторе, раздел его, забрал хорошую одежду, а на кулака одел рваную.

Отбор к высылке кулаков за пределы округа по Исилькульскому району производится так, что посылали стариков, нетрудоспособных, многосемейных (имеющих 12 чел. семьи, из них 8 детей), беременных женщин. Таких хозяйств на сборном пункте из 225 было переведено во 2 категорию 84 хозяйства.

Уполномоченным Тюкалинского РИКа Дедюлиным был окулачен и выслан по первой категории середняк В-Тюкалки Чикенов Илларион за то, что он в 1928 г. вследствие болезни жены нанимал батрака. Дедюлину задали вопрос: «Почему ты захватил этого середняка?» Дедюлин ответил: «Надо было брать кого-то, чтобы выполнить контрольную цифру».

ИЗ ПИСЬМА МЫЛКИНА Андрея Владимировича, жителя с. Покровка Покровского с/с Называевского р-на Омского окр. Сталину: «Неужели это мое хозяйство влекло за мной лишение, или же лишить, отобрать последнюю клячу, а потом восстановить… Если бы вы заглянули, тов. Сталин, сюда в сельсовет и посмотрели б работу исправления ошибок, то здесь проводится так: берут взятки, восстанавливают кого не надо, пьют вино с их, а кто не дает, гонят силой на выселение, бьют женщин… (Председатель сельсовета) выгнал жену с детьми на мороз, поразграбил всю мою одежду, позабрал последний хлеб и оставил нас голодом». (ГАОО. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 7, 709)

(Выступление тов. Синицина в прениях по докладу тов. Алексеева на V окружной парт. конференции)

[...] По вопросу уничтожения кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Для нашей Татарской организации все это было ясно, как в зеркале видели, так как через наш район все ваши «кулаки» прошли (смех). Мы очень хорошо видели ваших «кулаков», прощупали и видели, что это за «кулаки», которых вы отправляли. Я должен заявить прямо, что вами директива Центрального Комитета партии не была выполнена. Вы отправляли 80-ти, 90-летних стариков и старух. Кто разрешал их вам отправлять? Кто разрешил вам отправить мужа с женой, у которых 8 человек грудных детей? (Смех). Кто вам разрешил это делать? Может быть, товарищи, не все 8 были грудные, это верно, но я заявляю, что тут вами были высланы середняки, и очень много середняков было отправлено на Васюганские болота. Вот, товарищи, эти ошибки надо проверять и вовремя исправлять. А то вот у нас получилось так, что население слышало, что мы ошиблись, и стали сами убегать, они стали кричать, что вы их вытолкнули в Тарский район без всего (с места: «была директива»). Такой директивы не было. Они предъявляли к нам требования, ваши «кулаки», чтобы мы их кормили, чтобы им давали все необходимое, потому что вы их вытолкнули голыми. Правда, мы быстро аннулировали эти недоразумения. Они снялись и уехали домой. Что, разве это красиво, что они к вам поодиночке возвращались? (С места: «А почему ты их не задержал?) А вы разве дали мне, чем их кормить, чем же я должен был кормить ваших «кулаков»? Какое же, товарищи, получилось политико-моральное состояние в вашем районе, в связи с тем, что они к вам явились сами.

Примеры бесконечны. За каждой строкой будущей книги боль, страдания – индивидуальная и общая трагедия российского народа. Масштабность репрессий 1930-1933 гг., безусловно, превосходит те, что грянули в печально-известном 1937-м. Потому что большинство из пострадавших были дети. Те, которым предстояло вырасти с незаживающей раной в сердце и все-таки в трудный для Родины час встать и защитить ее ценой своей жизни. Они и их родители, трудолюбивые крестьяне, заслуживают, чтобы их помнили, чтобы не было в цепи наших родословных порванных звеньев. Это особенно важно для наших детей и внуков, пусть они знают, как глубоки и прочны их корни в родной земле.

Общим памятником всем, кто был ограблен государством, согнан с родной земли, должны стать новые тома Книги Памяти**.**

(Стиль, орфография и пунктуация в приведенных документах сохранены. - Авт.)

Мария Сбитнева, главный редактор
«Редакции Книги Памяти жертв политических репрессий»

IV. «Помня прошлое, мы обещаем будущему»

«Расказачивание»

Я не застал тех времен, когда в России воцарялся хаос, а на поверхность мироздания вырвалось всё самое гнусное, что только можно было представить. Но трагедия моего народа отзывается горечью в моей душе. Страну охватила непреодолимая жестокость, увенчанная массовым бешенством. Это общенародное бешенство через какие-то 10-15 лет приведет весь народ к безысходности, которая, впрочем, была единственной адекватной расплатой за опрометчивую активность в уничтожении старой России. И тот, кто первый бежал рубить голову объявленным угнетателям, вскоре сам предстал перед плахой.

1917 год положил начало жесточайшей народной чистке в истории России, которая вылилась в массовый геноцид, депортации и репрессии против неугодных. Репрессии могли касаться целой семьи, или одного члена семьи, он мог быть русским, татарином или украинцем. Целая гамма национальностей создает разночинную картину репрессированной массы. Но среди этой гаммы ярким выделяющимся пятном располагается целый народ, который пытались стереть с лица земли. Ни один из народов России в этой «войне» не пострадал так, как пострадали казаки, ставшие костью в горле нового режима. Народ с твердой моралью и несгибаемыми принципами явно мешал власти советов раскинуться на просторы всей России, оказывая жесткое и убедительное вооруженное сопротивление. Казачий народ пытались вырвать клещами из истории нашей страны и не оставить о нем ни следа. Казаки, как опора православной самодержавной России, подверглись дьявольскому гневу большевиков. После неоднократных безуспешных попыток склонить казачий народ на свою сторону большевики начали процесс «расказачивания» - целенаправленного пошагового уничтожения целого народа.

С 1918 по конец 1940-х годов весь казачий народ от младенцев до стариков подвергся жесточайшему физическому и моральному террору. Терские, кубанские, донские, астраханские, уральские, оренбургские, сибирские, семиреченские, забайкальские, амурские, уссурийские казаки были приговорены к поголовному истреблению по директивам Троцкого, Свердлова и Ленина ещё в 1918-1919 годах. Приговорены за способность к народной самоорганизации, свободолюбие и независимость. Даже недолговременный раскол среди казаков на «красных» и «белых» во время Гражданской войны не смог уничтожить национальный характер, отличающийся обостренным чувством справедливости, которой в действиях коммунистов с каждым новым днем явно не доставало.

Террор против казачьего народа был крайне жестоким: по сути главарям большевистских отрядов и не оставалось иного способа борьбы с казаками, поскольку даже женщины-казачки и подростки-казачата оказывали сопротивление большевикам. Именно поэтому ни один штурм станиц не обходился без жестокого издевательства над плененными: взрослым казакам вырезали на ногах лоскуты кожи по форме лампасов с казачьих шароваров, выжигали на лбу казачьи кокарды, о физических издевательствах над казачками можно и не говорить – это было безусловным фактом в вопросе уничижения народных чувств, поскольку женщины у казаков были крайне почитаемы, молодых казаков учили: «помни, казак, женщина - это будущее твоего народа». Следующим направлением ликвидации казачьего народа было уничтожение народной памяти, т.е. стариков, которые передавали основные традиции и устои казачьего жития детям. Расправа со стариками

тоже не отличалась гуманностью, ведь задача была проста: искоренить народ, разорвать преемственность поколений, затоптать традиции, основывающиеся на самоотверженности и бесстрашии казаков в борьбе с врагом. Однако никакие издевательства не могли сломить волю казачьего народа в борьбе с большевиками. За каждый сожженный хутор и убитых детей, женщин и стариков казаки, скрипя зубами, оказывали усиленное сопротивление.

В каждом казачьем крае большевики применяли разный подход для борьбы с казаками. Так, например, на Кавказе, где жили терские казаки, большевики взяли курс на сближение с горцами, и, реализуя их потребности, их же руками начали борьбу с казаками.

Численное превосходство противника для казаков не являлось основной проблемой, поскольку казаки были привыкшими воевать в меньшинстве, ведь как гласит пословица: «казаков много не бывает, но мало не покажется». И мало действительно не показалось: весь этап борьбы с казаками отодвинул планы быстрого установления власти советов на всей территории России на долгие 10 лет, поскольку сопротивление образованных уже после гражданской войны партизанских казачьих отрядов продолжалось до середины 30-х годов.

Сталинские репрессии 30-40-х годов продолжили долгую борьбу с казачьим народом. Борьба, принявшая на этот раз вид насильственной депортации, была организована против, казалось, потухшего огня казачьего самосознания. Началась частичная депортация терских, кубанских и донских казаков с родных краев в Сибирь, Казахстан и на Север России. А на их места в родные дома заселялись русские из центральной России, этнический состав казачьих регионов постепенно менялся. Идеологическая борьба против казачьих основ продолжалась еще долго после революционного геноцида: казачьи песни переписывались в советские, заменялись слова и приписывались другому автору; советские деятели очень быстро приспособили всё лучшее, взятое у славного воинского казачьего народа, на вооружение советской армии. Казаками называться боялись, чтобы хоть как-то сохранить казачий род, писались русскими. И сквозь весь ужас тех времен сегодня к нам возвращаются отголоски давно забытого прошлого. И скажет дед однажды внуку: «А знаешь, милый, «ползать по-пластунски» это ведь от них пошло, от казаков-пластунов», и шашки, и шапка набекрень…

Безусловно, «расказачивание» сделало свое дело: из почти шестимиллионного народа более трех миллионов погибло от рук большевиков, но по большей части не в лагерях, а в боях, как и свойственно этому славному воинственному народу, остальная часть либо успела эмигрировать, либо приняла выжидающую позицию и ради сохранения казачьего рода смолчала всю боль и мерзость, которую учиняли в России с казачьими землями. Сегодня можно сказать, что это был исключительно правильный шаг. Именно благодаря этому казачье народное самосознание сохранилось до сегодняшних дней, и после развала Советского Союза вырвалось на волю вольную, в станицах засверкали лампасы и казачьи фуражки, возродились чубы и папахи; кто-то достал дедовскую черкеску, хранившуюся в потаенном месте, старинные кинжалы и шашки. И снова потомки своих славных предков с гордостью называют себя казаками!

Мы, потомки казаков, каждый год отдаем дань памяти загубленным душам: служим панихиды в церквях и стараемся рассказывать своим детям о тех страшных временах, которые выпали на долю наших дедов и прадедов, чтобы, если однажды повторится что-то подобное, мы учли опыт и ошибки наших предков и поступили бы не менее достойно, по-казачьи.

Сергей Абрамов,
студент ОмГУ

Село Такмык

С 1922 по 1991 годы в мире существовало государство под названием СССР. На карте мира оно занимало самую большую площадь по сравнению с другими странами, а это 1/6 часть суши.

Мои родители родились и выросли в СССР. Детство их пришлось на годы наивысшего подъема Советского Союза, расцвета мощи и силы государства, а юность и молодость стали свидетелями ослабления и распада великой державы.

Родители мне рассказывали, что тогда им было непонятно, почему такая великая страна перестала существовать. А они просто не знали настоящую историю страны под названием СССР. В школе воспитывали гордость за страну, детям внушали, что советский человек - самый счастливый человек в мире, а жизнь в Советском Союзе под руководством КПСС - самая лучшая. В других же странах жизнь плохая и тяжелая, потому что там капитализм. А история нашей страны - это борьба за счастливую жизнь, борьба за коммунизм. И такой путь считался единственно правильным. Во все это они свято верили и гордились своей страной. И это действительно было так! Моя мама, будучи пятиклассницей, плакала от счастья, что родилась в советской стране, потому что в других странах дети умирают от голода и болезней, а советские дети собирают деньги в помощь африканским ребятам.

А потом началась «перестройка» М.С. Горбачева. И мои родители узнали другую правду о великой державе. Газеты и журналы, телевидение и радио открыли им другую страну. Фильмы Т. Абуладзе «Покаяние» и С. Говорухина «Так жить нельзя», книги А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ» и В. Шаламова «Колымские рассказы», статьи в «Новом мире», «Аргументах и фактах», телепередачи «Взгляд» и «Пятое колесо» в буквальном смысле были потрясением и осознанием истины.

В сознании закрепились зловещие слова: «репрессии» и «ГУЛАГ»!

Появились данные о масштабах репрессий, проводимых советским государством против своего народа.

В период создания колхозов и раскулачивания крестьян в начале 1930-х годов было выселено из родных мест 381026 семей общей численностью 1803392 человека, которые были объявлены кулаками и врагами советской власти. А на самом деле это были просто зажиточные крестьяне, которые не хотели вступать в колхозы. Около 90 тысяч погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от недоедания и болезней в местах ссылки.

1937-1938 годы теперь называют годами «Большого террора». В эти годы в стране было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1548366 человек, из них приговорено к расстрелу 681692. Были репрессированы физики, астрономы, биологи, конструкторы, лингвисты, писатели и поэты, режиссеры и художники. Много было репрессировано военных, до 40000. Проводились репрессии против этнических меньшинств, иностранцев и даже разведчиков.

В 1943-1944 гг. были проведены массовые депортации калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков, болгар, крымских цыган. Всего в годы Великой Отечественной войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности.

Была создана целая сеть лагерей под названием ГУЛАГ, а это 425 колоний, всего 30000 мест заключения, куда были помещены репрессированные. Эти лагеря теперь называют сталинские. Они были созданы на всей территории СССР. До Великой Отечественной войны в Гулаге находилось свыше 1,5 млн. заключенных, а после войны свыше 2-х млн. Руками заключенных строились важные объекта экономики СССР: каналы, ГЭС, металлургические предприятия, ядерные объекты, железные и автомобильные дороги.

Заключенные трудились в добывающих отраслях и на лесозаготовках.

Всего за эти годы существования системы ГУЛАГ через него прошли 15 - 18 миллионов человек. Из них скончались в лагерях примерно 1,5 миллиона.

Страшная статистика. Получается, что сила и мощь СССР создавалась в буквальном смысле «на костях» народа!

История моей семьи уходит своими корнями в далекое прошлое, большую часть которого восстановить уже не представляется возможным. Но особо значимые события моей семьи бережно хранятся и передаются от старшего поколения к младшему. По крупицам я восстановила родословную нашей семьи по папиной линии. События, повествующие о жизни моих предков, напоминают в какой-то степени исторический детектив с жуткими сюжетами, о которых поведала проживающая в селе Такмык моя бабушка - немка по национальности.

Бабушка не любит вспоминать о своем военном детстве, о послевоенной жизни в чужом краю. Ее, десятилетнюю, босоногую, резким движением выдернули из теплой постели, бросили в повозку, где уже находились ее братья и сестра. Отца увезли, шептали братья, мать в спешке вязала узлы с детской одеждой. На сборы дали два часа, и длинная вереница обозов потянулась к станции Урбах, где всех немцев погрузили в товарные вагоны. Было страшно, темно и душно, люди могли только сидеть, прижав к себе колени, или лежать, свернувшись калачиком. Ехали долго, останавливались в дороге, только чтобы выбросить умерших, и тогда появлялась возможность выйти из вагона. Тех, кто бросался бежать, расстреливали на месте. Как доехали до места, бабушка не помнит. Помнит только ветхую землянку, полуразвалившуюся печь и пол со щелями, в которые то и дело проваливались ноги. Зима выдалась холодной, мама с утра до позднего вечера работала на мельнице, таская 70-тикилограммовые мешки, а ее дети, имея одну пару валенок на всех, ходили по улицам, обмотав босые ноги старыми тряпками, собирали палки для печи и картофельные очистки, мыли их и варили. Настоящим праздником было время, когда мать приносила домой штопать мешки из-под муки, - это была дополнительная работа, приходилось выполнять ее ночью, недосыпая. Зато в семье появлялось немного муки. Каждый мешок перед штопкой дети тщательно вытряхивали и собирали остатки муки.

Когда Рудольфу исполнилось 16 лет, он вместе с матерью пошел работать на мельницу. Теперь паек увеличился вдвое, и только это спасло жизнь младшему брату, который умирал от истощения. Бабушка и теперь помнит, как стучали по тротуару его новенькие башмаки на деревянной подошве, когда он возвращался рано утром с ночной смены. После окончания войны немцев отпустили на вольное поселение, и семья Кесслер решает переехать в деревню. В селе Такмык не хватало рабочих рук, пустовали заброшенные домики, и можно было кормиться со своего огорода. Добра у прабабушки скопилось немного, но самой дорогой вещью была для нее швейная машинка «Зингер», которая помогала семье выжить. Мать моей бабушки и ее свекровь были хорошими швеями. Нехитрые пожитки погрузили на тележку и 70 верст, толкая ее перед собой, шли по разбитой лошадьми дороге в Такмык. Легче не становилось. Люди, потерявшие на войне своих близких, зло поглядывали вслед голодным и потрепанным ребятишкам. Только сейчас у бабушки (Ирмы) появилась возможность пойти в школу (старший брат, как сумел, сколотил ей деревянный ящик, в который она бережно положила первую в своей жизни тетрадку). Училась бабушка в 3 классе, когда ее, худенькую, мальчишки избили ее же самодельным портфелем, из которого во все стороны торчали гвозди, и столкнули с горы. Никто не знает, сколько маленькая Ирма пролежала в снегу без сознания. Нашлись добрые люди, которые спасли девочку, оказав ей медицинскую помощь. После этого случая бабушка категорически отказалась идти в школу, а мать не настаивала, понимала, что может потерять дочь. Ирма пошла

трудиться в 14 лет в 1945 году в бригаду таких же подростков, как она: сушила картофель для фронта, позже работала на лесозаготовках, пришлось поработать и дояркой. Много раз вслед, да и в глаза, моя бабушка слышала обидное слово «фашистка», именно поэтому мечтала поменять свою фамилию на «приличную». В 1952 году она выходит замуж за вернувшегося с войны Ложникова Сергея Андреевича.

Ложникова Василина, ученица 10 класса
МКОУ «Такмыкская СОШ» Большереченского района

Особенности возвращения избирательных прав «лишенцам» в 1920-е гг.

Массовый виток политических репрессий начался не сразу, его пик пришелся на 1937 год. Естественно, предпосылки стали складываться намного раньше, начиная с середины 1920-х гг., когда стала постепенно формироваться система сталинизма. Затем последовали такие известные события, как «шахтинское дело», 1928 г., «процесс промпартии», 1930 г., «академическое дело», проходившее за закрытыми дверями в 1929-1931 гг., процесс «союзного бюро меньшевиков», 1931 г.

Но следует обратить внимание на то, какие события стали предтечей массовых репрессий. В качестве примера может послужить лишение избирательных прав граждан, показавшихся властям неблагонадежными. Даже сейчас, несмотря на разрешенный доступ к ранее засекреченным архивным делам, не всегда можно найти документы, касающиеся судеб репрессированных родственников. Поэтому первые шаги в поисках сведений зачастую приходится начинать с исследования дел «лишенцев». Если обратить внимание на них, можно увидеть, как в те годы лишение избирательных прав еще не означало коренного изменения жизненного пути человека. Граждане постоянно подавали заявления на обжалование решений суда. Документы о лишении избирательных прав отложились в фондах Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (РИКов) в связи с тем, что в 30-е гг. исполкомы осуществляли контроль за организацией и соблюдением избирательных прав граждан. Существовали избирательные комиссии различных уровней: сельские, районные, городские.

В середине 20-х гг. репрессии еще не носили массового характера. В то же время власти шли навстречу, восстанавливая граждан в избирательных правах, чтобы не настраивать против себя население. Количество жалоб, ходатайств о восстановлении избирательных прав было велико. Первую значительную группу «лишенцев» дала конституция 1924 г. Избирательных прав лишались следующие категории граждан:

- лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления имущества и т. п.
- частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков;
- служащие и агенты бывшей полиции и охранных отделений.

В качестве примера приведем два дела, находящиеся на хранении в Государственном архиве Омской области (ГАОО), касающиеся лишения избирательных прав. Это дела на Жигалова Михаила Ивановича, лишенного избирательных прав в 1926 г., восстановленного в 1927 г., и Бухаткина Бориса Павловича, лишенного в 1928 г. и восстановленного только после принятия конституции 1936 г., благодаря которой были сняты все ограничения,

выборы стали всеобщими, и все «лишенцы» были восстановлены в избирательных правах.

Жигалов Михаил Иванович на тот момент являлся счетоводом омского кожзавода № 1 и был лишен избирательных прав по причине службы в белой армии в годы гражданской войны. Следует рассмотреть подробно факты его биографии, чтобы понять причины, по которым советская власть прощала гражданам их прежние «прегрешения». Приведем заявление Жигалова М. И. от 1 февраля 1927 г.:

«Прошу Избирательную комиссию восстановить меня в правах гражданства и избирательного права, при этом учитывая, что я происхожу из бедной крестьянкой семьи, с 8-летнего возраста находился в работниках (батраках). По призыву на действующую военную службу в 1905 г. был назначен писарем и по окончании военной службы выдержал испытание на классную должность в военное время. Во время русско-германской войны произведен в чиновники военного времени, в виду этого был во время колчаковщины мобилизован».

Далее Жигалов М. И. сообщает о прохождении службы в красной армии с 1919 по 1923 гг., указывая и то, что в данный момент в должности командира взвода находится его сын.

Интересен и его ответ на вопрос анкеты о пребывании в белых или иностранных армиях, а также антисоветских партизанских отрядах:

«В армии Колчака на должности казначея в чине чиновника военного времени с 3 сентября 1918 по 23 декабря 1919 г. Снят с особого учета по бывшим белым в 1925 г.»

Видимо, учитывая послужной список Жигалова М. И., его биографию, а особое внимание в первое десятилетие советской власти уделялось социальному происхождению состава армии, было принято решение восстановить его в избирательных правах, о чем свидетельствует данное постановление:

«Горисполком сообщает, что ходатайство Ваше о восстановлении в избирательных правах рассмотрено и постановлением Пленума Горисполкома от 02.03.27 г. протокол № 3 п. 6 Вы восстановлены в избирательных правах и исключены из списков лишенных по городу Ново- Омску».

Далее рассмотрим пример Бухаткина Бориса Павловича, бывшего белого офицера, работающего на момент лишения избирательных прав в Омске сапожником. Он так и не был восстановлен в избирательных правах, несмотря на то, что его судьба мало отличалось от рассмотренного выше случая. Но в армии Колчака он значился офицером, что и предопределило его дальнейшую жизнь, несмотря на то, что в прилагаемой к делу автобиографии он указывает на то, что на службе находился совсем недолго.

«В 1916 г. был призван на военную службу и назначен в 25-й Сибирский стрелковый полк в Томске. В 1917 г. командирован в Омскую школу прапорщиков и окончил последнюю 7 июня 1917 г. Назначен младшим офицером в 38-й Сибирский стрелковый полк в Томск, где и служил до мобилизации в 1918 г. Мобилизован в армии Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г., но из-за расстройства нервной системы оставался в резерве. Затем переведен в первую клинику, где и оставался до октября 1919 г. В ноябре 1919 г. переведен в Омск. После отступления отправлен в Новосибирск, где и остался до прихода Советской власти. Здесь был арестован и направлен в Омск, затем в Москву, а оттуда в Архангельск, в лагерь принудительных работ».

Вскоре Бухаткин Б. П. освобожден из лагеря, но, видимо, пребывание в армии Колчака в качестве офицера, пусть и в резерве, делало его подозрительным для новой власти. Сложно судить о том, удалось ли ему предоставить убедительные доказательства нахождения в

больнице. Новая власть посчитала, что бывший колчаковский офицер, прошедший через лагерь и не принимавший участия в общественной работе, вряд ли заслуживает доверия. О чем свидетельствует и отказ в восстановлении прав от 10 марта 1929 г.:

«В ходатайстве гражданина Бухаткина Бориса Павловича, лишенного права голоса, как бывшего белого офицера, отказать, как не служившего в Красной армии и ничем не проявившего себя по отношению к советской власти и не занимающегося в данное время общественно-полезным трудом».

Таким образом, можно увидеть, что в 1920-е гг. случаи нарушения прав граждан еще не приобрели жестоких черт, характерных для середины 30-х гг. Люди, находившиеся в стане белых на второстепенных должностях, тем не менее, должны были заслужить прощения, показывая своими делами лояльность к власти. Заявления от «лишенцев», которые после окончания гражданской войны оставались в стороне от общественной жизни, подлежали, как правило, отказу. В случае грамотно изложенной биографии, подкрепленной документами и коллективными подписями в поддержку заявителя, можно было добиться восстановления прав, тем более, учитывая нехватку грамотных специалистов в то время, что можно проследить на примере представленных дел.

Стельмак Максим, архивист,
Исторический архив Омской области

«Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению…»

Все годы политических репрессий можно разделить на 3 периода.

Первый период: 1919–1921 годы - преследование бывших чиновников царского буржуазного правительства, участников белого движения, казачества.

Второй период: 1937– 1939 годы - политические репрессии в отношении интеллигенции, духовенства, ранее раскулаченного зажиточного крестьянства, представителей различных национальностей.

Третий период: 1941–1946 годы - ужесточение внутренней политики государства в связи с Великой Отечественной войной. Однако жестокая машина тоталитаризма, запущенная в ход в первые годы советской власти, начиная с 1918 года, тяжелым катком катилась по судьбам людей Советского Союза, и, казалось, нет ни какой силы остановить ее.

Концентрационные лагеря называют чумой XX века. Они стали высшим проявлением тоталитаризма, породившего феномен «административного массового убийства». По мнению французского исследователя Жака Росси, проведшего в сибирских лагерных бараках почти четверть столетия, «из всех концлагерных систем этого века, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 года, но и самым точным воплощением создавшего его государства. Не зря ведь об освобождаемом зэке говорили, что его переводят из «малой» зоны в «большую».

Первые лагеря на территории советской республики появились летом 1918 г. Был период, когда по всей стране одно за другим вспыхивали крестьянские и рабочие восстания.

Политический террор и гражданская война способствовали быстрому росту численности лагерей, - к концу 1921 г. на территории РСФСР функционировали 122 лагеря. Крайне тяжелое экономическое положение страны и голод делали жизнь в лагерях невыносимой. В течение короткого времени физически здоровые люди становились нетрудоспособными, многие умирали.

Объектом политических репрессий стали свои однопартийцы, вчерашние соратники по революционной борьбе и внесудебным расправам. Мнимые и реальные оппозиции громились с энтузиазмом и беспощадностью, свойственной большевистским натурам. Арест, тюрьма, ссылка и концлагерь стали главными аргументами в политических спорах.

Многие коммунисты воспринимали репрессии как совершенно справедливую революционную расправу, которая совершалась во имя светлого будущего. Мечты об этом «светлом будущем» стали для большинства населения советской России тем допингом, который помогал пережить настоящее.

Массовый политический террор 1930-х годов вызвал к жизни такие карательные органы, как «тройки». Формальным основанием для их организации и деятельности служило распоряжение наркома внутренних дел Ягоды от 27 мая 1935 г. В тот период полномочия этих внесудебных органов ограничивались возможностью ссылать и заключать в лагерь на срок до пяти лет.

Все это приучало общество жить в постоянном напряжении и страхе. Люди не только «трепетали, завидя ромбы и петлиц малиновый цвет», они начинали бояться своих друзей, родных и знакомых, которые, сами того не желая, могли стать причиной их несчастий и бед.

После массового террора 1937–1938 годов, унесшего более миллиона человеческих жизней, количество смертных казней резко сократилось. Наиболее распространенным видом наказания стало заключение в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. К началу войны число заключенных в советских лагерях и колониях составляло, по официальным данным, 2,3 миллиона человек.

Попадая в ГУЛАГ, всякий заключенный, независимо от срока наказания и статьи приговора (политической, уголовной или бытовой), становился объектом нещадной эксплуатации со стороны государства и лагерной администрации.

В 1929–1931 гг. на территории СССР сформировалась сеть лагерей принудительного труда, официально переименованных к тому времени в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Многие лагеря уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую направленность: лесозаготовительные, сельскохозяйственные, угледобывающие, горно-металлургические, строительные и т.д. С начала 1930-х годов они стали важным фактором развития советской экономики. «Рабочий фонд» ГУЛАГа постоянно увеличивался, что позволяло лагерной экономике решать крупные хозяйственные задачи.

Несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в самом начале 30-х годов были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за 1930-1931 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1803392 человека.

Число заключенных, содержавшихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г., по официальным данным, 268700 человек.

В ряде лагерей наблюдалось массовое истощение заключенных, смертность была очень велика. Количество неспособных к труду, даже по строгому лагерному определению, достигало половины состава заключенных. Большое распространение имели сезонные заболевания: зимой обморожения, весной глазные заболевания от яркого света и снега, приводившие порой к полной слепоте. Заключенным полагались солнцезащитные очки, но их, конечно, не выдавали, в результате люди слепли. В инвалидном лагере содержалось большое количество людей, ослепших от снега, которые передвигались по лагерю цепочкой. Чрезвычайно высок был производственный травматизм, нередко случались самоубийства. Тяжесть рудничных работ (ручная погрузка и разгрузка) усугублялась 12-часовым

пребыванием в вечной мерзлоте. Питание чрезвычайно скудное и однообразное. Главной пищей был хлеб, его выдавали от 650 до 1200 граммов, но этого, как будто, большого количества, не хватало, чтобы возместить расходы организма на холод и тяжелую работу. К тому же хлеб был очень плохого качества, бывали случаи, когда его ели полусырым (специально, чтобы потяжелей), выдавали в шапки, т.к. недопеченный полужидкий хлеб расползался. В массовом воровстве продуктов участвовали как заключенные уголовники, так и вольнонаемные сотрудники, особенно надзиратели.

В конце 20-х годов по отношению к крестьянству советское государство использовало различные чрезвычайные меры в виде конфискации хлеба, семенных запасов, средств производства, индивидуального обложения все возрастающим по размеру сельскохозяйственным налогом, введения твердых заданий по хлебозаготовкам, чистки управленческого персонала и др. Переход к политике сплошной коллективизации повлек за собой новые, еще более жестокие репрессивные последствия.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик было предоставлено право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения из пределов отдельных районов и краев (областей)». Процесс ликвидации кулачества был связан с массовой коллективизацией и индустриализацией страны, с опорой, прежде всего, на батрацко-бедняцкие слои населения.

Все так называемые «кулаки» были разделены на три категории, к каждой из которых применялась определенная «мера наказания». К первой категории причислялся контрреволюционный кулацкий актив. Это те крестьяне, которые являлись участниками контрреволюционных выступлений, либо были замечены или заподозрены в любых формах агитации против советской власти. Они подлежали аресту, и их дело проходило по линии Объединенного Государственного Политического управления (ОГПУ). Вторую категорию составляли наиболее зажиточные крестьяне, к которым должны были причисляться кулаки и подкулачники (т.е. все те, кто в какой-либо степени сочувствовал кулацким семьям). Они подлежали принудительной высылке в малонаселенные районы страны. Остальные «кулаки» составляли третью категорию, которая переселялась в пределах своего района или округа на худшие земли. Списки кулацких хозяйств по второй и третьей категориям формировались райисполкомами на основании постановлений батрацко-бедняцких собраний колхозников.

Трудовое крестьянство в преддверии насильственного разорения шло на всяческие ухищрения: дробились семьи, распродавалось имущество, истреблялся рабочий и продуктивный скот, преднамеренно сокращались посевные площади. Все это в свою очередь вело к резкому падению товарности сельскохозяйственного производства. В ответ на подобные действия районные исполнительные власти лишали такие хозяйства вообще права пользования землей, конфисковывали оставшийся скот, сельскохозяйственный инвентарь. Многие крестьяне «самоликвидировались» и уходили в город.

Политика массового раскулачивания, естественно, не благоприятствовала расширению сельскохозяйственного производства, а, наоборот, способствовала его свертыванию. Крестьяне продолжали распродавать сельскохозяйственный инвентарь, боясь попасть в категорию очередных врагов народа, сокращали посевы, производили ровно столько продукции, сколько было необходимо на потребление одной семье.

Имущество выселяемых кулаков подлежало конфискации. Каждой семье, отнесенной ко второй категории, оставлялся минимум предметов домашнего обихода (белье, одежда, постельные принадлежности, посуда), продовольствия на три месяца, а также 500 руб. «для проезда и устройства» на новом месте. Кулакам третьей категории предписывалась возможность сохранения небольшого количества сельскохозяйственного инвентаря,

а также части строений и домашних вещей, которые они могли вывезти на новое место жительства. Каких-либо «льгот» при изъятии имущества кулаков первой категории не предусматривалось.

Конфискуемые у кулаков средства производства и имущество должно было зачисляться в неделимый фонд колхозов. Кулаки всех трех категорий исключались из любых кооперации, членами которых они являлись, без выдачи их вкладов и паев. Средства производства и имущество кулаков могли поступать в распоряжение колхозов в качестве вступительного взноса бедняков и батраков. При этом категорически запрещалась их передача в единоличные хозяйства, покупка коммунистами и комсомольцами.

В моей семье есть бабушка, которую тоже коснулись репрессии, это дальняя родственница Нина Семеновна Хоробрых. Нина Семеновна рассказывала: ”Мне было всего 19 лет, когда началась Великая Отечественная война. В 1942 г. в вагоны для скота загрузили 15 тыс. человек. Люди были набиты так тесно, что ехали стоя. Людей довезли до Северного Рейн-Вестфалия и выгрузили на огороженной площадке. Сюда съезжались помещики и фабриканты - выбирали себе работников. Больных не брали, а уничтожали. Мне и моей матери “повезло, нас, 25 человек, взял один инженер с пружинной фабрики, где делали пружины, от самой маленькой до самой большой, на танки. Я работала на фрезерном станке, безо всякой защиты и очков. За качеством следил мастер. Шел 1945 г. - война подходила к концу. Этому надо было только радоваться, но впереди были страх и неизвестность. Страх - потому что уже многие месяцы Германию бомбили союзники, и люди не знали, доживут ли до следующего дня. Бомбы не различали фашистов и их пленников. Неизвестность... Кто мог знать, вернусь ли я на Родину, и что меня там ждет. Когда разбомбили фабрику, мы стали “бесхозными”, спали на цементом полу, в полуразрушенном помещении, тесно прижавшись друг к другу. Начался голод, не хватало воды. Был апрель 1945 г. Нас освободили американцы, с приходом которых установился порядок: людей сгоняли в одно место, расселяли в домах по национальностям, а потом увезли в лагерь, где они и узнали о победе и окончании войны”. Вернувшись в СССР, Нина Семеновна стала жертвой сталинской диктатуры. Тех, кто был в Германии, не брали на работу, тайком вели за ними наблюдение. Бывшие остарбайтеры стали “врагами народа” в родной стране. Им нужно было каждый месяц ездить отмечаться в райцентр. Были люди, которых даже арестовывали из-за того, что они не отметились в райцентре, а если кто-то и взял невинных людей на работу, то они, в свою очередь, тоже становились “врагами народа”.

«Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. То, что произошло, - это предупреждение. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это действительно происходило (ведь по сей день есть люди, которые отрицают реальность концентрационных лагерей).

(Карл Ясперс «Смысл и назначение истории»)

Мы, молодые, должны помнить свою историю, знать ее горькие страницы, чтобы подобные ужасы больше никогда не повторились в нашей стране!

Баранцева Галина, студентка
ОмГАУ им. П.А. Столыпина

Большой террор в жизни моих предков

Самые трагичные годы для маленькой семьи из трех человек пришлись на время власти Сталина. Именно 1938 год навсегда забрал из семьи моего прадеда Соколова Николая Федоровича, отца моего деда Михаила, мужа моей прабабушки Евгении Васильевны. Какое счастье было для меня узнать, что родственники сохранили старую аудиокассету, записанную в 1988 году моим покойным дядей Алтуховым Алексеем Васильевичем.

Дядя был лейтенантом милиции, благодаря навыкам профессии, он умел брать «интервью» даже у самых неразговорчивых граждан. Свидетели ужасов времен НКВД были в их числе. Конечно, дядя не опрашивал массово жертв политических репрессий, но, узнав, что бабушка его жены перенесла много горя и в родном селе Чернолучье очень долго носила клеймо жены «врага народа», поставил цель тайно записать разговор с Бизиной Евгений Васильевной. Это был обычный разговор на кухне во время ее приезда в гости в сентябре 1988 года на смотрины своей правнучки Натальи (дочери Алтуховых Алексея и Надежды). Алексей Васильевич, параллельно убаюкивая дочь-младенца и убрав записывающий магнитофон подальше от глаз старушки, начинает разговор с банальных вещей, буквально о погоде. Но чем дальше длится разговор, тем дальше отступает он от темы. И тут уже главный вопрос о судьбе ее мужа - больная тема для ранимой души несчастной женщины. Она пытается говорить так, будто рассказывает сказку, но только у этой сказки не совсем ожидаемый конец. Главный герой в ней умирает, хотя рассказчик даже не подозревает об этом.

Если сегодня излагать эту печальную сказку об ужасах НКВД, то можно начать словами: давным-давно, в застенках лагерей… Прошло уже более 80 лет с тех пор, когда в красивейшем селе Чернолучье поженились два любящих человека: русый парень Коля Соколов и чернобровая смуглянка Женечка Бизина. Коля был на три года старше своей невесты. Он родился в 1906 году в селе Чернолучье Кулачинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии в семье пимоката Федора Соколова, который, по семейным легендам, был выслан из Центральной России (из г. Костромы) за политическую неблагонадежность, и его жены Марии, которая в селе считалась травницей. Однако, легенда не нашла своего подтверждения: в метрической книге за 1900 год Федор Соколов значится обычным солдатом, прибывшим из Костромской губернии без документов. Но родные не устают утверждать, что Федор был ссыльным, и на общем собрании сельчан в начале XX века решали, взять ли Федора и его жену Марию в свое село на постоянное жительство. Взяли, потому что именно в метрической книге Крестовоздвиженской церкви села Чернолучье имеется запись о рождении в 1906 году у Федора и Марии сына Николая.

Женечка была дочерью старосты чернолучинской церкви Василия Бизина, который параллельно изготовлял для ближайших деревень самодельные кирпичи и ставил на них

клеймо со своими инициалами. По семейным преданиям, из кирпича В. Б. даже построили церковь в одной из деревень, которую разрушили при советской власти, и перед самой смертью Женя попросила внука Николая (моего отца) принести ей именной кирпич отца с развалин этого храма.

У маленькой Женечки был очень красивый голос и дар к пению, которые заметил отец, и решил отдать ее в церковно-приходскую школу при Крестовоздвиженской церкви. Женя пела в хоре недолго. Она потом всю жизнь вспоминала, какие гадости делали священнослужители, от чего у нее пропало желание дальше продолжать верить этим людям. Например, после причастия попы выпивали неиспользованный кагор и сквернословили на каждом шагу. Это очень повлияло на веру и мировосприятие моей прабабушки, она больше ни разу не ходила в церковь, и никогда не кланялась попам.

Василий Бизин умер в 1919 году во время гражданской войны от тифа. Тиф прошел по всей Омской области не бесследно. Укрывая в церкви больных белогвардейцев, он заразился и вскоре умер. Его дочери было всего 10 лет. Еще очень долго на чердаке своего дома Женя хранила те книги и вырезки из газет о Колчаке, которые передали старосте перед смертью белогвардейцы.

Поженившись в 1924 году, Николай и Евгения решили родить ребенка. Спустя два года появился Мишенька, мой дедушка, в будущем он дойдет до Берлина во время Великой Отечественной войны и пройдет на Черноморском флоте действительную службу, уже будучи контуженным.

Семья сразу отделилась от родителей. Мать Евгении – Вера Яковлевна Бизина (в дев. Кокина) – жила в семье старшей дочери и старалась не лезть в воспитание Миши. Мать Николая умерла, а отец Федор Тимофеевич переехал через Иртыш в деревню Китайлы Любинского района. Более десяти лет жили душа в душу Коля и Женя, что не всегда нравилось окружающим. Николай старался заработать деньги для семьи, утроился в пожарную службу Чернолучья. Но тут его ждала беда. В 1938 году в НКВД стали поступать доносы на счастливого семьянина, позволяющего в разговоре с друзьями по работе, а по сути с односельчанами, упоминать о недостатках политики коллективизации и высказываться против организации колхозов. Пары неудачных слов в период нехватки заключенных при строительстве главных стратегических объектов страны было достаточно для того, чтобы человеку подписали приговор на смерть. Конечно, убивать решали не всех, но люди сами не выдерживали тех испытаний, которые «дарили» сотрудники НКВД, и умирали от истощения или избиения.

В архиве ФСБ по Омской области сохранилось архивное дело, которое поведало о многом, о чем не рассказала в своем разговоре Евгения Васильевна. Дело № 9287 повествует о десяти участниках преступной группы. Естественно, сфабрикованное дело. По факту никакой группы не существовало. Односельчане, которые то тут, то там были неосторожны в словах, и не думали, что их же товарищи напишут бумагу «наверх», и арест не заставит себя ждать. В каждом населенном пункте всегда были люди, которые не вписывались в «деревенский круг общения», они же, как правило, и становились главными доносчиками на «врагов народа». Но на чужом горе счастья не построишь. Судьба отплатила чернолучинским доносчикам той же монетой.

Вот выписка из архивного дела репрессированного Соколова Николая Федоровича: «Некий человек [его имя не называется мной по моральным обстоятельствам] давал свидетельские показания от 18. 02. 1938 года против Соколова Николая Федоровича, уроженца села Чернолучье Красноярского сельского совета, русского, колхозника: «Мне известно, что в июне 1937 года сельсовет поручил мне провести подписку на заем

обороноспособности Советского Союза. Я пришел в пожарное отделение, где находился Соколов Н. Ф., я ему предложил подписаться на заем обороноспособности, а он мне ответил: «Все равно бесполезно. Несколько лет подписывался, всего хозяйства лишился, а страну все равно не укрепили». «Разве ты против обороноспособности нашей страны?» Соколов со злобой мне ответил: «Подписка на заем добровольна, и ты не навязывайся тому, кто не хочет подписываться…» В 1936-1937 годах Соколов вел агитацию против хлебозакупа. Его слова: «Где мы возьмем хлеб, если мы сами голодные. Советская власть и так весь хлеб забрала». Ввиду агитации многие колхозники начали отказываться от продажи хлеба кооперации. Хлеб продавать государству не выгодно, лучше продавать хлеб на рынке.

Вот часть разговора, взятая из той самой аудиозаписи (стилистика речи сохранена):

Б. Е.: … А как презирали-то меня! После того, как посадили у меня мужа-то.

А. А.: А у других, что, не сажали, что ли?

Б. Е.: А?

А. А.: У других не сажали, что ли, там?

Б. Е.: … из деревни 12 человек забрали.

А. А.: За 1 раз?

Б. Е.: За 1 раз. И мой был всех моложе.

А. А.: Это в каком году?

Б. Е.: В 38-м!

А. А.: О-о-о!

Б. Е.: В 37-м осенью брали, еще вперед. А моего взяли в 38-м, 15 февраля, вот я даже помню адрес, где он был. Вот сейчас же узнают, где кто, где помер, схоронен как-то. И вот из этих 12-ти у нас только один отсидел все 10 лет. Они были осуждены без переписки.

А. А.: И живой пришел?

Б. Е.: Сам приехал. [...] А он… станция Елонск, где-то туда, не доезжала где, в Эбейском районе. Я когда к Коле ездила, так мимо его.

А. А.: Какой район? А где это там?

Б. Е.: Это Красноярский край, Эгейский район (такой адрес был их) – Агинское почтовое отделение.

А. А.: Ачинское?

Б. Е.: А- ги - нское! Это Ачинск-то я проехала и я доехала до Канска-Енисея на Восток, а потом на юг (от Канска-Енисея), и тут это Агинское почтовое отделение, Эбейский район, «Кандалка». Лагерь «Кандалка».

А. А.: Так назывался?

Б. Е.: Так назывался! А они, знаешь, какие были там? Пухлые, битые. Вот у моего там, в трех местах, вот так рубец был. И весь пухлый, и я его не узнала.

А. А.: Так они там лес валили или что?

Б. Е.: Да! Они сами падали, а не лес (улыбается).

А. А.: А где они там жили? В чем?

Б. Е.: В чем жили? Ну, просто деревянные бараки.

А. А.: Ну, там, с печками? Отапливались?

Б. Е.: Да я что-то там не была. А на чем спали – на голых досках. Это точно я знаю. Потому что у меня было два мешка (я ему сапоги туды возила, фуфайку, телогрейку, ну, вобщем, одежонку). И ему это ничего не попало. Пятьдесят рублей денег передала, и тоже нет.

А. А.: Так всю и одежду, и деньги через кого-то передавала и все?

Б. Е.: Я… когда это… Он тут сидел, тут сидел. Нам…

А. А.: А-а-а! Свидание дали?

Б. Е.: Дали. На два часа только. Но он попросил так, что сегодня на час и на завтра еще на час.

А. А.: А! Чтобы разделить?

Б. Е.: Угу!

А. А.: А они разрешили?

Б. Е.: Да! И я эту фуфайку… Этот дяденька мне сказал: неси, что привезла. Я привезла. ... И он тут! А я когда зашла, я уже не узнала Колю, я не узнала его. А длинно так – коридор. А я все гляжу-гляжу, да где же он? А он мне говорит: «Ты что меня не узнала?» А я говорю: «Ах! Это что ты?»

А. А.: Это через сколько было-то?

Б. Е.: Сколь прошло? Его забрали в 38-м, значит, в марте месяце, а я к нему поехала в 39-м, в августе – в июле…так… (в конце июля, ну, в августе).

Б. Е.: Ну, я его долго искала, целую неделю там лазила. И он сидит, и знаешь, и он… (растерянно)... распухли руки и всё, так у него слюни текут и из носу. Я говорю: «Вытри нос!». А он говорит: «Что, у меня разве есть?».

А. А.: Уже не замечает.

Б. Е.: А был такой опрятный он у меня (вздыхает и охает). И я там пожила неделю (может, побольше). И носила ему…

А. А.: А где там дома? Где жить-то?

Б. Е.: А там какой-то… было… эти жили… домашние кулаки. Но только там… Вот там дом, там дом, через километр, полтора, два.

А. А.: Это кого выселяли тоже туда? Да?

Б. Е.: Ну, ну, ну. Давно которые. В 30-х–то годах ведь уже выселяли. Я у них там и побыла. Как они… Я там передам ему (там можно было молока взять, я масло туда, сало свиниовое увозила)… Ну а когда у меня взяли передачу, знаешь, Алеша, они все сухари… Все искали что-то. И вот мою одёжу вот так вот всё… Всё, всё кого-то искали.

А. А.: Ну швы, швы так ищут, чтоб не было.

Б. Е.: Да, да, да. А у меня еще была в пиджаке иголка, а он – милиционер-то руку… (смеется, а потом вздыхает). Я с тех пор милиции боюсь.

А. А.: Ммм… (с грустью)

Б. Е.: И вот когда я (это уж прошло)… А он… опухоль-то у него опалася, опала, прямо опала, настоящая стала. А потом мне он говорит: «Тебе надо домой! Ведь ребятишки…» У меня же двое было да дед старый-престарый. Ну… И потом вот пошли, а этот, который их вел, и говорит: «Вставай в ряд!» В колонии-то. Вставай, говорит. А у меня ничего же с собой-то уж и нету. Ну, я шла, шла, там другой какой-то подбегает. Ну, я отошла сразу, он мне, это, кивнул, я отошла. А тут говорит: «Сейчас мы пройдем туда через Оду, а тебе туда уж, надо тебе уж вот туда». А тот как подбегат, а Коля хотел мне руку подать – проститься так - и только он мне сказал: «Мне здесь не выжить». Вот сказал мне. А тот подбегат, да как его даст прикладом-то, а он упал… И я, Алеша, не оглянулась (сдерживая слезы), не могла больше оглянуться (плача)… (Пауза!) А когда посмотрела, гляжу, другие его подняли, и он так и ушел. А когда маленько отошла, как я плакала… Никто только не знает… Ну, и так не пришлось больше, больше я его не видела. Всё! А мне разрешили: одно письмо писать в месяц и от него получать одно и посылку одну.

А. А.: Так он после этого-то писал еще?

Б. Е.: Написал. Он два раза только написал. Ну… А другую посылку ты, говорит,

не посылай – я пошлю. А там которых брали, заменяли фронтом… Было это. Теперь я вторую-то послала, это было где-то в 40-м году (кашляет). Она пришла обратно – посылка. Ну, там ничего такого уж нету, ощепки… Ну, ерунда всякая – сор. А там только была бумажка. Я так от него ничего не получала, что куда он девался. А только там была бумажка (кто ее написал, я не знаю): «Ваш муж выбыл по актированию». Вот и все! Я больше ничего не знаю.

А. А.: Так от руки было просто написано, что ли?

Б. Е.: Да, да, да! Никакой там (я хоть маленько как грамотная)… И больше я… ниничего. А потом, я ведь когда приехала, эту посылку послала и вздумала послать денег тоже – 50 рублей. А ты знаешь, 50 рублей в 38 году какие были дорогие? Он мне написал: «Я деньги не получил». Я сделала запрос на то почтовое отделение, мне ответили, сказали: «ваши деньги забрало НКВД». Вот это я помню хорошо (смеется). И все! Так и все (хлопает в ладоши). Больше я ничего не знаю. Ну, вот, из этих со всех двенадцати, значит, этот отбыл, и я про своего узнала, что он там, а остальных больше никто… Ну, не ездили, не искали, ничего. А теперь вот и думай, ну зачем я ездила? А все занимала ведь я, у меня не на что было… А с ребятишками, вот это, дед оставался. Моя мама не осталась. Говорит, у меня тех еще надо, а еще твоих буду караулить. И вот так, Алешенька, моя жизнь прошла. А мне всего было 28 лет (с грустью в голосе).

А. А.: И забрали-то за что не понятно….

*Б. Е.: Просто. Я не знаю, для чего это. Он работал, до операции работал конюхом, а потом стал в пожарной работать, с пожарной его и взяли. Никакой он… И не грамотный даже, кое-как расписаться-то… (конец разговора)***.**

В 1990-м, спустя два года со дня разговора, Евгения Васильевна Бизина умерла в своем родном селе Чернолучье. Но кассета сохранила ее голос, а самое главное – историю нашей семьи и отношение к жизни. Эта информация имеет огромную историческую ценность, она повествует о жизни моей семьи. К великому сожалению, прабабушка так и не узнала, что ее муж умер через два года после их встречи в лагере. Она ждала его всю свою жизнь, надеясь, что он вот-вот войдет в калитку и назовет таким родным голосом ее ласково по имени. Занимаясь архивными поисками, я писала письма в УВД Красноярского края, чтобы хоть что-то узнать о судьбе прадеда. В одном из писем пришла справка о его смерти в лагере в 1942 году от пеллагры. Эту болезнь расшифровывают многие медицинские справочники как заболевание, которое является следствием длительного неполноценного питания. Ему было всего 36 лет. Вот так совершенно невинного человека лишили семейного счастья и ЖИЗНИ, а его жену заставили всю жизнь переживать и вспоминать тот последний с ним разговор.

Все эти события, и анализ их, не дает мне права уважать большевистскую политику. И кем бы ни был тот Колчак, о котором мы совершенно ничего не знаем, возможно, его политика не позволила бы появиться этой горькой были в моей семье. Потомки еще долго будут отмаливать грехи своих вероломных предков.

Ефремова Юлия,
руководитель Омского генеалогического Центра «Связь поколений»

V. Музейный комплекс «Алжир»

Приказ НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 года положил начало массовым репрессиям против ЧСИР – членов семей изменников Родины. Этот документ дал право без доказательств вины арестовывать и направлять в лагеря в первую очередь жен, преследуемых по политическим мотивам. В короткие сроки в течение нескольких месяцев были арестованы и осуждены на 5-8 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) практически все жены «изменников Родины».

Именно для них на основании данного приказа НКВД от 3 декабря 1937 года на базе так называемой «26-й точки», поселка трудпоселений было образовано Акмолинское спецотделение Карлага НКВД. Первая партия женщин с детьми от одного до трех лет прибыла в Акмолинск 6 января 1938 года. Этот лагерь был особенным. «АЛЖИР» – «Акмолинский лагерь жен изменников Родины» – так, шутя, назвали его узницы. Свыше 20 тысяч женщин прошли этапом, а около 8 тысяч женщин отбывали срок от звонка до звонка в АЛЖИРе.

В основном это были жены известных государственных, политических и общественных деятелей, имена которых широко известны на всем постсоветском пространстве: Азиза Рыскулова и ее мать Арифа Есенгулова, Дамеш Жургенева, Рабига Асфендиярова; певица Лидия Русланова, писательница Галина Серебрякова; женщины из семьи расстрелянного маршала Тухачевского, жены писателей Бориса Пильняка Кира Андронникошвили, Юрия Трифонова Евгения Лурье, матери Булата Окуджавы и Майи Плисецкой и т.д.

Лагерь состоял из нескольких саманных бараков, четырех вышек и колючей проволоки. В течение января и февраля заключенные начали поступать непрерывным этапом. Только из Бутырской тюрьмы прибыло 1600 женщин. Женщин привозили в АЛЖИР со всех концов страны: из Москвы, Ленинграда, Украины, Грузии, Армении, Средней Азии. Мест для женщин заключенных не хватало. И вновь прибывшие сами строили себе бараки в пургу и метель, жару и дождь, устанавливали в них нары. Вместо матрацев бросали на деревянный настил солому. Для отопления бараков женщины косили камыш, который в течение двух зим являлся основным видом топлива. Дневальные сутками подкладывали камыш в печь, но он давал так мало тепла, что температура в бараках не превышала 6 - 8 градусов.

Попав в лагерь, человек лишался фамилии, национальности, чаще всего и гражданской профессии. Звание на всех одно – враг народа, изменник Родины. Различали и отличали людей по личным лагерным номерам на спецнашивках: на спине, рукавах, коленях – мишеням в случае побега. Но, несмотря на всю трагичность и абсурдность ситуации, узницами лагеря были молодые, красивые женщины, многие с детьми, даже с грудными. За колючей проволокой они должны были отречься от своих любимых и дорогих, покориться воле «вождя всех народов». Но они остались непокоренными и донесли до нас свет чистоты, святость любви и верности.

Первые полтора года существования лагеря были самыми трудными для заключенных. Теснота, тяжелый непривычный быт, неналаженное производство - все это вместе с определенным для «спецкотингента» режимом строгой изоляции делало их жизнь особенно мучительной. И весь этот период АЛЖИР рассматривался не просто как лагерь для ЧСИР, а как место содержания «особо опасных» из них. Лишь в мае 1939 г. закончилась операция

против жен «изменников родины», был издан приказ ГУЛАГа, по которому так называемые ЧСИР были переведены со «спецрежима» на общелагерный. Это означало несколько принципиальных изменений в жизни узниц АЛЖИРа. Главное из них: женщинам была разрешена ранее запрещенная переписка с волей. Многие смогли узнать о судьбе своих мужей, о том, что произошло с их детьми.

Вся жизнь узниц АЛЖИРа сливалась в беспросветный серый день. Утром перед бараком - общая перекличка, потом в столовой половник жидкой каши. Жуткое ощущение постоянного голода. Пайка черного хлеба, черпак баланды, чайная чашка каши–размазни – вот неизменное питание узниц из месяца в месяц. Независимо от времени года. Организм изнывал, просил белков, жиров, витаминов. Разговоры о еде были строго запрещены.

Благодаря каторжному труду узниц, 26-я точка Карлага за достаточно короткий срок стала прибыльным многопрофильным хозяйством, а по производственным показателям среди всех отделений Карлага вышла на первое место. В глухой степи, вдали от населенных пунктов, женщины сумели создать производственный комплекс, который не только обеспечивал их одеждой и питанием, но и в годы войны обеспечивал фронт спецобмундированием. В лагере функционировала швейная фабрика, где позднее был организован цех строчевышивальных изделий. Художники Степанова, Покровская, Исаева, Ситрина создавали различные рисунки. Узницы в условиях лагерной жизни выполняли заказы для таких городов, как Москва, Ленинград, Харьков, Киев, Новосибирск и др.

Значительное место занимало и многоотраслевое сельское хозяйство, т.к. будучи одним из отделений Карлага, оно обязано было произвести огромный объем сельскохозяйственной продукции. В лагере велась работа по отбору семян, по селекции. Развернув огородничество, начались работы по мелиорации. Бригадиром полеводческих работ была назначена Г. Руденко – агроном по образованию. На всех полях были прорыты канавы, по которым шла вода. Была построена малая электростанция.

Наряду с полеводством и огородничеством отводились земли и под бахчевые культуры, где выращивались арбузы и дыни. Весь урожай уходил за пределы зоны, все это предназначалось не для заключенных и не отражалось на их рационе питания. Женщины занимались также садоводством: выращивали яблони, груши, сливы, вишни. В теплицах росли цветы, вдоль бараков женщины посадили тополя.

Из воспоминаний К. Мальцевой: «Для начала на 18 гектарах перепахали землю для посадки овощей, причем все делалось вручную с помощью лопат. Я была бригадиром по поливу, вставала в 4 утра, когда все еще спали, а возвращалась поздно вечером. Работали на огороде по 14-15 часов без выходных. Когда поспевали овощи, тайно носили в барак морковь, помидоры, раздавали их детям, больным женщинам».

Одновременно с обработкой земли шла работа по животноводству, строились фермы для коров, молодняка, инкубаторы для кур, ветеринарная лечебница. Главным зоотехником была назначена П. Усыченко, коневодством руководила Е. Савельева.

Известные или неизвестные - они все заслуживают того, чтобы о них помнили.

В лагерях была высокая смертность. С 1940 по 1950 годы в Карлаге умерло 10 000 заключенных. Чрезвычайно высокая смертность падает на 1943 год, когда ежемесячно

умирало по сотне человек. О масштабах гибели людей можно судить по числу кладбищ, разбросанных на территории Карагандинской и Акмолинской областей, в местах массовых заключений и ссылок.

История помнит об Акмолинском лагере, расположенном в селе Малиновка, переименованном ныне в с. Акмол Акмолинской области. Это место и поныне является немым свидетелем человеческой трагедии XX века.

Сейчас на месте бывших островов ГУЛАГа по инициативе Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева открыт Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР», стоят стелы и обелиски, посвященные жертвам и мученикам массового террора. От бывших лагерей практически ничего не осталось, за которыми навеки погребены изломанные судьбы, несбывшиеся надежды и мечтания наших сограждан, унесенные жестоким ветром сталинского террора в небытие.

Днем основания Музея считается 31 мая 2007 года, он открыт в селе Акмол Целиноградского района Акмолинской области. Музей воздвигнут на месте прежней 26-й точки Карлага, где располагался Акмолинский лагерь жен изменников Родины, репрессированных как «члены семей изменников Родины».

Уникальность музея в том, что он расположен на территории бывшего лагеря «АЛЖИР». Именно на этой земле в 1937 г. был открыт лагерь для жен врагов народа, куда привозили ни в чем неповинных женщин со всех концов Советского Союза.мСпецифика музея «АЛЖИР» заключается в отражении разных периодов политических репрессий в контексте развития общества. Музей посвящен трагедии народа, когда уничтожались семьи, шли массовые аресты, расстрелы, нарушались права и свободы граждан. И на сегодня роль музея очень важна в донесении данной истории до общественности, чтобы это не повторилось в будущем.

Акмолинский лагерь жен изменников Родины был единственным лагерем в СССР для жен изменников Родины, и музей «АЛЖИР» сегодня является единственным, посвященным данной теме, поэтому наша цель заинтересовать общество, раскрыть, сохранить и показать, что же это был за лагерь, для какой цели он был создан и как в нем выживали осужденные.

Развитие Казахстана в XXI веке не может происходить без социокультурных преобразований. В социокультурном пространстве особая роль отведена музеям. Основная миссия музея «АЛЖИР» заключается в сохранении нашего достояния, передаче его будущим поколениям, в образовании и воспитании музейных посетителей. В настоящее время музеи становятся учреждениями, открытыми внешнему миру и активно участвующими в жизни общества. Важным фактором, влияющим на взаимодействия музеев с обществом, является необходимость привлекать и удерживать посетителей, а также расширять аудиторию.

В эпоху глобализации музей «АЛЖИР» старается идти в ногу со временем, расширяет технические возможности. В этом году в сентябре на сайте музея был разработан и размещен Виртуальный тур по музею «АЛЖИР», который будет обновляться и совершенствоваться с каждым годом. Особенности Виртуального тура в том, что сегодня общество погружено в поток деятельности, нет времени посетить музей, а доступ в Интернет имеет сейчас почти каждый, это поможет, не выходя из дома, познакомиться с музеем, побывать в нем

виртуально, а также данная услуга позволит познакомиться с музеем жителям отдаленных районов, городов и даже стран. И это одна из социальных функций музея «АЛЖИР» - стать доступным для всех!

Сегодня музей модернизирует свою социальную деятельность путем привлечения посетителей, расширения аудитории, проводя анкетирование, ряд лекционных занятий по тематике, выставок, музейных программ для учащихся среднего звена, учащихся школ и студентов.

Так были проведены музейные программы для детей «Мы плывем на одном корабле, Казахстан», «Рассказы акварельки», составлены и разработаны тексты экскурсий для детей 5-6 классов, создан сайт www.alzhir.ucoz.kz, на котором посетители могут увидеть всю деятельность музея, посмотреть, какие выставки проходят.

В основном постоянной аудиторией музея является молодежь - будущее страны, которым необходимо рассказывать историю сталинского произвола, чтобы такое не повторилось в будущем, воспитывать в них чувство патриотизма, понимания истории и сохранения культурного наследия.

Архивный фонд музея составляет около 9 тыс. экспонатов, которые демонстрируются в ходе выставок.

Ежегодно научные сотрудники выезжают с передвижными выставками в школы и ВУЗы г. Астаны, музей активно взаимодействует с посольствами иностранных государств в РК, которые открывают на территории музея памятные знаки, совместно проводим выставки и конференции.

Музей проводит работу с детьми с ограниченными возможностями на Новый год и Наурыз, 1 июня – День защиты детей, организовываем праздничные представления, дарим подарки, оказываем поддержку проекта «Дорога в школу».

Друзьями музея являются учащиеся школы №5, которые оказывают помощь в поиске информации о женщинах-узницах лагеря, записывают интервью, пишут сочинения и стихи.

Шолпан Смаилова, заместитель директора по науке
музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР»

VI. Репрессированное детство

В 1931 году раскулаченные крестьяне нашей Омской области были высланы в район Васюганских болот, в Тюменскую область, на освоение, как было сказано, целины. Но еще в 1928 году их стали обкладывать непосильными налогами. Выгребали все: у кого какой хлеб был, зерно. Не давали жить. А уже впоследствии стали организовывать колхозы, совхозы, но люди - они же непривычные были к новой жизни: как это – в колхоз отдавать свое хозяйство. Стали возмущаться, некоторые, конечно, уезжали куда-то, некоторые кололи свой скот, а другие – куда они поедут – семья большая. И вот наш отец, Сляднев Андрей Кузьмич, вместе с мамой, Марией Мироновной, и всем семейством из Омской области Колосовского района был выслан в Нарымский край, в тайгу.

Из всех деревень высылали кулаков. В Евгащино (был у нас Евгащинский район) всех собирали и садили на пароход и отправляли всех сначала по Иртышу, потом по Оби, потом по Васюганке везли. И ехали целый месяц, больше месяца ехали. Люди ехали в трюмах, трюмы были сырые, темные. Все семьи с детьми. Мамаши ложились на пол и так спали. Так и жили. Есть было нечего, кто-то брал какие-то продукты с собой: сухари, сушеный картофель – это и ели. Кипяток давали только раз в неделю, а в остальные дни просто из реки черпали воду и давали пить. Конечно, умирали люди, дети умирали, старики, их выбрасывали за борт. А женщины, у которых были маленькие груднички, они же не хотели выбрасывать своих детей усопших. Они их прижимали, закрывали, но все равно у них отбирали умерших детей и выбрасывали.

Приехали мы туда. Нас встретила, конечно же, девственная тайга. Это такой темный урман, который состоит из ели, пихты, кедра: вот такие хвойные деревья, и кое-где березки по берегу росли. Ни одного живого человека там не было – никто не жил. Там был необжитый район. Ну, приехали, пароход назывался «Дедушка», причалили к берегу. Которые уже неживые были, их там выбросили, а живые стали подниматься на берег, а берег был очень крутой и глинистый. Потом уже стали ступеньки такие делать, чтобы можно было забираться наверх, женщины со скарбом своим, с чем было взбирались наверх. Сразу же от берега метра за два-три начиналась тайга. Люди расселились, положили там свои вещи, у кого что было, на берегу, потому что дальше нельзя пройти: достаточно было пройти пять-шесть шагов – и ты уже заблудился. Некоторые ребятишки уходили, от матерей убегут играть и все, больше не возвращались. Поэтому я помню двух мальчиков, которые убежали в лес и бродили там целых две недели. Но они ходили около берега, чтобы найти поселение, где остались их родители. Один потом сказал: «Слушай, давай мы утонем, потому что мы не найдем родителей». И прямо с берега бросился в реку и утонул, а другой зацепился за кустик и остался жив. Ходил, ходил и нашел поселок. Как-то на конференции мы встретились с его мамой. Она говорит: «Да, он стал журналистом. Семья у него. Хорошо живут».

Когда туда приехали – жить то было где? Стали строить балаганы, потому что дождь и снег еще был, и холод. Балаганы строили из веток пихты, ели, сосны и накрывали травой. Мы в июне месяце приехали, но все равно было еще холодно. Это же север Тюменской области. Потом стали строить бараки: женщины корчевали для этого лес. Бараки строили длинные – это я уже помню. В бараках делали нары из досок, чтобы спать можно было. Доски были необработанные, потому что не было инструментов. И вот наша мама сделала большую русскую печку из глины, глины то много было, - и на этой печке мы спали. А на

нарах спали уже все остальные. Когда уходили на работу родители, то я одна оставалась. Старший брат уже пошел в школу.

Там были школы, организовывал их гороно Тевризского района. Я знаю – мои брат и сестра ходили уже в школу. Я помню, брат приносил книги, где был заклеен Блюхер, военачальник. Я маленькая была, но помню, как он приносил заклеенные книги. Он учил стихотворение - на смерть Кирова. В 1934 году убит был Киров. И вот он вслух читал это стихотворение, а я запомнила его, и до сих пор еще помню.

Не стало Кирова.
Предательской рукою
Из жизни выбыл он безжалостно и быстро.
Не верится, что гроб передо мною:
Мы потеряли друга-коммуниста.
Не дрогнула злодейская рука.
Враг целился из-за угла, не смея
Взглянуть в глаза товарища Сергея.
И мы стоим в почетном карауле.
Беречь вождей, как Родину свою,
Беречь вождей, как красный стяг в бою,
Который в Октябре мы развернули.

И я вот до сих пор помню его, хотя тогда еще малышкой была, когда он учил это стихотворение.

Надо сказать насчет школ – это была линия правильная. Детей учили.

Что касается жизни – жизнь была очень тяжелая. Взрослым давали по 4 килограмма ржаной муки на месяц, а детям - по 400 граммов. И вот такую болтушку из муки делали, хлеб то не пекли – не из чего было печь. А вот делали эту болтушку и наливали, у кого какая посуда была, и выпивали эту болтушку. Опилки ели, траву ели, крапиву. Какая там трава росла - рогоза росла, вот эту траву и ели. Ягод было, конечно, много, но болота там сапропелевые, по ним ходить нельзя. Потому что если пойдешь, то утонешь вместе с головой. И животные тонули в этих сапропелевых болотах. А ягода там была: и клюква, и морошка, и брусника, но в тайгу не зайдешь. И, несмотря на то, что тайга изобиловала богатствами, эти богатства никак нельзя было взять. Было очень много орехов. Кедры росли, но орехи тоже не возьмешь, потому что надо было в тайгу идти, а люди сразу блудили. Ориентироваться то не могли. А если и уходили в тайгу, то зачастую уже не возвращались. И грибы там росли, очень много было грибов, но все это нельзя было взять, потому что тайга не разрешала. Не пускала к себе людей. Очень много было волков. Если люди умирали, то волки выли и подбирали человеческие кости. Были случаи, когда приходили женщины, это я помню, и что-то говорили матери на ухо, потихонечку говорили и давали матери мешок окровавленный с каким-то мясом. Но я не знала, что это. Она начинала топить печь и бросала это мясо в печку, чтобы обжечь, а потом это ели. Оказалось, что уже были завезены лошади, и лошади умирали от болезней. Их обливали дезинфекторами и закапывали, чтобы люди не брали. Но люди все равно раскапывали ночами и приносили это мясо, вот это и ели. Огонь, оказывается, убивал все эти микробы, поэтому-то все и обжигалось в огне. Потом варили и ели.

В 1934 году отец наш тяжело заболел и 28 октября умер. Но когда умер отец, то хотелось на него получить паек, эти 4 килограмма муки. Но как? Оставалось до получения 2 дня, и вот он лежал на нарах, где спали дети, закрыт был таким покрывалом холщовым, и мама, видимо, ждала, пока эти два дня пройдут, но она не утерпела. Потом его положили уже на доски и закрыли холщовым покрывалом, а меня мать послала в школу. Говорит: иди и попроси керосина. В школе мне дали маленький флакончик керосина. Мама туда вставила фитиль, ну, из тряпочки какой-то, чтобы ночью посветить – усопший же человек лежит. И помню, отец лежал прямо на доске, и огня-то не было все равно. Что этот керосин? – погорел и потух, а ночь была такая месячная. Месяц как будто бы валился прямо в наш барак. И все это прямо видно было, и мать все время вокруг отца ходила, и я, держась за подол матери, тоже ходила вместе с ней. Ну, хоронили, конечно, в общих могилах, там было очень много усопших, и всех в общую могилу складывали, сбрасывали и закапывали. Ни крестов не ставили, ни цветов, никто поминки никакие не справлял, потому что умер и умер человек.

И я вот помню, еще маленькая была совсем, была там такая землянка, в которую люди всех своих родственников, которые тяжело были больные, туда помещали. Они там прямо на полу лежали, а мама носила им воду. Понесет воды, чтобы напоить их. И я помню, как из-под них ползли такие черви прямо по полу, по этой земле. Потому что люди заживо разлагались.

Там они умирали, потом их в общую могилу всех складывали. Лекарств никаких же не было. Единственно лекарство было – это хвоя. Хвою эту заваривали и пили, и этим в какой-то степени люди спасались от цинги. Цинга была страшная. У людей у всех выпадали зубы, люди распухали, тиф был. Страшные заболевания были. Вот так там люди страдали и умирали.

Я самая младшая была. В бараке было столько тараканов, а я на печке сидела. Громадные такие тараканы – прусаки, и они на меня набрасывались. Не только тараканы, а клопов было сколько! Но самое страшное – это были блохи, которые так кусали, и их не поймаешь, иногда детей закусывали до смерти, образовывались такие волдыри на теле, но ребенок есть ребенок – чешется, все расчешет. Чесотка - на руках у всех была чесотка, руки были склеены буквально этими пузырями от чесотки. Никто там не лечил никого – нечем было лечиться. По всей вероятности, там был медицинский пункт, но лекарств никаких не было, но что-то там, примочки какие-то, давали иногда. Но это было уже потом. Когда все уходили на работу, я оставалась одна, я просто боялась вот этих насекомых, они прямо лавиной шли. И я выбегала босиком прямо на улицу и стояла на снегу. Кто-нибудь идет взрослый - затащит меня домой, на печку посадит. А я посижу-посижу и опять убегаю, потому что боюсь этих насекомых. Насекомых было страшно много, особенно летом невозможно было - столько было гнуса: комары, а мошка - она вот заедала прямо ребенка полностью, и ребенок даже дышать не мог - и в нос набиваются, и в уши, и в глаза. Вот такие ядовитые были мошки - это страшное дело было. А сколько было вшей?! Это не дай бог никому видеть. Когда болел отец, то уже все уходили, кто в школу, кто на работу, а мы с ним оставались, и он снимал рубашку и клал ее на угол стола и молотком бил по швам, чтобы их убить. А сколько в голове было этих вшей?!

Мы всего там четыре года прожили. Потом стали завозить черемшу. Черемша – это наподобие чеснока, в бочке черемшу привозили и давали по сколько-то грамм на человека от цинги. И она в какой-то степени спасала.

Сеять там ничего не сеяли, не сажали – невозможно было: не было почвы, а глину нужно было разрабатывать. Тут глина, а там тайга. А потом, я уже помню, кто-то картофель завозил. Там маленький-маленький картофель рос, в глине в этой.

Мать стала уже инвалидка – там же все надсадились от выкорчевки деревьев. Потаскай-ка эти деревья вручную. А у нас не было уже работоспособных в семье, были все маленькие, а работать некому. Мамин брат, который жил в Омской области, в Колосовском районе, стал хлопотать, чтобы взять нашу семью на поруки, чтобы уже нас освободили.

Это было 21, по-моему, марта, маму вызвали к коменданту в комендатуру, комендатура приезжала туда, проверяли, если у кого родители умирали, то весной первый пароход приходил, и детей отправляли на этом пароходе в детдом. Увозили детей - не оставляли там. Там не было детских учреждений, а детей куда-то увозили в города. И вот когда вызвали маму в комендатуру, всю обследовали, осмотрели и поняли, что работать некому, и они сказали, что ты с сегодняшнего дня можешь быть свободна со своей семьей - куда хочешь иди. Мать была неграмотная, четверо детей было: старшая дочь еще от первого брака отца, она была глухонемая, моему брату было 12 лет, 10 лет было сестре, а мне - 6 или 7 лет. Другие наши дети погибли. Братишка мой младший тоже умер от голода.

И вот нас мать одела в тряпки. И повела нас, не зная куда. Куда вести? - ни дороги, ни пути, а это был конец марта, начал уже таять снег, а снега там были очень глубокие, наверное, метра полтора снег. И вот мы вышли все гуськом, дороги нет - была только тропинка, вот как звериная тропинка.

Одеты плохо - отец еще шил какие-то сапожишки, шубешки, одеты, кто во что. Мать, может, связала еще раньше какие варежки. Таким образом, мать шла впереди, за ней шла вот эта глухонемая, за глухонемой шел мой брат старший, который погиб на фронте, за ним шла сестра, а потом уже я. Я что - иду, иду, устану, сяду и сижу в снегу. Снег засыпается за воротник, на голову сыпется, а они уже уйдут дальше. Мама оглянется, посмотрит - нет меня, значит, возвращается, берет меня на плечи и несет, только принесет, а я опять иду, иду, устану - опять сижу в снегу. И мы так шли больше месяца.

Там жили остяки, чукчи, которые занимались охотой, они медведей убивали и держали мясо, только у них собаки были, как я помню, а никаких других животных у них не было - только охотой занимались. Медвежатина была, и какой-то хлеб у них был, видимо, их получше снабжали, раз они свободные были.

Они и пускали нас ночевать. Однажды, когда мы пришли к ним, то они дали медвежатины нам и какой-то суп давали - накормили. И картошка у них уже была. Не знаю, где они ее брали, но картошка у них была. Они вот и давали по две картошинки на человека, чтобы до следующего полустанка дойти. И вот когда мы шли уже, наверное, недели две, уже снег стал таять, мы все мокрые, потому что снег такой рыхлый – дороги- то нет, и мы решили отдохнуть. Мы не смогли дойти за день до какого-то населенного пункта, просто на дороге сидели, отдыхали и так замерзли, а мама нас обогревала, просто стояла над нами, раскрыв свою одежду, и согревала, чтобы мы не замерзли. И вот ночью мы слышим что-то трещит в лесу, а брат уже учился в школе и говорит: это медведи просыпаются, сейчас они нас съедят. Ну, я-то еще не знала, что такое медведи, что это за животные или за звери. А что делать? Все равно сидели. И на нас наткнулся остяк, - он ехал на лыжах, был охотником, - и закричал: «что вы здесь делаете?» Ну, мама рассказала, кто мы такие. И он дал нам

медвежатины, поехал в тайгу, наломал сухих веток, притащил сюда к нам, зажег костер, и мы согрелись. А потом он меня взял, сделал санки узенькие, и кто-то ехал на лошади, и он попросил, чтобы меня увезли до определенного пункта, где стоял дом, где ловили беженцев.

И вот он говорит: ты не беспокойся, мамочка, я увезу твою дочку в этот дом и отдам в комендатуру, а оттуда уже, может быть, попрошу кого-нибудь и отвезут ее до следующего пункта. Он меня повез, привез в эту комендатуру, там было очень много людей, наверное, все беженцы были, и кто-то мне там что-то дал, покормил, я помню, и он сказал, что придет женщина такая-то, у нее будут такие-то документы, и отдадите ребенка ей. Но они не стали ждать маму и отправили меня с кем-то в следующую деревню. А у тех детей не было, и они говорят: ты теперь будешь жить у нас. А я думаю: хорошо.

Они меня вымыли в бане, затем накормили, напоили, даже какое-то платье дали, и я там два дня у них была, а потом уже пришла мама. Она отыскала меня в этом поселке, и сказала: нет, я не оставлю ее, с собой заберу. А они просили: вот у нас нет детей, вот когда вы придете - девочка уже подрастет немножко и легче будет, может, мы привезем сами ее. А недалеко от этого поселка было болото, и они говорили, вот, сейчас вы будете идти по такому болоту, а она пройти не сможет, потому что маленькая, и утонет в этом болоте, и мама согласилась и оставила меня у этих людей.

Сколько они прошли? Не знаю. Наверное, уже сутки я у них прожила и смотрю, они опять вернулись за мной. Мама все-таки меня забрала, и мы пошли. Когда немного прошли, действительно, там разлилось такое болото, а кочки на нем были такие высокие и узенькие, - бывают широкие кочки и можно на них наступать, - а есть кочки такие высокие, что на них наступишь, а они сгибаются под тобой и нога соскальзывает. Вот это болото было с такими высокими тоненькими кочками. Когда мы подошли к этому болоту, то там была уже сплошная вода, и мама посадила меня на горбушку, как говорится, и брела просто по этому болоту со мною вместе, еще тащила какие-то вещи. И вот мы это болото кое-как перешли.

Когда стали подходить ближе к Таре, там было село Заливино. В этом селе нужно было пройти дорожку и еще там был мост через речку, речка, правда, была неширокая. Но река есть река. А был уже ледоход – и мост этот снесло. Когда мы подошли к нему, был поздний вечер. Моста не было уже - только бревна плавали и доски, и шел лед. А дальше мы уже не могли идти, потому что стояла сплошная вода и лед. Ночевали мы опять около этой речки. Было очень холодно, и мы, конечно, очень замерзли, а мама опять нас грела. Но здесь костер уже нам никто не развел. Кое-как переночевали, а утром мама пошла искать, как перевести нас через эту речку. У этой речки была излучина такая, загиб, и в этом загибе были льдины собраны, согнало их ветром. И она нас по одному человеку, по одному ребенку переводила, переносила по этим льдинам через эту речку. Кое-как мы перешли через нее, все мокрые, и так мы шли до следующего пункта.

А следующий пункт я уже не помню. Помню, что услышали, что петухи пели, и обрадовались – значит, где-то близко селенье и люди. Пришли мы где-то 20 числа к Таре, мокрые, грязные, голодные. Идем, как нищие. А это было вербное воскресенье, и люди шли из церкви - в Таре была церковь. Люди встречались нам и плакали, а дать им нам нечего было. Что несли в церковь, там оставили. И вот мне одна женщина 26 копеек дала, а сестре 20 копеек другая дала. Копейки тогда стоили дорого, не то, что сейчас. Вот эти 46 копеек у нас были целым состоянием, которое мы принесли с собой. Потом мы еще

неделю шли от Тары. Погода стояла плохая - и снег летел, и дождь шел, и грязно уже было, и мокро, и сыро, и голодно.

26 апреля пришли мы к своей бабушке в Пламоново - деревня так называлась, это Колосовского района. Там где жила бабушка моя, мамина мама, там еще жил ее сын, и жила дочка, тетя Феша наша. Ну, мы как шли по тропе, не по улице шли, а по задам, по огороду прошли, бабушка в окно и не видела, что мы там шли. Было уже поздно, они готовились Пасху встречать, потому что 27 апреля в 34 году была Пасха. Мы пришли и ввалились в избу все грязные. Бабушка-то увидела маму и упала в обморок, а тетушка - мамина сестра - заплакала, тоже не знала, что делать. Они подумали, что это им померещилось - перед праздником же. Четыре года никто не знал, где мы и живы ли? И вдруг вот такое. Они заплакали, а мама говорит: «Мама, да это я, дочка твоя». Бабушка потом пришла в себя: да как же, да откуда же вы? Тетушка в это время била яйца на куличи, ну а бабушка молочко какое-то разводила, то чего мы никогда не видели - я первый раз это видела. И вот уже на следующее утро они испекли куличи и покрасили яички. И я в первый раз увидела красное яйцо - не знала, как есть его, с какой стороны. Это был первый праздник.

Потом жизнь была, конечно, очень тяжелая, мы же враги народа. Маму нигде на работу не брали, а мы еще маленькие, но, в конце концов, маму взяли на работу дояркой в один совхоз. Доила она 30 коров вручную, вставала в 4 часа утра. Меня потом уже кто-то определил на площадку, это как садик. Вот я туда ходила, что-то мне давали поесть. Потом я в школу пошла, училась, а потом поехали мы в тот совхоз, где мама работала дояркой, туда и нас перевели.

Жулей В.А.

VII. АКТ ОБСЛЕДОВАНИЯ УСЛОВИЙ РАССЕЛЕНИЯ КУЛАЦКИХ ХОЗЯЙСТВ ВАСЮГАНСКОГО РАЙОНА (КУЛАЙСКИЙ). 6-16.07. 1930 г. База.

(печатается по газете «Ленинский путь» Тарского района. 1989 г. 21 октября)

1. Комиссия в составе Представителя Сиб. Адм. Управления тов. Белокопыльского Максима Захаровича, Омского окр. исполкома - тов. Иванова Л. Ф., от Тарского РИКа - тов. Долгова И. М., Уземустроителя - тов. Дзенса И., Райохотсоюза - Удута С. Х., от медикосантруда (фельдшера) - Фомина К. Ф., от Омского окр. адм. отдела тов. Бухтоярова М.И. установила следующее:

2. 6-го июля 1930 года комиссия выбыла на Базу до конечного населенного пункта деревни Петровской Тарского района Омского округа, расположенной от райцентра гор. Тара в 90 километров, расположение от деревни Петровской до Базы – 73 километра, прошли три дня. Протяжение от Петровской до последнего населенного пункта Петровского сельсовета - хутора Калнин 10 верст, имеет проселочную дорогу, сопряженную с весьма трудными по ней передвижениями при наличии заболоченности, слабого грунта и отсутствия необходимых мостов, почему передвижение по ней грузов в летний период весьма затруднительно, а может лишь быть по ней пешеходное и верховое передвижение, означенная дорога может являться при условии ее исправления конечной конного сообщения, а хутор Калнина последним перевалочным пунктом. Последние 63 километра имеют сплошную залесенность, имеется пешеходная тропа, не пригодная к проходу с переносом груза, на всем протяжении этой тропы до базы 50 процентов заболоченности, кроме этого, имеется рямовое моховое болото на протяжении 3-х километров, при проходах речек Черемшанки, Камышинка, Сорокамыш, М. Кулай, без укладки настила эти болота непроходимы. Вся эта тропа идет через сплошной лесной массив, шириною тропа около 2-х аршин. Не доходя 4-х километров до базы, на заболоченных местах сделаны настилы из круглого леса, годные лишь для верховых переездок. Причем комиссия обнаружила ко дню посещения, что в районах базы существует 21 поселок, именуемый каждый согласно названия того района Омского округа, из которого высланы кулаки (как-то: поселок Омский, Саргатский и т. п.). Из 2790 кулацких хозяйств или 8891 души к моменту обследования имелось 890 хозяйств с количеством душ 1607 человек. Остальные наименьшей частью были освобождены от ссылки Госорганами - 208 человек, а подавляющее большинство 7077 человек бежало самовольно. Причинами к бегству комиссия считает следующие имеющиеся моменты: 1. Голодный паек (к моменту посещения комиссией выдавалось и выдается теперь по 6 кг немолотой ржи на едока, а на главу семьи 12 кг, при отсутствии приварка).

2. Невозможность приложить труд в сельском хозяйстве (см. заключение о климате и почве).

При этом комиссия выявила лично факты, когда лошадиная кожа употреблялась в пищу и в роли мяса, и в роли студня, а также приварка из разных трав.

Плохое питание на большинстве кулаков отразилось болезненно, комиссия установила: опухоль, исхудалость, желтизну, слабости и болезни (влежку), фельдшер базы, следующий в составе комиссии, делал в каждом поселке до 10-ти посещений больных, лежащих в постели, и до 20-ти приемов приходящих больных.

Ко всему изложенному выше комиссия видела лично факты примеси к ржаной муке толченую березовую кору, всевозможные травы, примешиваемые в целях увеличения количества хлеба, в силу этого хлеб получается несъедобный и непитательный (образцы прилагаются), и вредно отзывается на желудке. Всевозможные травы (несъедобные) примешиваются и в роли овощей, и в супы. В таких же условиях находятся и дети.

В момент присылки кулаков, в марте месяце, последние, а равно и обслуживающий персонал комендатуры, вынуждены были за отсутствием каких либо построек до весеннего тепла жить во временных шалашах, сделанных из древесных веток. Весною уже были построены временные избушки, в большинстве своем крытые легкой крышей (берестою), рассчитанные только на защиту от дождя. Имеющиеся отверстия для окон, размером 20-30 сант. ширины и высоты, частью из них застеклены, а больше все завешены марлей и тряпками (...).

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ

Бань во всех районах шесть, устроены примитивно (по-черному), вследствие большой окружающей избушки грязи и скопленности народа в избушках, пользования общими нарами - в жилищах повсеместно грязь и сырость, по акту медпункта за март и апрель наблюдались легочные заболевания - (простуда) и позже хронические заболевания, имелся случай скарлатины и до 30 случаев кори. За июнь заболеваемость увеличилась до 85 процентов, превалируют простые поносы взрослых и детей, меньше кровавые поносы - вздутие живота и опухоли тела и конечностей, увеличился рост смертности на почве недоедания. Особенно остро стоит вопрос с грудным кормлением детей, имеется общее явление, отсутствие молока у матерей, а отсутствие в районе коров лишает детей и той поддержки, вследствие этого началось опухание детей, голодают и беременные женщины, имеющие 7-8 месяцев беременности. Дети до 12-ти летнего возраста также плохо питаются, имея лишь один паек 6 кг ржи. Ко всему вышесказанному, усугубляющим профилактические возможности явлением имеется то обстоятельство, что больные и здоровые едят из одной чашки, и здоровые вынуждены жить и спать с больными на одних нарах при максимальной скученности людей.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Высланные кулаки пользуются медицинским обслуживанием следующим образом: медфельдшерский пункт имеется при базе, отстоит от дальнейших районов в 40 километрах и от ближних в 10. Обслуживается пункт одним фельдшером, который сделал за все время существования один объезд районов и второй, совместно с комиссией. Лечение населения происходит стационарным способом (приход больного на базу), лекарство, выдаваемое больным, тут же должно быть оплачиваемо, по каким нормам и расценкам, комиссия не установила.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Расселение кулацких хозяйств до 40 километров от базы и их разбросанность между собой препятствует возможности административному обслуживанию, в силу чего кулацкие поселки были представлены сами себе, а именно все возникаемые между расселенцами спорные вопросы хозяйственного, бытового и уголовного характера, актов гражданского состояния (смерти, рождения, регистрации браков), введение и внедрение внутреннего распорядка, до сих пор не существует, а учрежден институт старших в каждом поселке, состоящем из целого района высланных кулаков. Вышеименованные мероприятия предоставлены старшим выделенным комендантом из числа кулаков. Специальных собраний с кулаками, комендатурой ни по каким вопросам не собиралось и не было разъяснено подробно, чем они должны заниматься; комиссией установлено, что комендатура отпускала часть населения за покупкой продуктов за болото, в смежные районы, а другой части это не разрешалось, и самовольный уход за продуктами на обратном пути с закупкой имел случай конфискацией комендатурой продуктов. Комиссия, идя на базу, встретилась с фактом, когда от возвращающегося кулака Целищева Григория, несшего закупленные продукты, встречным конвоем были отобраны деньги 4 рубля с копейками, 1/8 табаку махорки, курительная бумага и произведены побои за самовольный уход. В дальнейшем комиссия при разговоре с самими сотрудниками базы установила (со слов сотрудников), что ими допускались в исключительных случаях побои. То же самое подтверждается и рядом поданных заявлений о побоях, и отобрании вещей, и о производстве обысков.

Благодаря далекой расселенности кулацких хозяйств от базы и отсутствия административного персонала комендатуры в поселках, кулакам представилась полная возможность подыскивать вожаков и выходить целыми районами (Тевризский район во главе со старшим), и прокладывались совершенно новые обходимые комендатуру (базу) тропы.

Наличие вышеуказанных комиссией фактов и территориальной разбросанности, имеющийся штат вахтеров - 16 человек, далеко не достаточен, да и было не верно надеяться удержать от побегов кулаков имеющейся маловооруженной охраной, тогда как свободная от занятий энергия кулаков специально не использована, а комендатура не задалась целью, чтобы использовать лишнюю энергию кулаков в сторону организации труда, как-то: выгонки дегтя, разного кустарного производства, выработки осиновой клепки, выработка кадок, гнуть дуги, полозья, ободья, расчистка проселочных дорог, мостов, постройка бараков, раскорчевка леса для посева и т.д., даже имеющиеся на базе заготовленные печные принадлежности, как-то вьюшки, дверки и т. д. до сих под не распределены по кулацким хозяйствам на предмет их использования. Не представлено на базу имевшееся в Петровском сельсовете стекло.

Из 877 павших кулацких лошадей к моменту обследования 15.07. сего года на базу в комендатуру из поселков было представлено 300 коней, остальные - разброшены где попало на поселках. Разбросанный на дорогах инвентарь частью не собран (...).

Культурно - просветительная работа совершенно отсутствует не только среди расселенных кулаков, но и на самой базе среди обслуживающего персонала, так же отсутствует какая бы то ни было воспитательная работа, даже не установили и не направили громкоговоритель, имевшийся на базе, нет газет, журналов.

Совершенно не организована почтовая связь с выселенцами базы, а также и базы с районным центром и ближайшим его населенным пунктом, как Петровским с/с и др.

Не организация отправки почтовой кулацкой корреспонденции и приеме ее организованным путем обратно создает для выселенцев невозможность направить жалобы в Совгосучреждения на неправильное их выселение, а также и получение ответов, благодаря чего со стороны Тарского почтового отделения уже предъявлен комендатуре гражданский иск за кулацкую корреспонденцию не оплаченную почтовыми марками.

Для обслуживания комендатуры на базе имеется 50 лошадей, которые до момента обследования кормились овсом, в то самое время как весь обслуживаемый персонал комендатуры состоит из 20-ти человек и таким путем комендатура содержит и кормит ежедневно совершенно ненужных для базы 30 лошадей.

К моменту обследования находящийся на базе овес до сих пор находится в мешках под открытым небом, закрывается при каждом появлении тучки, дождя, брезентами, а также, как правило, на каждую ночь, затрачивая совершенно излишнюю рабсилу, в то самое время, как нужно было бы нажать на выполнение плана постройки амбара, зернохранилища, который уже сделан и больше половины закрыто, но пол не настлан до сих пор.

К вышеизложенному комиссия установила, что постройка самой базы произведена не на указанном первоначально директивными органами (месте), на устье реки Б-Кулая, т.е. требовалось бы 12 километров продвинуть вглубь, а она построена на устье реки Пульцыс, не доходя Б-Кулая на месте, не достаточно пригодном для расположения базы по ее месту расположения, по слабой почвенности, отрезанности реками Ягыл-Як и Б-Кулай от населенных пунктов кулаков, а также и их далекое расстояние затрудняющее в адм. обслуживании, что отрицательно отражалось на окарауливании кулаков.

Выводы:

1. В силу отсутствия природных возможностей занятия сельским хозяйством и промыслами для кулаков невозможны, и ложатся тяготой для государства, которому приходится кормить и окарауливать их не имея от этого никакой материальной помощи.

2. Голодный паек кулаков и отсутствие возможности заняться сельским хозяйством способствует бегству кулаков - из 9000 убежало 7000.

3. Суровые климатические условия и голодный паек создают болезни и увеличивают смертность взрослых и детей.

Отсутствие воспитательной работы, как среди конвоя, так и кулаков, ведет последних к упаду культурных знаний.

Отсутствие дорог и связи требуют от государства новых затрат до 100.000 рублей на дорогу без наличия перспектив целесообразности этих затрат.

Пред. комиссии: Белокопыльский,

Члены: Иванов, Долгов, Дзенс, Удут, Бухтояров.

VIII. Татьяна Четверикова

НА КУЛАЕ

1.

Эх, Россия! До крика, до боли, до слез!
Ты порою бываешь, как мачеха, злая.
Поминальные свечи октябрьских берез
Все горят, не сгорая, на землях Кулая.
Сколько деток твоих в этой топкой земле,
Виноватых лишь в том, что работали много.
Были дети в тепле, был и хлеб на столе,
Потому что не жили без Бога.
Все быльем поросло… Здесь никто не живет.
Но как сильно сердца занозило!
Закипает слеза… Нас несет вертолет
Над огромною братской могилой.

2.

Здесь осеннею порой
Дождик льется не водой,
А слезами по-над хлебом,
Что замешен был с корой.

Между елок и берез
Здесь не бродит Дед Мороз:
На Кулае бродят души
Тех, кто здесь в снегах замерз.

Где кустарник и осот,
Не весна-красна идет,
Лишь скользят несчастных тени,
Что не вышли из болот.

Лето-лето! Травы – в рост!
За погостом рос погост…
И сегодня на Кулае
Мудрый Сталин выше звезд.

3.

Между елями и березами
Вел конвой по сугробам, лют…
И тащился в тайгу обозами
Православный, безвинный люд.
С малышами, легко одетыми
Шли… гремел револьверный лай.

…И лежат они неотпетыми
На таежной реке Кулай.
В шуме ветра услышь стенание,
Боль почувствуй, взглянув окрест.

Запоздалое покаяние –
Православный поклонный крест.

4.

С Лениным в башке…
В. Маяковский

Не бунтари, не конокрады.
Перед страною виноваты
В том, что дождю бывали рады
Над полем вешнею порой.
Изба, конечно, не палаты.
Но были верою богаты.

Да, был в стране и до блокады
Тот хлеб – с травою и корой.
Его пекли в краю болотном
На гибель сирым и голодным,
Не людям, а теням бесплотным.

У тех, что их сюда вели,
В башке был Ленин. Ну, а в сердце?
Была б любовь, так, может, немцы
До Ленинграда не дошли.

5.

Мы идем сквозь револьверный лай…

В. Маяковский

Они сулили рай.
Но есть ли рай без Бога?
…Хранит таежный край
Трагедию до срока.
Скрыл под дурной травой
Барака страшный остов,
Не выдал ни тропой
Забытого погоста.
Но чтоб явить в свой час
Свидетельства и знаки,
Чтоб заболели в нас
Погосты и бараки.

За что ты полегла,
Крестьянская Россия?
Горчит идей зола,

И проклят их мессия.
Горячие умы
Господь остудит строго.
И убедимся мы,
Что рая нет без Бога.

6.

Лишь только ветер пролетит,
Да вертолет протарахтит,
И – тишина окрест.
Здесь ни тропинки, ни жилья,
Лишь только топкая земля…
Тоска пустынных мест,
И страх, он здесь густой такой,
Что можно ощутить рукой.
Ударит ветер злей…
Да, здесь полвека не живут,
Но словно избавленья ждут
Лежащие в земле.

Конечно, лучше просто жить,
Не окликать, не ворошить,
Но средь болот, скорбя,
Когда от боли – не вздохнуть,
На память, как на крестный путь,
Сам обречешь себя.

Кулай - Тара
10-11 октября 2007 г.

IX. Репрессии в истории моей семьи

***

Политические репрессии коснулись почти каждой семьи. Мои прадедушка и прабабушка по маминой линии - немцы. Жили они в Новой колонии на Волге около Саратова до 1930-х годов. Примерно в 1932-1933гг. их раскулачили, и семья переехала на Кавказ. В 1941 году прадедушку призвали в армию, сразу в штрафбат. Больше его не видели. А прабабушку в декабре репрессировали, погрузили в пресловутые «вагоны для скота», дали 24 часа на сборы и отправили в Сибирь. С грудным младенцем (моим дедушкой) на руках. Высадили их в Томской области, в Асино. По-русски она говорила до конца жизни очень плохо. Родственники до сих пор не знают, выжила она тогда или нет. Вообще советских немцев преследовали за всё: что он немецкой национальности, что был в плену, за то, что отказывался принять на хранение сырое зерно. Всех их считали врагами народа.

Ищенко Екатерина,
студентка ОмЮА

***

Вот что вспоминает Котюшева Евдокия Никифоровна - одна из участниц тех страшных событий: «Мои родители: отец Котюшев Н. Н., мать Котюшева И.Л. - жили в с. Усть-Фыркал Ширинского р-на. В семье было четверо детей: старший брат и три сестры. Занимались сельским хозяйством, в основном скотоводством. Считались середняками. Брат окончил 4 класса, я - 2 класса. В 1931 году нас раскулачили по обвинению в том, что отец держал батраков. В действительности батраков в хозяйстве не было, только летом, на короткое время, нанимали людей на заготовку сена для хозяйства. Отца арестовали и увезли в Минусинскую тюрьму. Все имущество конфисковали и забрали в колхоз. Нашу семью вывезли в Шира, где десятки семей, как мы, находились под конвоем. Погрузили в товарные вагоны и везли неделю на север, в Томскую область, и выгрузили на одной станции (Нижнеудинск). Дальше повезли на лошадях и остановились на берегу какой-то реки, притока Оби. Здесь продержали целый месяц, где люди умирали от голода и болезней - образовалось целое кладбище. Позже нас переправили через реку и на лошадях привезли и высадили в глухой сосновой тайге.

Сначала построили шалаши от непогоды. Потом мужчины рубили лес, молодые женщины очищали кору, а дети собирали по болотам мох - все работали от зари до зари. Позже приехал к нам отец. Жили на берегу речки Чичкаюль. Ссыльные были размещены в 4-х поселках: Февральский (наш), Октябрьский, Майский и Центральный.

Когда построили в поселке школу, мы с братом пошли учиться. Отец работал бригадиром на стройке, мать была мастерицей, умела шить всякую одежду и получала за работу продукты.

Летом нам разрешили вернуться в Хакасию. Остановились жить на ст. Копьево.

Отец устроился на работу в Копьевскую лесобазу. В 1936 году умер брат. 11 июля 1937 г. отца арестовали. Обвинили в участии в контрреволюционной организации и вредительской деятельности. 16.09.1937 отца расстреляли как врага народа.

Репрессивные меры обрушились и на нас: выселили из квартиры, мы переселились в землянку, в начале учебного года в школе, помню, на большой перемене, при всех учениках, вожатая сняла с меня пионерский галстук. Сказала, что я дочь «врага народа».

После окончания 7 классов я поступила учиться в Абаканское педучилище. Мать и две сестренки уехали в с. Усть-Фыркал, мать стала работать дояркой в колхозе «Алтын чул». Репрессивные меры преследовали меня и в Абакане. В педучилище меня приняли в комсомол, но в обкоме комсомола не утвердили, т.к. отец был «врагом народа». После окончания педучилища, с 1941 года, я работала учителем в школах Ширинского района 43 года. Получила высокое звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Моя младшая сестра Олимпиада тоже пошла по моим стопам, окончила Абаканское педучилище и проработала до пенсии в школах Ширинского района. Трудолюбие, стремление к знаниям воспитали в нас отец и мать. Отец был дважды репрессирован. Только после ликвидации тоталитарного режима в СССР наше государство признало, что отец и мы не были виновными, не были «врагами народа».

Киселёв Игорь, Абрамян Гина,
студенты ОмЮА

***

Мою семью это не задело. Наверное, родителям моих родителей просто повезло. Не потому, что они были военными, совсем нет. Ведь тогда репрессией мог быть подвергнут любой, даже служащий на благо Родины.

Батов Евгений Николаевич. Родился в 1908 году. Уроженец и житель Омска. Слесарь депо ст. Омска. Образование - 4 класса. Арестован 24 декабря 1940 года. Приговорен 21 марта 1941 г. линейным судом Омской ж. д. по. ст. 58-10 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы в ИТЛ с последующими поражением в правах на 5 лет. Реабилитирован 29 декабря 1959 пленумом Верхового суда СССР за отсутствие состава преступления (П - 7884). Отбывал наказание в ИТК-5 Омской области. Приговорен 10 февраля 1945 г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован 6 апреля 1960 г. президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления.

Этот человек - дедушка моей подруги. О нем она знает совсем немного, только со слов родителей. Его биографию я нашла в библиотеке, в Книге Памяти «Забвению не подлежит».

Мишина Наталья, Кумсиева Мария,
ученицы МОУ «СОШ № 13»

***

Политические репрессии коснулись и моей семьи. Моя бабушка Шефер Екатерина Гейнриховна со своей семьей была депортирована по национальному признаку в 1941 г. из г. Энгельса Саратовской области в Большереченский район Омской области.

Так как в момент депортации моя бабушка была еще ребенком, поэтому она мало, что помнит, но по рассказам ее родителей удалось восстановить следующую картину. Всей семье в 24 часа органами НКВД было приказано собрать необходимые вещи и прибыть на железнодорожную станцию, где они были помещены в товарные вагоны с деревянными нарами. В вагоне находилось более 50 человек под охраной караула. До Омска эшелон добирался более месяца. На железнодорожном вокзале в Омске все молодые люди трудоспособного возраста были отправлены дальше, в Восточную Сибирь, работать на шахтах, рудниках или лесоповале. Старший брат моей бабушки, Андрей, был отправлен на

работу в шахты г. Прокопьевска. После прибытия оставшихся членов семей распределили по районам, семья моей бабушки оказалась в Большереченском районе, в деревне Малоникольск. Условия жизни были ужасающими: жили в землянках, еды не хватало (бабушка говорила, что самым любимым лакомством была мороженая сырая картошка или картофельные очистки, подсушенные на протопленной плите), была проблема с трудоустройством, так как они плохо знали русский язык. Ее отец был хорошим печником, поэтому с ним рассчитывались за работу продуктами питания, но так как в семье было пятеро детей, этих продуктов не хватало, поэтому дети болели рахитом, и бабушка помнит, что до 7 лет она не могла ходить. Глава семьи должен был ежемесячно, вплоть до 1956 г., отмечаться в Большеречье в комендатуре. В 1964 году были сняты обвинения, предъявленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья», в котором немцы огульно обвинялись в дезертирстве и шпионаже. Но и после этого семья бабушки долгие годы не имела права возвращаться в родные места. До сих пор моя бабушка живет в Омской области. В 1991 г. она была реабилитирована.

Прокофьева Екатерина,
студентка ОмГТУ

***

Неуловимые сокровенные переживания и чувства овладели мною, когда я приступила к написанию биографии моего прапрадедушки Ивана Стефановича Карпачева, потому что судьба его семьи как в зеркале отразилась в судьбе моей страны, моей любимой России. Я слышу, как бьется мое сердце, я постепенно ухожу далеко от нашего времени и погружаюсь в историю нашего Отечества, в историю Родословного Дерева моих дедов и прадедов. Исследование исторических связей семьи и событий семейной жизни в свете знаменитых факторов истории, оказывается, не такое уж простое дело.

Родился мой прапрадедушка в Курской губернии, в деревушке Нечаевка в 1870 году. Отец был сельским священнослужителем маленького прихода, поэтому он был вынужден заниматься крестьянским хозяйством. Семья владела небольшим наделом земли. Голодные годы начала XX века, холера косили людей. Приближалась революция 1905 года. Родители и братья умерли. Клочок земли не мог прокормить семью. В это время много говорили и писали о вольных землях в Сибири. И прапрадедушка Иван задумал в 1901 г. отправиться на поиски «обетованной земли». Что гнало его с насиженного места? Я думаю, что сильнее всего, владела им мечта о земле, о счастье. Сын сельского священника, хорошо владеющий грамотой, он гордился крестьянским происхождением по матери. Отец с детства обучал детей грамоте. Иван Стефанович не боялся Сибири, хотя у некоторых наших современников до сих пор бытует представление о прошлой Сибири, как о крае ссылки и каторги, крае диком, мрачном и холодном. На лошадях с четырьмя детьми добирался он со своей женой Авдотьюшкой, по-другому он ее не называл. Она, по рассказам, была очень красива. Статная крестьянка (тоже грамотная) с добрыми глазами, но почему-то всегда печальными, на щеках ее разливался румянец, русые косы уложены коронкой над высоким белым лбом. Крестьянский сарафан и белоснежная рубашка всегда украшали ее красивую статную фигуру. А Стефаныч, как часто его называли, напоминал русского чудо-богатыря. Его глаза светились каким-то внутренним светом, а лицо осеняла по-детски добрая улыбка. Итак, я немного отвлеклась, рассказывая о внешнем облике Ивана Стефановича и Авдотьюшки. Ехали они в Сибирь по своей воле. Добирались на трех лошадях, но две лошади пришлось забить из-за голода. На одной повозке сидели дети, а Иван Стефанович и Авдотьюшка шли

пешком. Многие не добрались до конечного пункта, особенно те, у которых в дороге пали лошади. Суровые условия жизни переселенцев заставили многих вернуться или просить милостыню. Мой прапрадед дошел до Сибири.

Давайте на мгновение представим такую картину: сразу и навсегда остановились у Нефёдова озера, кругом ни жилья. Иван Стефанович решил обосноваться здесь. С ним остановились еще несколько семей. Застучали топоры, начали корчевать лес, строить времянки, расчищать площадки для посева. Нефёдово озеро! Без воды нечего делать человеку. Оно и сейчас служит людям в деревне Коршуновка. Почему это озеро так называлось? Я пока этого еще не знаю. Предполагают, что здесь когда-то был скит старообрядца. Но точно мне никто не раскрыл эту тайну. А сколько еще тайн хранит наше Прииртышье, наша сибирская земля!

Разработали земли. Иван Стефанович построил дом. Он владел ремеслом резчика по дереву. Сложный орнамент деревянных кружев опоясывал большие окна, крышу под железом, крыльцо. Узорчатые наличники, затейливые узоры выражали смысл. Он рассказывал, что дуга – это символ обозначения радуги, мост между матушкой-землей и небом. От их согласия зависит урожай. Вырезанный петух - деревянные часы - напоминает, что нужно трудиться с утра до вечера. И он трудился, приучив всех детей любить труд. Мечта сбылась. Три сына и три дочери при деле. Всё горит в их руках. Жить бы да радоваться. Полон двор скотины, полны закрома зерна.

Со своим зерном, продуктами ездил на лошадях в Омск на базар. Выручал немалые деньги. Когда был в Омске, то непременно посещал храмы. Особенно любил Успенский Кафедральный собор.

Кухня - центр семьи. Любил он вечерами собирать всех за столом.

А какое у него было подворье! Можно было фильм снимать. Все сельскохозяйственные инструменты, как на параде. К этому времени он купил сеялку, веялку, мечтал купить трактор, но этого не случилось.

Наверное, за такое счастье нужно было дорого заплатить, а заплатил он сполна. Роковая минута истории, роковая минута судьбы страны и судьбы трудолюбивой крестьянской семьи – 1928 год. Человеческие судьбы, судьбы лучшего слоя крестьян повержены в ад. Жизнь страны на многие-многие годы как будто замерла, притихла, ожидая опасности. Закончились праздники. Труд для крестьянина - праздник, посев, сенокос, уборка урожая -тоже праздник.

1930-е годы… Несколько дней сидели, не зажигая лампы. Ждали. Услышали шаги, хруст снега. Пришла беда. В глухой деревне смутно представляли, что творится в России. Страшная беда последовала за теми незнакомыми шагами. Выгнали на улицу полураздетыми. Плачут дети. Маленьких детей разобрали соседи, а Иван Стефанович, Авдотьюшка и два сына сосланы в болотные места, в Кулай. Одного из родственников, зятя, отправили в омскую тюрьму. Ссылка в болотные места, бесчеловечный быт, расстрелы, вид братских могил подорвали здоровье Авдотьюшки. Эта ссылка забрала у моей прапрабабушки–красавицы жизнь. На руках, чуть теплую, почти бездыханную, принес он ее домой. Через несколько дней она умерла. Так и остался он до конца своих дней верен своей любимой Авдотьюшке, претерпевшей вместе с ним все муки ада.

Прапрадедушка Иван часто рассказывал о великой любви в «Повести о Петре и Февронии». Наверное, жизнь этих святых была для него примером чистой и верной любви. Он говорил: «Вот только умерли мы не в один день и не в один час. Но я нужен еще вам, дети и внуки, чтобы начать все заново». И начал заново. Вернулся, открыл заколоченные крест-накрест окна (хорошая примета: крест-накрест заколоченные окна к тому, что обязательно вернешься в свой дом) и начал вести хозяйство, но на балалайке больше не играл. Разговаривал с березами и осинками. Березку он называл «подружкой светлоокой».

Передо мной реликвии, которые сохранила моя прабабушка, дочь Ивана Стефановича. Две иконки - Пресвятой Богородицы и Андрея Первозванного. Как удалось ему сохранить

эти иконки? Ведь во время ареста иконы топтали, разбивали, а эти, маленькие, он, наверное, спрятал раньше. Целым состоянием, богатством считал Библию, читал ее каждый вечер. Сохранилась только частичка Библии, а как, каким образом он пронес ее через тяжкие испытания, никто их оставшихся родственников не знает. Может быть, он держал у сердца несколько страниц Библии, а остальную часть куда-нибудь спрятал на Кулае. Ведь если бы нашли Библию и иконки, его бы убили охранники-атеисты.

И вновь испытание, но уже более грозное. Началась Великая Отечественная война. Проводил на фронт двух сыновей, два зятя и внучку Нину, которая только закончила техникум. Всю войну трудился для фронта, для победы. Оплакивал сыновей, погибших в 1942 году, погибли и два зятя. Вернулась только внучка. Дожил Иван Стефанович до победы, до смерти Сталина. Во времена Хрущева был реабилитирован. Иван Стефанович прожил 91 год. Крепкий, как дуб, устоял он против всех невзгод.

Вот таким и остался в памяти предков Иван Стефанович. Еще несколько лет назад можно было увидеть его дом. Мы проезжали мимо Коршуновки. Почему я не зашла в этот дом? Я тогда еще не знала, что судьба моего прапрадеда оставит такой след в моей душе. Мне было 9 лет, а сейчас 18. Теперь этого дома нет. А березка, посаженная им, жива и поныне. Может, она грустит о нем? Ведь эта березка была его «светлоокой подружкой», напоминающей ему милую прапрабабушку Авдотьюшку.

Михайлова Галина,
студентка ОмЮА

***

В далеком 1941 году в нашем селе появилась Надорожная Анастасия Петровна. В том же году она вместе с родителями и маленьким сыном Владимиром была выслана из Ивано-Франковской области как «кулаки». Жили на квартире. Каждый месяц отмечались в комендатуре в с. Шербакуль, куда ходили пешком. Анастасия Петровна работала с военных лет: в телятнике, в свинарнике, скирдовала солому. По воспоминаниям Анастасии Петровны, во время войны есть было нечего, не знали порой, что надеть, хлеб получали по карточкам.

Баба Настя, как ласково ее называли внуки, прожила долгую и тяжелую жизнь. Никогда она не сидела без дела, вечно хлопотала по дому, стараясь все успеть и ничего не упустить из виду. Глядя на пожелтевший снимок, невольно думаешь, как же смогла она вынести весь ужас пережитых лет.

Анастасии Петровны нет уже в живых, но родственники бережно хранят её трудовые медали. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1956 года Анастасия Петровна была награждена медалью «За освоение целинных земель», а 18 марта 1976 года за долголетний добросовестный труд - медалью «Ветеран труда».

Екатерина Ивановна Мукабинова. Она не любила рассказывать о себе. Лишь в 80-е годы многие односельчане с удивлением узнали, что не по своей воле она оказалась в Сибири. Перед войной ее вместе с семьей выслали из родной Калмыкии как неблагонадежную. Уже в преклонном возрасте Екатерина Ивановна стояла у истоков областного общества «Мемориал», проводила активную работу по пропаганде целей общества. Екатерина Ивановна много лет проработала учителем в Северной школе. Она учила ребят любить свою Родину.

Большой террор предвоенных лет на омской земле начался с февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. В зловещей повестке первым стоял вопрос «Дело Бухарина и Рыкова». Предстояло подтвердить, что в Сибири действительно существовала повстанческая организация. Омское следствие сфабриковало грандиозное дело об

офицерско-повстанческой организации на громадной территории. По версии следствия, организация имела филиалы в округах и районах области, и в ней состояло не менее тысячи человек.

Начался разгром вымышленной организации, где невымышленными оказались люди. Приступила к работе кровавая омская «тройка».

По версии следствия, даже степные казахи готовились поднять восстание. В аулах южных районов области прошла волна арестов. Только в протоколе «тройки» № 44 от 17 ноября 1937 года названы фамилии 82 казахов по обвинению в принадлежности к повстанческой организации. К расстрелу приговорены 64 человека.

Казахским организациям следствие приписывало крамольный замысел: путем восстания они хотели отделиться от СССР, создать пантюркское государство под протекторатом Японии. Можно полагать, что столь невероятная версия рождалась у следствия потому, что решение февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) призывало к борьбе «японско-немецкими» агентами, а японцы были ближе географически к сибирским татарам и казахам. Впрочем, и «немецких агентов» следствие обнаружило в большом количестве.

И снова в селе появились «враги народа», прошла новая волна арестов. В нашем селе проживает Дюсенова Умсунке Аубакировна (1926 г.р). Она родилась и жила в ауле Телеген. Отец работал председателем колхоза «Наш труд», который считался передовым. Все было хорошо, но нагрянула беда.

18 февраля 1938 года отца Умсунке - Аубакира арестовали по статье 58 УК СССР. 18 марта 1938 года «тройка» НКВД приговорила его к расстрелу за измену Родине. В этом же году его расстреляли как «врага народа». Судьбу своего отца Умсунке Ауфкировна узнала в областном архиве в 70-е годы.

По словам Умсунке Аубакировны, позорное клеймо «дочери врага народа» ее преследовало в течение долгих лет. Она является свидетельницей и тяжелых лет войны.

В настоящее время Умсунке Аубакировна признана пострадавшей от политических репрессий, о чем в книге «Забвению не подлежит» есть соответствующая запись: «Дюсенова (Бейсекеева) Умсунке Аубакировна. Родилась в 1926 г. в а. Телеген Шербакульского района Омской области».

Клеймо «дочь врага народа» носила долгие годы и другая жительница нашего села Жусанова Рысжан Бакировна. В книге «Забвению не подлежит» записано: «Жусанова (Смагулова) Рысжан Бакировна. Родилась в 1934 г. в ауле Телеген Шербакульского района Омской области». Еще в четырехлетнем возрасте она лишилась отца. Мать старалась уберечь свою дочь от незаслуженного позора, ведь муж ни в чем не был виноват. Из заключения отец Рысжан Бакировны написал жене два письма на арабском языке, которые та до самой смерти бережно хранила, как святыню. Лишь чувствуя близкое дыхание смерти, она передала эти ветхие листы своей дочери и просила их сохранить. Уже в «годы оттепели» Рысжан Бакировна и ее муж Ескендыр Сагнаевич пытались разыскать Смагулова Бакира и посылали запросы в Коми АССР. Пришедший ответ гласил: «По данным п/я АН-243 Смагулов Бакир не значится». Помня завет матери, Рысжан Бакировна бережет пожелтевшие письма отца из далекого 1940 года и ответ на запрос о розыске. Вот и все, что у нее осталось на память от отца.

В «Книге Памяти» содержатся лишь скупые строки: «Смагулов Бакир родился в 1902 г. в ауле Каржас Омского уезда Омской губернии. Житель аула Телеген Шербакульского р-на Омской области. Казах, колхозник. Арестован 15 февраля 1938 года. Приговорен 15 марта 1938 г. тройкой при УНКВД по Омской области по ст. 58–2–8–9–11 УКРСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Реабилитирован 11 января 1956 года военным трибуналом

ЗапсибВО за отсутствием состава преступления.»

Эрих Александр Филиппович. Родился он в 1924 г. в р. п. Побочино Одесского района Омской области. Его родители были простыми рабочими, Из поселка всей семьей ушли зимой по деревням в поисках лучшей доли, остановились в д. Северное. Работать начал подростком, как и его сверстники. Когда ему исполнилось 17 лет, началась война. На фронт его не забрали, а направили в трудармию на лесозаготовки. В лес приходилось идти несмотря ни на что, так как паек получали работающие. Жили впроголодь. Работали очень много. На лесозаготовки уходили рано утром, работали допоздна. Было тяжело, пилили деревья, стоя по колено в воде. Но не это угнетало, а презрение окружающих, которые называли трудармейцев фашистами. Но и здесь были люди разные. Кто издевался, а кто по доброте душевной помогал. Значительно позже он был награжден медалями «Ветеран труда» и «Юбилейная» ко Дню Победы.

19 августа 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 3960: «... мобилизовать и направить в угольную промышленность немцев и немок - 7 тыс. человек в пределах Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краев Омской и Новосибирской областей». Подписано председателем ГКО И. Сталиным.

Моя прапрабабушка Экк (Урбах) Эльза Каспаровна вспоминает: «Жили в Азовском районе. Пришла разнарядка о наборе трудармейцев. Вызвали на медкомиссию, признали годной. Так и стала трудармейкой». Перед отправкой отец смастерил деревянный чемоданчик, в который положила сменную пару белья. Горько плакала мать Урбах Вильгельмина, провожая в трудармию своего единственного ребенка. Украдкой смахивал слезы отец. Привезли в город, погрузили в телячьи вагоны и повезли неведомо куда. И начались бесконечные унижения. Всюду охрана. Даже естественные нужды приходилось оправлять на глазах у конвоиров. Везли при закрытых окнах и дверях больше недели. Привезли в г. Прокопьевск Кемеровской области на шахты. Работала откатчицей. Трудно было. Работа непосильная, не каждый мужчина справится. А она справлялась: грузила уголь в вагонетки и откатывала их. И так всю смену - 12 часов. Но самое страшное - в первый раз спуститься под землю, чтобы попасть в забой. Сначала жили в казармах - длинный барак, внутри двухъярусные нары. Всю войну на работы ходили под охраной. Кормили так, чтобы только ноги не протянуть: 500 граммов хлеба на день, суп, в котором иногда попадалась капуста, иногда соленую рыбу давали. На шахтах работали в три смены. В шесть часов подъем и - в шахту. И пока свою работу не сделаешь, на поверхность не выпустят. В обед пожуешь кусок хлеба - и так до вечера. А вечером падали с ног от усталости. Практически на каждом шагу обзывали фашистами, немецкими свиньями. Конечно, обидно было: за что, почему? Ведь никому ничего плохого не сделали. Вначале плакали, а потом и сами друг друга называли фашистами.

О тех трудных годах осталось много горьких воспоминаний. Даже после окончания войны еще долго находилась на спецучете, как и другие немцы.

Зобин Вячеслав,
ученик МОУ «Северная ООШ»

***

От репрессий пострадало много людей. И я бы хотела рассказать про одного человека, который тоже пострадал от этого зловещего акта. Эту историю я услышала случайно. В нашей школе проходит конкурс на сочинение про репрессированных людей. Так как приговоры были смертельными, то очень мало людей осталось живыми после массовых репрессий. Мне не удалось найти человека, который бы мне сам рассказал, как произошло

это с ним. Но мне повезло, что в нашей школе работает замечательная учительница Нина Геннадьевна, которая мне рассказала, что её дедушка пострадал от репрессий.

Я бы хотела рассказать про Буркасова Федора Захаровича, который родился в 1900 г. в д. Будо Мстиславского у. Могилевской губ., ныне Белоруссия. Житель д. Алексеевка Муромцевского р-на Омской области. Колхозник. Белорус. Малограмотный. Он был арестован 29 сентября 1937 года. Приговорен 25 октября 1937 года тройкой при УНКВД по Омской области по ст. 58-10 УКРСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 1 ноября 1937 года. Реабилитирован 28 сентября 1990 года прокуратурой Омской области на основании Указа ПВС СССР.

Буркасов Федор Захарович со своей семьей проживал на хуторе, который назывался Буркасов хутор. Федор Захарович работал конюхом в колхозе «Мировой Октябрь». Вместе с женой Варварой Федоровной растил шестерых детей. У сына Ивана заболела нога, и он пошел к председателю колхоза просить коня, чтобы отвезти сына в больницу. Председатель в просьбе отказал. И Варвара Федоровна повезла сына на тележке. Через какое-то время председатель подошел к Федору Захаровичу и попросил подготовить коня, так как у сына председателя заболел палец на руке. Федор Захарович отказал в просьбе со словами: «У моего сына болела нога, ты не дал коня, жена возила сына на тележке. У твоего сына болит пальчик на руке, дойдет пешком до больницы». После этого случая председатель затаил обиду на него. В сентябре 1937 года, когда убирали хлеб, Федор Захарович повез арестованных в город Тару, и председатель дал ему пакет, который надо было передать вместе с арестованными. Он отдал пакет, в котором оказалось письмо, где было написано, чтобы его арестовали. И Федора Захаровича больше не выпустили. Жена ездила к нему на свидания. Буркасов Федор Захарович был осужден 25 октября 1937 года тройкой УНКВД Омской области по обвинению в контрреволюционной агитации.

Салтыкова Анастасия, Шинкевич Мария,
ученицы МОУ «СОШ № 13»

***

Рассказ о своих предках в годы репрессий я начну с папиной мамы. Бабушкин прадед Дмитрий Грязнов жил в Сибири со своей женой и дочкой Варварой; город или деревню, где они жили, никто не помнит. Наживали хозяйство, но случилось горе, мать Вари умерла. Прадед женился во второй раз на служанке Анне. Родилось еще трое детей. Хозяйство у семьи было большое, но рабочих не имели. Однажды утром 1930 года старший Грязнов вышел на улицу и увидел, что его едут раскулачивать. Он собрал свою семью, запряг лошадей и повез, куда глаза глядят. Так они попали в деревню Бугравое. Прадед был умен и силен характером. В 1933 году он стал председателем колхоза Малиновка. Жила семья хорошо. В Бугравом даже есть родственники бабушки, которые там живут до сих пор. А потом в 1941 году началась война, но прадеда не взяли. Дмитрий Грязнов умер в 1944 году.

Со стороны отца бабушки я узнала, что моего прадеда звали Андрей Михайлович Забудский, т. е. это бабушкин папа. Их семья, во главе которой был отец Михаил Григорьевич, была признана кулацкой. Сами они переселенцы из Польши. Репрессии их не коснулись, но, как известно, Михаил Григорьевич во время войны дошел до Берлина, награжден пятью медалями. В 1961 году он скончался от туберкулеза.

Так же бабушка рассказала про семью моего дедушки. Его отца звали Николай Трофимович. После революции в России их семья была сослана в Сибирь, в Омскую область, поселок Чайкино. Николай Трофимович был отправлен на войну в 1941, где и

погиб. Многие родственники до сих пор живут в Чайкино, а мой папа оттуда родом.

Мой дедушка, мамин папа, тоже помнит рассказы своей матери, Раисы Евстигнеевны, об этом времени. Дед моего деда, Евстигней Корнеевич Марташов, имел крепкое хозяйство со своим братом. Так же у него было пятеро детей: Дуся, Рая, Полина, Надежда, Николай и жена Лунея Ивановна. Кулаками они не считались, просто были трудолюбивыми людьми. В хозяйстве были лошади, коровы, свиньи. Как раз в это время шла волна репрессий, и так получилось, что друг Евстигнея Корнеевича сказал, что завтра утром его семью приедут раскулачивать. Этому другу сказал человек, который состоял в партийной ячейке, и сомневаться не было смысла. Красноярская область. Зима. Вечер. Евстигней Корнеевич запряг лошадей, собрал еду в долгую дорогу, вещи, которые смог увезти, и их семья уехала. А уехали они за 800 км на север. Так же дедушка рассказывает, что и дальнейшая их жизнь была нелегкой. Все время был страх за свою жизнь, что их найдут. Хозяйство началось с нуля, прадед Евстигней работал на почте, а потом его забрали в армию. Когда дело доходило до паспортов, их семья меняла имена и фамилии, так как дети не смогли бы поступить в институт и учиться. Когда я была маленькой, с нами жила Раиса Евстигнеевна, моя прабабушка. Тогда я даже не знала, что им пришлось пережить. Раиса Евстигнеевна прожила до 2003 года.

Еще дедушка рассказал немного о семье Агафоновых - это семья его покойной жены Евгении (моей бабушки). У её родни был двухэтажный дом в Омске за библиотекой имени Пушкина, параллельно реке Омке, на пригорке. Этот дом у них забрали во время репрессий. Недавно я съездила и нашла этот дом. Судя по окнам, сейчас там, видимо, какой-то офис, а рядом идет строительство и расположен новый мост.

Вот и всё, что мне удалось узнать у моих бабушек и дедушек об этом времени.

Кондрашина Яна,
ученица МОУ «СОШ № 32»

***

Катки тяжелой машины под названием «репрессии» непрерывно двигались по всей огромной территории Советского Союза с запада на восток. Машина эта заезжала в самые отдаленные уголки страны и вычеркивала из жизни целые семьи. Не обошла эта машина и маленькую сибирскую деревню Новгородцево - родину моих бабушек, дедушек, прадедов. В этой деревне большинство жителей были Новгородцевы, состояли между собой в дальних или близких родственных отношениях, поэтому репрессия, коснувшаяся одной семьи, в какой-то мере касалась и остальных.

Новгородцев Иван Григорьевич, 1883 года рождения, малограмотный, переехавший на жительство в Евгащино и работавший сторожем в МТС, был арестован 11 апреля 1937 года, а 22 сентября 1937 года приговорен Тройкой при УНКВД по Омской области к высшей мере наказания за антисоветскую агитацию (высказал свое мнение по поводу организации колхоза). 23 сентября 1937 года приговор был приведен в исполнение. Новгородцева Николая Ивановича, 1876 года рождения, крестьянина-единоличника, тоже арестовали 11 сентября 1937 года за нежелание вступать в колхоз. 23 сентября 1937 года он был расстрелян. Иван Григорьевич и Николай Иванович были реабилитированы 5 июня 1957 года за отсутствием состава преступления.

Жизнь деревенского мужика никогда не была легкой. Он честно работал на своей земле от восхода до заката, жил исключительно своим трудом, да еще кормил огромную страну. Трудовому мужику, названному кулаком, была объявлена война, чтобы ликвидировать

его как класс. У людей отбирали не только землю, скот, сельхозинвентарь, но и жилье, предметы быта, увозили в Тарскую тюрьму, а оттуда - через урманские снега, в метель, вьюги за 200 километров - на новое поселение на берег речки Кулай. Размещено здесь было около 35 тысяч невольников (данные из архива Васисской комендатуры).

Александр Степанович Новгородцев родом из Евгащино, его отец – Степан Новгородцев - из служилых казаков, имел чин поручика царской армии. История сословия уходит корнями в XIV-XVII века, тогда казаками назывались вольные люди, работавшие по найму, или лица, несшие военную службу в пограничных районах (городовые и сторожевые казаки).

По рассказам родителей, дед участвовал в обороне Порт-Артура. С войны дед привез награды да казачьи песни. Степана жена дождалась, зажили они крестьянским трудом вплоть до начала первой мировой войны, на которую он был призван как кадровый военный.

После революции дед работал в колхозе, возил сливки (молоко) на молоканку. Жизнь его закончилась трагически, как и у многих других в те страшные годы. Председатель как-то сказал деду: «Слушай, Степан, ты бы понемножку отливал сливок. У тебя же семья, дети». Дед отличался всегда принципиальностью и кристальной честностью, поэтому на предложение председателя возмутился и сказал: «Как же ты, представитель власти, советуешь мне воровать?»

Не прошло и полмесяца, как за дедом пришли. Забрали его ночью, больше мы его не видели. Его обвинили в создании троцкистско-зиновьевской антисоветской организации, а еще через месяц расстреляли.

Дед со стороны матери, Петр Новгородцев, был, как сейчас говорят, коннозаводчиком: снабжал царскую армию конями. Насколько крупным, мне судить трудно, но семья жила справно. Было в ней ни много, ни мало – семеро детей. В 1931 году дед попал под раскулачивание. Всю семью, кроме вышедших к этому времени замуж сестер моей матери, Екатерины Петровны и ее сестры Марии Петровны, сослали в Новокузнецк, на строительство Новокузнецкого металлургического комбината. Они приезжали к нам в Евгащино, но все равно имели статус ссыльных.

Я открываю Книгу Памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит». На первом и последнем форзацах - карта «ГУЛАГ НКВД. 1930-1950». Вся территория бывшего СССР опутана колючей проволокой, покрыта сетью лагерей, исправительно-трудовых колоний, строек НКВД; на 1 января 1948 года в них содержалось 2 199 535 человек. И становится страшно! Сколько поломанных судеб, сколько загубленных жизней! Как хорошо, что теперь по ночам не гудит под окнами машина, не стучат в двери с окриками «Открывай!», не увозят «врагов народа» в тюрьмы, лагеря ГУЛАГа, на Кулай.

Путц Дарья,
ученица МКОУ«Евгащинская СОШ» Большереченского района

***

Начну я с истории моего прадеда по папиной линии. Кудренко Андрей Николаевич родился 14 июня 1894 года в семье крестьянина-бедняка, жили они в Полтавской губернии Кобылянского уезда Хорошковской волости. В 1908 году семья переехала в Сибирь в Акмолинскую область Омского уезда Павлоградской волости село Божедаровка. В 1930 году мой прадед был председателем Мечетовского сельского совета, позднее был переведен председателем Павлоградского сельского совета. В 1931 году в Омское НКВД вызывают Нерозника Филиппа Петровича, ему предоставляют для ознакомления донос на моего прадеда, в котором Кудренко Андрея Николаевича подозревают в том, что он подсыпал

песок в топливо тракторов для вывода техники из строя. Филиппа Петровича просят подписать документ и признать Кудренко Андрея Николаевича врагом народа. Подробно изучив данную бумагу, Филипп Петрович заявил, что он не намерен подписывать никаких документов в подтверждение виновности моего прадеда, он аргументировал это тем, что Андрей Николаевич был честным коммунистом и порядочным человеком. Несмотря на физическое насилие и пытки, Филипп Петрович так и не подписал никаких бумаг против моего прадеда. Не добившись от него признательных показаний, спустя 3 месяца, его выпустили домой почти инвалидом.

Вернувшись в свое село, Филипп Петрович пришел к моему прадеду в дом и рассказал все, что с ним произошло. Андрей Николаевич ничего не знал и был мало знаком с Ф.П. Нерозником, но после этого разговора он понял, что над ним висела реальная угроза его жизни, и если бы Филипп Петрович поставил подпись хотя бы на одной бумаге, то моего прадеда ожидал бы расстрел. После этого случая Андрей Николаевич и Филипп Петрович стали лучшими друзьями и когда мой прадед приезжал на родину, первым делом он заходил к Филиппу Петровичу, они могли часами говорить и старались не вспоминать эту страшную историю их жизни.

О своем прадеде по маминой линии я узнала из книги «Возвращение памяти. Репрессии финнов на омской земле».

Сеппинен (Сеппенен) Арви Хейкович. Родился в 1905 году в деревне Крикантуля, Финляндия. В 1931 году совершил нелегальный переход границы на сторону СССР, приговорен к 3 годам ссылки в Тарский округ Омской области. Житель совхоза №183 Большереченского района Омской области. Работал трактористом. Арестован 5 февраля 1938 года. Приговорен 22 октября 1938 года тройкой при УНКВД по Омской области по статье 58–6–9 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. 19 марта 1939 года Большереченским РО НКВД дело прекращено. В соответствии с законом РФ считается реабилитированным.

Лысенко Яна,
ученица МОУ «СОШ № 32»

***

Мой прадед по отцовской линии был, что называется, «зажиточным». В чем это выражалось? Он был замечательным краснодеревщиком. Создал небольшую фабрику по изготовлению недорогой красивой и удобной мебели. Ну, а раз мастер, то и подмастерья нужны. Заказов много, одному тяжело справляться. Вот и взял пару талантливых и трудолюбивых пацанов. Все хорошо, сам живет, другим помогает, детей кормить- одевать надо, а их у деда шестеро! И вот 1930 год - ликвидация кулацких хозяйств. Дед попадает под третью категорию. А это значит - выселение в пределах района на новые, специально отводимые земли за пределами колхозных массивов. Замечу, что прадед с семьей жили в г. Колывань Новосибирской области, от г. Новосибирска в 30 км. Что же делать? Прадед не стал дожидаться выселения его семьи в отдаленные северные районы СССР. Каким-то загадочным способом он меняет фамилию Волков на Семенов, и с семьей бежит в г. Омск. Пережив этот нелегкий и опасный период, имея небольшие сбережения от своего труда, он продолжил свою деятельность мастером- краснодеревщиком уже в Омске, проживая на ул. Госпитальной. Правда, очень огорчался и переживал по поводу «новой» фамилии. Ну, ничего, зато сам выжил и детей сохранил. Разве это не счастье для человека?

Семенова Мария,
студентка ОмЮА

***

… А позже я узнала, что и наша семья пострадала в дни сталинских репрессий. Мой прадедушка – Александр Николаевич Трубецкой был архитектором-художником. Помимо службы Александр Николаевич увлекался спортом. Был среди первых организаторов омского спорта. В соревнованиях конькобежцев Александр Трубецкой входил в состав жюри, а в лыжных соревнованиях председательствовал. Сохранились дипломы с его подписью. Она была неизменной: «Кн. А. Трубецкой - I». И в январе 1918 г., когда власть уже была у большевиков, писал рядом с фамилией ненавистный новым хозяевам страны титул князя.

Как только колчаковцев в Омске сменили красные, арестовали отца, инженера, князя Николая Николаевича Трубецкого. В застенках ЧК он умер от тифа. Это все, что сообщили семье. Александра Николаевича арестовывали дважды - в 1920-м и 1928-м. Предъявляли обвинение в контрреволюционной деятельности и отпускали за недоказанностью. Ничего за ним не было, только нежелательное происхождение.

В 1937 году в Омске было сочинено дело «40 церковников». Членов омского епархиального братства, верующих и просто подозреваемых в монархических взглядах, расстреляли по приговору тройки от 10 ноября. Двадцать вторым в этом списке значился Александр Николаевич, 23-ей - его сестра Вера. Протоколы их допросов коротки и формальны. Они не содержат никаких фактов. Вопрос Александру: «Следствие имеет неопровержимые доказательства о вашей принадлежности к контрреволюционной монархической организации».

Ответ: «Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял и не состою».

Вопрос: «Вы лжете. Предлагается назвать известных вам членов контрреволюционной монархической организации».

Ответ: «Свою принадлежность к контрреволюционной организации я категорически отвергаю и никакой контрреволюционной агитации я не вел. Мне известно, что из моих знакомых арестовано два бывших офицера: Пермяков и Бурлов. Первый мне знаком по совместной работе с 1934 года. Бурлов - по работе в клубе Лобкова. В отношении моей сестры Веры Николаевны мне известно, что она имела тесную связь с омским духовенством до своего ареста». Трубецкая считала несправедливыми действия правительства в части закрытия храмов и ареста священников, доказывая, что это не что иное, как гонения на церковь со стороны советской власти.

Вопрос: «Вы должны дать следствию правдивые показания как о вашей принадлежности к контрреволюционной организации, так и обо всех ее участниках».

Ответ: «Я в контрреволюционной организации не состоял и предложения вступить в таковую ни от кого не получал».

Вопрос: «Вы были завербованы в контрреволюционную монархическую организацию, о чем доказано следствием. Предлагается дать правдивые показания».

Ответ: «Меня никто не вербовал».

Все, следствие окончено. Протокол Александр подписал недрогнувшей рукой и, как и раньше, поставил перед фамилией титул. В тот же день, 8 ноября, допрашивали Веру Николаевну Трубецкую. Эта одинокая женщина, учительница, в 1930 году уже была осуждена и три года отсидела в лагере. За что? За разглашение государственной тайны! Кто бы доверил страшные тайны педагогу, зарабатывающему частными уроками!

В постановлении 1937 года об избрании меры пресечения сказано более чем откровенно: «изобличается в том, что она происходит из семьи князя Трубецкого».

О ее контрреволюционной деятельности вопросы такие же формальные. Но один ответ Веры - это страстное высказывание: «Признаю, что я молилась за патриарха Тихона, так как считаю его дела правыми. Он боролся за религию, а я так же считаю себя преданной

делу церкви, а поэтому так же готова бороться за религию, как боролся патриарх Тихон». Сильная духом русская женщина!

В 1958 году президиум омского областного суда отменил постановление тройки НКВД. Стали известны подробности дела.

Монархическую организацию якобы возглавлял епископский совет, в Омске будто бы было 7 контрреволюционных групп, готовивших вооруженное восстание. Из 40, взятых по делу, 33 под давлением, а возможно, и пытками, признали вину (которой не было), а семеро, в их числе брат и сестра Трубецкие, предъявленное обвинение отрицали. Оказывается, у следствия в 1937 году был единственный свидетель – некто Рудых, который судебно-психиатрической экспертизой был признан умственно отсталым.

40 человек расстреляли по наговору сумасшедшего!

Когда расстреляли Александра Николаевича, его сыну Вите (моему дедушке) было пять лет. И впереди у него была жизнь не потомка княжеского рода, а сына врага народа. Женился на простой девушке Анисье, работал в артели инвалидов, был целинником, мастером-приемщиком на железной дороге. Документы и старые фотографии в семье сожгли.

Моего отца, Александра Викторовича Трубецкого, назвали в честь его деда. В 1997 году моя тетя - Надежда Викторовна Трубецкая, решила воссоздать семейную родословную. Написала в УФСБ по Омской области запрос, а, получив ответ, приехала читать «дело сорока». Вот так наша семья узнала о деле № П-6639.

За долгие годы наши бабушки и дедушки выросли, не зная правды, - позор сталинских репрессий умышленно замалчивался. В Книге Памяти жертв политических репрессий Омской области «Забвению не подлежит», в 8 томе, есть запись и о моих родственниках.

Трубецкая Ассоль,
ученица БОУ «СОШ № 60»

***

Не обошли темные тучи репрессий 1940-х гг. и семью Вильман.

Свидетельница того страшного времени Ирма Кондратьевна Вильман (Ваккер) родилась в селе Найфранк Найвальцерского района Саратовской области 27 февраля 1928 года. Вот что она поведала о тех событиях, в результате которых она оказалась в нашем поселке.

Кроме нее в семье было еще девять детей. Один брат умер в младенчестве. Старшие сестры имели уже свои семьи, брат учился в седьмом классе, младшая сестра в третьем классе. Ирма по окончании пятого классов в июне 1941 года получила грамоту за отличную учебу. Все предметы преподавались на немецком языке, но больше всего она любила уроки русского языка.

Казалось, ничто не омрачит счастливого детства. Село было большое. В селе работали четыре полеводческие и четыре тракторные бригады. Урожай на полях обещал быть хорошим. Но июнь 1941 года перевернул всю размеренную жизнь не только ее семьи, но и всего села, и всего народа. Ее с родителями, Ваккером Кондратом Ивановичем и Ваккер Екатериной Кондратьевной, братом и сестрами, у одной из которых было четверо маленьких ребятишек, сорвали с насиженного места в сентябре 1941 года и повезли в неизвестном направлении. На сборы дали всего три дня, да и взять с собой разрешалось немногое. Лошадей всем переселенцам не хватало, им пришлось до станции Баланда Саратовской области добираться на быках. Потом на железнодорожном вокзале всех погрузили в неприспособленные для перевозки людей, продуваемые всеми ветрами вагоны.

Всю дорогу спали на голых досках. На протяжении всего пути их сопровождали военные. Когда довезли до г. Омска, их пересадили на пароход, разместив в трюме, в котором раньше перевозили рыбу. Больше недели плыли они до Тары, набитые в трюме, как селедка в бочке. Было тесно, душно. Люди терпели. Сначала они думали, что это просто эвакуация, связанная с наступлением гитлеровских войск. Мирились со всеми трудностями.

Истории односельчан

Выгрузив всех в г. Таре, их разделили на несколько групп. Семья **Ваккеров** попала в деревню Годеново Колосовского района. Это была небольшая деревушка в тридцать дворов. Хозяйство было захудалое. Их, две семьи, поселили в пустующем доме. Каждый месяц они должны были ездить в Тару и отмечаться в спецкомендатуре. Работали на лесозаготовках, иногда одеть было нечего, ходили на работу по очереди. Старшего брата и сестру в 1942 году забрали в трудармию. Сестра погибла в шахте в 1944 году. Брат работал в болотах, на лесозаготовках. Вернулся из трудармии уже после войны. Мать уехала в Кемерово искать сестру, да там и осталась. Вскоре от голода и болезней умерла вторая сестра, а потом и ее четверо детей. В 1954 году, когда закрыли спецкомендатуры, Ирма поехала искать своих односельчан в поселок Атак-Док Тарского района.

Здесь она встретила своего будущего мужа, Ивана Ивановича Вильмана. Когда она разговорилась с ним, оказалось, что они оба из одного села и выселяли их в один и тот же день, потом их везли в одном составе, а потом и на одном пароходе до самой Тары. И уже в Таре семью Ивана вместе с другими семьями отправили в село Атак, а семью Ирмы Ваккер в деревню Годеново Колосовского района.

Уезжать после войны из села не захотели, так и остались здесь. Вырастили с мужем двух дочерей и сына. Погостив в Германии у старшей дочери, в 1990-е годы уговаривали сына уехать всем вместе в Германию, но сын отказался. Не сдвинулись с места и старики. Это единственные из переселенцев, которые не забыли свой родной язык, до сих пор общаются между собой на немецком. Ирма Кондратьевна с удовольствием читает немецкие газеты и журналы, привезенные из Германии.

В конце разговора она добавила: «Вы знаете, у меня до сих пор перед глазами стоят неубранные поля, оставшиеся после нас. Каждый раз, когда мы голодали, когда нечего было есть, у меня перед глазами вставала одна и та же картина с полегшими от тяжести колосьев полями.

А эту интересную историю о своем отце и его родителях мне рассказала учитель музыки Румянцева Ольга Михайловна.

Из воспоминаний ее бабушки, Анны-Марии Цитцер. «Род наш ведется со времен Елизаветы Петровны, которая выписала наших предков из далекой Баварии. Имена предков не сохранились, но я знаю, что они занимались крупной торговлей и ремеслами. Жили они в слободе между Москвой и Петербургом. Позднее всех немцев оттуда переселили в Поволжье, где и родилась в 1908 году в городке Саратове она, Анна-Мария.

Ее родители, Генрих и Анна-Мария Нихельман, были красивой парой: он голубоглазый блондин, она жгучая брюнетка с длинной черной косой. Генрих Нихельман работал инкассатором и собирал дневную выручку с частных магазинов. Однажды среди рабочего дня, во время сбора выручки, он был ограблен и убит. Жена Анна-Мария погоревала и вышла замуж во второй раз, на этот раз за богатого торговца. Брат отца Федор, узнав об этом, заявил матери, что маленькую Машеньку она не получит, он сам будет заниматься воспитанием племянницы.

Так двухлетняя Машенька осталась без отца и без матери. Ее, как, впрочем, сводных братьев и сестер, рано приучили к труду. Наказывали за любые провинности. Однажды мачеха ударила Машу по лицу. Увидев племянницу в крови, дядя Федор пригрозил жене

уйти из дома. С тех пор Машу никто не бил, но и любви к тетке не было. Мария окончила гимназию, пережила со своей приемной семьей революцию, конфискацию садов и бахчи, а также нескольких музыкальных инструментов, на которых вся семья играла по праздникам.

Когда Маше исполнилось 16 лет, ей предстояла конфирмация (вручение аттестатов), а у нее не было ни белого платья, ни туфель, ни шляпки с перчатками. Мачеха повела ее к матери. Вот тогда, спустя 14 лет, Мария вновь встретилась с родной матерью. Второй муж матери был преуспевающим торговцем, поэтому ей ничего не стоило подарить Марии нужные для выпускного вечера вещи. Это потом уже, спустя много лет, ее мать Анна-Мария переживет арест мужа и гибель двух младших сыновей.

Большая перемена в жизни Марии произошла в связи с ее вступлением в комсомол. Не найдя понимания у приемных родителей, 17-летняя Мария уезжает на товарном поезде в Москву, где она сначала устраивается на работу прислугой к торговцу сахаром, а потом мойщицей стеклотары на завод. В 1928 году она переезжает в Ленинград, где поступает учиться в партшколу. Там она встречает своего будущего мужа, Рудольфа Мартина.

Рудольф был старше на два года. Молодые люди понравились друг другу и вскоре поженились. Старшая сестра Рудольфа, Эльза, грубая некрасивая женщина, была замужем за русским, которого звали Лебедев Николай. Эльза сразу невзлюбила невестку и своих детей, Павла и Любу, настраивала все время против нее. Поэтому молодым пришлось съехать с общей квартиры и поселиться на съемной.

В 1930 году родился Роберт. Жили хорошо. Но в 1937 году Рудольфа Мартина арестовали. Мария, жена Рудольфа, кинулась выручать мужа, да и сама угодила под арест. С мужем в последний раз она виделась на Лубянке, в Москве, куда ее доставили с другими арестованными женщинами. Мужчин, среди которых был и ее муж Рудольф, расстреляли на глазах жен.

Марию осудили на 25 лет с отбыванием наказания в ГУЛАге без права переписки.

Полвека она молчала, никому не рассказывая о тех страшных годах, которые выпали на ее долю. Из двадцати пяти назначенных лет она отбыла лишь одиннадцать, и в 1948 году была досрочно освобождена. В заключении она работала сначала на лесозаготовках, потом ее перевели в швейный цех, а после за хорошее поведение и исполнительность назначили главным мастером в бригаду женщин-уголовниц. Из мест заключения вместе с другими политическими заключенными ее направили в Тару. По дороге, из разговора с попутчиком, участником войны, она узнала, что в поселке Атак -Док, расположенном неподалеку от Тары, живет семья из Поволжья по фамилии Нихельман. Так тридцативосьмилетняя Мария Мартин вновь, на уже совершенно незнакомой сибирской земле, встретилась со своей приемной семьей. На самом деле тетя Катя оказалась не такой уж злой мачехой, а простой, трудолюбивой хозяйкой. Сводные братья уже повзрослели и работали здесь же инженерами в леспромхозе.

Позже семья Нихельман с двумя сыновьями переехала в г. Энгельс.

Мария Мартин выходит замуж во второй раз - за репрессированного Цитцера Андрея, который был моложе ее на два года. Он был мастером на все руки: и электрик, и столяр, и плотник. У них родился сын Володя. А где же все эти годы был Роберт?

После ареста родителей маленький Роберт жил некоторое время у тетки Эльзы. Ее дети, Павел и Люба, ушли добровольцами на фронт.

Внезапно умер муж тетки, и она отдала Роберта в детский дом, сама вскоре утонула, купаясь в Неве. Началась блокада Ленинграда. Детдом был эвакуирован из города и был расположен неподалеку от Ленинграда, в селе Фортово. Старшие ребята в первый же вечер украли у него постельные принадлежности с целью обменять на продукты. Мальчику целый год пришлось спать на голой панцирной сетке, потому что он не захотел выдавать обидчиков. Трудно пришлось Роберту, но жизнь в детдоме закалила его.

В пятнадцать лет Роберт заканчивает ремесленное училище и уезжает в г. Могилев, это в Белоруссии. В шестнадцать лет он твердо решает поменять фамилию и имя. В Ленинграде близкого родственника семьи Лебедевых звали Михаил Румянцев. Предчувствуя близкий арест, он сам предложил свое имя и фамилию Роберту и завещал сохранить его в детях своих. Так при получении паспорта Роберт Мартин стал Румянцевым Михаилом.

Здесь он начал поиски матери и узнал адрес ее проживания. С большими трудностями добрался до сибирского поселка. Мария узнала сына сразу, хотя не видела его более десяти лет. Андрей Цитцер, муж матери, принял Роберта как родного, устроил его на работу.

Уже из сибирского поселка Роберт-Михаил был призван в ряды советской армии. Вернувшись из армии, он женился на местной русской девушке Наташе Мурашкиной.

Он сдержал слово, данное в Ленинграде Михаилу Львовичу Румянцеву: четверо его детей и шесть внуков носят фамилию Румянцев.

Вяль (Бопп) Софья Ивановна - еще одна из репрессированных односельчан, кто стал свидетелем тех страшных лет.

Она родилась в с. Шумейковское Энгельсской пригородной зоны Саратовского края в 1936 году. Их переселяли летом в 1941 году. Из переезда помнит очень мало. Помнит, что это было летом. Ехали вчетвером: с матерью Бопп Софьей Каспаровной, 1904 года рождения (25.01.), отцом Бопп Иваном Каспаровичем, 1904 года рождения (11.05), с братом Иваном, 1927 года рождения, и маленькой сестренкой Лидией, 1940 года рождения. Отца в 1942 году забрали в трудармию.

Здесь в поселке закончила 6 классов. Устроилась работать в Атакский ЛПХ, сначала работала в лесу, а потом перевели в цех станочницей, где и проработала до выхода на пенсию. Стаж работы 39 лет.

Ветеран труда, награждена Почетной грамотой Министерства лесной промышленности за достижение высоких производственных показателей; общесоюзной Почетной грамотой за успешное выполнение заданий 12-й пятилетки, медалью за доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина.

В нашем поселке живет и **Урих Андрей Давыдович,** который родился в 1935 году в Ассирийском районе, совхозе № 98.

В 1941 году переехал из Саратовской области вместе со своими родителями: отцом, Урихом Давыдом Давыдовичем, 1901 года рождения, матерью, Урих Павлиной Егоровной, 1902 года рождения (девичья фамилия Фех) и двумя братьями Давыдом, 1928 года рождения, и Александром, 1938 года рождения.

В настоящее время старший брат умер (он уехал сразу после армии и прожил всю жизнь в Киргизии), а младший брат Александр живет до сих пор на Камчатке.

Помнит, как приехали сюда, как размещали их семью в бараки. Отцу не дали даже нормально устроиться, почти сразу по приезду забрали в 1941 году в трудармию, где он пробыл до 1944 года.

О себе Андрей Давыдович рассказывает неохотно.

Перед тем, как уйти, отец порвал документы сына Андрея и велел говорить, что он родился не в 1931, а в 1935 году, потому что очень боялся, что сына тоже заберут в трудармию. Так отец «омолодил» сына на четыре года. Восстанавливать документы после

войны Андрей Давыдович не захотел, так и остался 1935 года рождения.

Начал трудовую деятельность в 1957 году в Челябинске проходчиком в шахте. В 1960 году вернулся и работал электропильщиком в Атакском ЛПХ до выхода на пенсию. (До 1990 года.)

Вырастили и воспитали с супругой десять детей: пятеро сыновей и пять дочерей; четверо детей живут в этом же поселке, остальные - кто в Казахстане, кто в Тюмени, один сын в Ярославле, дочь в городе Суслове Кемеровской области, и один сын живет и работает в Таре.

Тимомеева Зухра,
ученица КОУ «Междуреченская СОШ» Тарского района

***

Не обошли стороной репрессии и мою семью. Весной 1940 года был арестован мой прадедушка, Николай Петрович Калижников, 1911 года рождения. Со слов прабабушки, Елизаветы Артемьевны, мы знаем лишь отдельные скупые факты из его биографии. Человек он был довольно грамотный. Во время гражданской войны воевал в рядах Красной Армии. После установления в деревне советской власти был избран в земские гласные Евгащинской волостной земской управы. Так как он был государственным служащим, его часто переводили с одного места работы на другое. В последнее время он работал председателем райпотребсоюза в с. Евгащино. При проведении плановой ревизии были обнаружены излишки в сумме 2 (две) копейки. Ему было предъявлено обвинение в хищении социалистической собственности, вынесено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отбыванием наказания в ИТЛ без права переписки. Дома остались жена и трое малолетних детей.

О том, как жила семья в военное лихолетье и голодные послевоенные годы, я знаю из рассказов дедушки Николая Николаевича. Выживать помогали односельчане, среди которых жена и дети находили поддержку и понимание. После ареста тема эта в семье никак не обсуждалась. Прабабушка всегда говорила детям, что отец погиб на войне. Жили в постоянном страхе.

В 1960 году получили извещение о смерти, в котором сообщалось, что Николай Петрович умер от кишечной инфекции, похоронен в братской могиле где-то под Курском. Точного места захоронения мы не знаем, наверное, прабабушка под силой страха уничтожила извещение, а может быть, оно просто не было указано. Ведь заключенных тогда хоронили в общих могилах, надгробий и памятников не ставили.

Емельянова Елизавета,
ученица МКОУ «Евгащинская СОШ Большереченского района

***

Коснулась эта беда и нашу семью. Мне хотелось бы рассказать о судьбе своего прадеда, Каримова Абдулхая Халиковича, 1896 г.р., который проживал в городе Таре по ул. К. Либкнехта № 38. Конечно, я мало что могу рассказать о нем, но, по словам родственников, это был самый обычный труженик, который жил и трудился, не покладая рук.

В нашей семье хранятся архивные документы, которые мы перечитываем и думаем, а какой он был, наш прадед?

Да, наверное, обычный, любящий детей и внуков, заботливый сын, муж, отец, дед, прадед... Вот только чей-то ложный донос слишком рано оборвал его судьбу.

Поверх всех документов лежит полуистлевший листок бумаги, который уже трудно прочитать. Это заявление прабабушки Каримовой Наили, которая очень долго искала своего мужа, писала везде, но везде натыкалась на глухую стену. В нем она просит сообщить о местонахождении Каримова в порядке приказа 00706 напр. начальнику следственного отдела УНКВД по Омской области. На этом поиски обрываются. Далее поисками отца уже после войны занялся сын Абдулхая, Наиль, мой дед.

И лишь только в 2003 году всем открылась страшная правда о судьбе Каримова Абдулхая Халиковича, который был расстрелян в далеком 1938 году за то, чего он не делал. Наверное, скупые слова простого повествования будут здесь излишни, когда есть возможность представить подлинные архивные документы. Поэтому дальше мне хотелось бы привести материалы архивных документов, которые бережно хранятся в нашей семье. Пусть и другие, прочитав их, поймут, как запугивали простых людей, расстреливали за дела, которых они не совершали.

Фаткулина Наиля,
ученица «КОУ Междуреченская СОШ» Тарского района

***

Нашей семьи репрессии не коснулись. По рассказам бабушки, был страх, что кого-нибудь из родных заберут, но беда обошла стороной. Но в нашем селе Привальное живут репрессированные немцы и их семьи. Это семьи Сайберт, Крумм, Бауэр и многие другие.

Каждый день со многими из них я встречаюсь, здороваюсь и, конечно, всегда удивляюсь их терпению, жизнерадостности и трудолюбию.

Не миновало село Привальное ни одно из потрясений, которые прокатились по России: коллективизация, создание колхозов, ссылка за желание быть свободным на своей пашне, война. Разные судьбы у этих людей, но их объединяет общая история и испытания, которые довелось пережить, и из которых они сумели выйти достойно.

Многие с неохотой вспоминают эти тяжелые годы. Воспоминаниями, которые подавлялись десятилетиями, было непросто делиться. Но это нужно было сделать не только для молодежи, но и для самих бывших спецпереселенцев. Ведь память может стать «выносимой» (но также и менее правдивой, очищенной именно от тех моментов, что делает ее невыносимой) только после того, как она записана. Люди смогли выжить, сохранить тот внутренний стержень, который зовется человечностью. Они гнулись, но не ломались, смогли отстоять свое право на жизнь, сохранить свою культуру и самобытность. Их не испугали трудные условия сибирской жизни, так как они не утратили живости ума и сумели быть полезными в жизни. Стоит только позавидовать их стойкости и выдержке, не каждый может вытерпеть то, что они вынесли, и при этом остаться человеком в полном смысле этого слова. Они не просто сумели выжить, но и заслужили почет и уважение окружающих.

Зубкова Юлия, ученица
МКОУ «Приваленская ОШ» Азовского немецкого национального района

***

Детство моих прадедушек и прабабушек было трудным. Оно совпало со сталинскими репрессиями. За годы репрессий 32 тысячи наших земляков прошли через застенки ГПУ-НКВД-КГБ. Это были крестьяне и рабочие, офицеры и служащие, педагоги и медики. Не было, пожалуй, ни одной категории граждан, которую не задели репрессии. Я узнал, что моего прапрадедушку, Каримова Мирсафара Абдулхаликовича, арестовали 10 ноября 1937 года. Он был приговорен 17 ноября 1937 года тройкой при УНКВД по Омской области по статье 58-10-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Прапрадед был реабилитирован 3 ноября 1958 года президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления. Только спустя много лет, в 2006 году, прабабушку, его дочь, реабилитировали как несовершеннолетнюю, оставшуюся без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам.

Еще одного моего предка по материнской линии, Шихова Хасана Абдельмукминовича, родного брата моей прапрабабушки, репрессировали по политическим мотивам. В Книге Памяти жертв политических репрессий мы нашли о нем следующие сведения: «Шихов Хасан-Абдул Муклинович. Родился в 1884 году. Уроженец и житель деревни Яланкуль Большереченского района Омской области. Татарин, колхозник. Арестован 2 ноября 1937 года. Приговорен 14 ноября 1937 года тройкой при УНКВД по Омской области за антисоветскую агитацию без ссылки на закон к высшей мере наказания. Расстрелян 16 ноября 1937 года в г. Омске. Реабилитирован 2 ноября 1962 года президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления».

Баширов Даниял,
ученик КОУ «Междуреченская СОШ» Тарского района

***

Нашей семьи репрессии также коснулись. Мой папа, Олег Тарасович, рассказывал, что его прадед Дмитрий Ковальковский, который жил в селе Застеночье Теребовлянского района Тернопольской области Украинской ССР, в 1929 г. был раскулачен. У него отобрали дом, а самого отправили в тюрьму, где он пробыл три месяца, а когда его выпустили, он вскоре умер. А ему было 70 лет. Все его сыновья были отправлены в лагеря, и не все потом вернулись назад.

Я живу в селе Азово, где таких людей очень много. Например, моя соседка Ибе Ольга Ивановна. Ее история похожа на историю всего немецкого народа. Ольга Ивановна родилась в деревне Энгельс Саратовской области. После раскулачивания ее семьи в 14 лет вместе со своими сестрами была отправлена в трудармию в село Безбожник Кустанайской области Казахской ССР. Затем находилась на спецпоселении. Уже после войны вернулась в свое родное село. Конечно, она неохотно вспоминает эти годы. Но говорит, что было не только плохое, но и хорошее. Люди, находясь в нечеловеческих условиях, тем не менее, оставались людьми.

Ковальковская Валентина,
студентка СибГУФК

***

Никифор Сидоров был арестован 12 июля 1942 г. Был приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 3 февраля 1943 г., обвинен по статье 58-10 ч. 2 УК РСФСР. В ходе расследования получил приговор: 5 лет ИТЛ. Погиб во время отбывания наказания в 1943 г. Реабилитирован 6 мая 1989 г. прокуратурой Омской обл. на основании Указа ПВС СССР.

Иван Евстафьевич Сидоров, его жена Екатерина Савельевна, сын Степан, сноха Мавра Захаровна, внуки Максим, Александра, Алексей, Николай, Виктор были представлены к выселению, а взрослые представители семьи лишены избирательных прав за эксплуатацию наемного труда и использование сложной молотилки. Павел Иванович Сидоров вместе с женой Татьяной Васильевной были лишены избирательных прав.

В 1950 г. прямо на глазах у семьи моего прадеда Николая арестовали по 58-й статье УК СССР. Причиной ареста послужил плен во время войны. В 1941 г. он был взят в плен, откуда удачно сбежал вместе с другом, потом был ранен и отправлен в госпиталь. Поправившись, прошел курсы минометчиков, стал командиром отдельной роты. В середине XX в. такой арест был обычным делом в нашей стране. Тысячи людей были расстреляны, тысячи были осуждены и отправлены в тюрьмы… Мой прадед был направлен в исправительно-трудовой лагерь. Все годы заключения он держал связь с женой и дочерью, которой в 1950 г. было всего 3 года. В нашем семейном архиве сохранены все документы, связанные с арестом, фотографии и открытки, письма. В 1955 г. Николай был оправдан и отправлен домой, где его ждала любимая семья.

В 1936 г. Алексей Алексеевич Тулинский был раскулачен и выслан в Томскую обл. на спецпоселение с женой Марией Никитичной и детьми Анной, Марией, Надеждой и Виктором.

Митрофан Емельянович Гордиенко был лишен избирательных прав за использование наемного труда и выслан в пос. Яглы Тарского района вместе с женой Мариной Тимофеевной, матерью Евдокией Григорьевной, детьми Анной, Агафьей, Иваном, Петром, Павлом и Марией. Леонтий Емельянович Гордиенко и его жена Ульяна Никаноровна были лишены избирательных прав, но в 1934 г. восстановлены.

Рева Инна,
ученица МКОУ «Шербакульская СОШ № 1» Шербакульского района

***

Передельский Прокопий Борисович во время коллективизации был арестован, как говорит моя бабушка, по доносу. Семья пыталась спрятать его и отправила к дальним родственникам жены, Матрены Петровны, в деревню Кабанье Крутинского района, где он и был арестован. Его сын Степан Прокопьевич в то время жил в своем отдельном доме и не был арестован, потому что по совету своей мамы, Матрены Петровны, и бабушки, Прасковьи Алексеевны, публично отказался от своего отца. Бабушка Рая, дочь Степана, рассказывала, что в доме не разрешалось произносить имя ее дедушки, Прокопия Борисовича, так как боялись ареста. Степану Прокопьевичу пришлось взять в дом свою маму Матрену Петровну, бабушку Прасковью Алексеевну и свою сестру Александру, так как они были выселены из своего дома, и дом был конфискован. Матрена Петровна умерла во время войны в 1943 году. Она так и не узнала, что ее муж был реабилитирован. У моей бабушки

Раи есть сестра Катя. В ее семье хранится вырезка из районной газеты Крутинского района восьмидесятых годов, что Передельский Прокопий Борисович реабилитирован посмертно. В нашей семье хранится только копия этой газетной вырезки.

Кундус Полина,
ученица МОКУ «Тюкалинский лицей»

***

В деревне Кольтюгино Тарского района Омской области в большой и дружной семье живет человек, о судьбе которого я хочу рассказать. Этот человек мой прадедушка Симан (Симон) Карл Гейнрихович.

16 лет я жил рядом с человеком и ничего о нем не знал. Оказалось, что вся семья Симан была подвергнута в первый же год войны депортации в Сибирь. Я попросил прадедушку рассказать мне о своей судьбе. Мне показалось, что ему не очень хотелось об этом вспоминать. А потом он сказал: «А что можно хорошего рассказать: страдания, страх, жертвы». В глазах его появилась слеза, и тень глубокой печали легла на лицо. Проглотив ком, который стоял в горле, он начал: «Не люблю я об этом рассказывать, и никогда не рассказывал». Но я не отступал. Моя настойчивость была оправдана. Прадед достал пожелтевшие бумаги и начал показывать их мне.

Свидетельство о рождении моего прадедушки написано на двух языках: русском и немецком. «Родился я 5 августа 1928 года в простой семье. Отец мой, урожденный Симан Гейнрих Гейнрихович, родился 3 октября 1890 года, впоследствии вынужден был изменить имя и отчество на Андрей Андреевич, работал ветеринарным врачом, мать, Симан Екатерина Карловна, урожденная Дамер, родилась 31 марта 1890 года, была домохозяйкой. Место рождения: селение Красный Яр Марксштадтского кантона АССР немцев Поволжья. Семья наша была большая - 12 детей. Я был одиннадцатым ребенком. Дом был большой, на двух хозяев. В хозяйстве была корова, бык, теленок, птица. Как и все дети тех лет, я был беззаботным ребенком: с утра бегал, играл. Жили мы дружно и счастливо, несмотря на небольшой достаток. Мама большую часть времени уделяла нашему воспитанию. Но в одночасье все переменилось…

Наступил 1941 год. Фашистская Германия напала на Советский Союз. И сразу же появился приказ о выселении немцев в Сибирь. Нам дали двадцать минут, чтобы взять с собой узелок с едой и вещами, после чего на тракторе в прицепе, в который по очереди сажали по тридцать человек, повезли на железнодорожные станции и загрузили в товарные вагоны. Все наше имущество: дом, скотина остались там. Брать с собой, кроме еды, ничего не разрешалось. Люди плакали и ничего не понимали, куда и зачем их везут.

У многих была истерика. На поезде до Омска ехали четырнадцать дней, после чего была пересадка на пароход до Тары».

В дороге пришлось маленькому Карлу почувствовать, что теперь он «враг народа». Хотя отношение людей было разным: одни жалели, понимая, что люди не виноваты, что родились немцами, другие откровенно ненавидели, были случаи, когда их даже обкидывали камнями. Ехали под бдительным присмотром конвоя: шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте. Не хватало еды, люди умирали от голода, тех, кто заболел, не лечили. Почти на каждой станции выносили «жмуриков» - так называли умерших. Но Карл чудом остался жив.

Так в одиннадцать лет Карл оказался в Сибири…

«По прибытию парохода нас, переселенцев, уже ждали представители колхозов. Наша

семья попала в деревню Бородихино Тарского района. Подселили нас в семью Хворова Александра Никитича».

Начинать с нуля было, конечно же, очень трудно, но уверенности и терпения придавали большая тяга к жизни и все та же большая семья, где каждый друг другу поможет и никогда не оставит в беде. Несмотря на то, что местные жители с опаской смотрели на «чужих», не доверяли, а порой и бросали в адрес нелестные выражения, семья Симан завоевывала свое место под солнцем. Особенно унизительным было, когда тебя называли «проклятым фашистом», «недобитой немчурой». Было страшно обидно и хотелось плакать. А иногда завязывались среди парней и драки по национальному признаку.

Спустя некоторое время отец, Гейнрих Гейнрихович, стал управляющим фермой, мать работала разнорабочей в колхозе.

«В 1942 году отца забрали в трудармию в город Кемерово на шахты добывать уголь. Вернулся он только в 1951 году. До его возвращения, мы не знали, жив ли он. Потом он нам рассказывал, что работали они по 12-14 часов в день. Жили в бараках или в старых угольных складах. Каждый день кто-нибудь умирал от голода или болезней.

Без отца стало труднее. В 12 лет я стал работать. Возил воду на ферму. Лошадей не было, мужиков тоже. Все возили на коровах и быках. А ночами копали себе огороды, косили сено. Нам разрешили держать одну корову. Сажали картошку, которая была единственной едой. А когда однажды не успели ее выкопать, так зимой приходилось выдалбливать из мерзлой земли.

Летом грибы, ягоды, дичь помогали выживать. В колхозе работали за трудодень и 200 граммов молотого овса».

Война лишила людей отдыха и возможности нормально питаться. Варили свеклу, лебеду, ели шемелу (растение), крапиву. Налоги были огромные. Спрос с сельскохозяйственного производства всегда был высок, а в военное время особенно. Колхозам предъявлялись высокие требования по объему производства продукции, необходимой фронту. Характер работ не отличался от работ, выполняемых в довоенный период. Отличие заключалось лишь в том, что вся их тяжесть легла на плечи стариков, женщин, детей, которые лишились детства и стали наравне со взрослыми производить все необходимое для победы.

«Каждая семья должна была сдать 300 литров молока, 300 яиц в год, даже если их не было. Не могли сдать натурой, платили деньгами. Денег тоже не было: продавали ягоды и платили».

В 1947 году Карл поступил в 25-е училище в городе Таре учиться на комбайнера. Училище находилось в пяти километрах от дома, поэтому приходилось ходить каждый день пешком. Позже Карл освоил навыки тракториста, кем и работал до самой пенсии. В этом же году Карл Симон женился на русской девушке, брак с которой зарегистрировать не разрешили. Отношения узаконили лишь в 1951 году, после рождения дочери.

Сейчас Карл Гейнрихович на заслуженном отдыхе. У него много наград и званий, но, наверное, самое высокое и почетное из них - это Человек, которого не сломили ни репрессии, ни другие тяготы жизни. У него большая семья, где его все любят и уважают. О судьбе других членов семьи он ничего не знает. Говорит, что есть родственники и в Германии.

Рожков Антон,
ученик КОУ «Кольтюгинская СОШ» Тарского района

***

Что касается политических репрессий, коснувшихся моей семьи, то в 30-е годы прошлого века в Астраханской области, где родился мой дед по маминой линии, была репрессирована его тетя, Елена Степановна Мещарикова. Ее осудили в 1938 году за то, что она отстаивала свои религиозные убеждения. Дело в том, что она была монахиней, а время это было такое, когда закрывали церкви и насаждали советскую идеологию о том, что бога нет, а есть только научный атеизм.

Так как она была глубоко верующим человеком, она не смогла со всем этим смириться. И решила проповедовать веру, за что и была осуждена на 10 лет лагерей. Не сумев выдержать суровых условий заключения, она умерла там.

К счастью, насколько мне удалось выяснить, больше репрессии моей семьи не коснулись.

Скоропацкая Валерия,
ученица МКОУ «Суховская СОШ» Горьковского района

***

Когда я просматривала в архиве материалы по теме репрессий в Омской области, меня заинтересовало одно заявление в районную комиссию по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при главе администрации Черлакского района Омской области. Оно было написано от Шантина Алексея Андреевича, проживающего по адресу: Томская область, Александровский район, село Александровское, улица Западная, дом 12.

Позволю себе привести текст заявления (пунктуация и орфография сохранены) от 2 мая 1998 года. «Наша семья Шантина Ивана Степановича, 1856 года рождения, проживавшего в с. Соляное Черлакского района Омской области в 1930-1931 годах была подвергнута репрессиям. Так 7 февраля 1930 года был арестован наш отец, Шантин Андрей Иванович, и особой тройкой при ПП ОГПУ по Сибкраю 8 апреля 1930 года по ст. 58-10, 73-1 УК РСФСР приговорен к 10 годам лишения свободы.

В мае месяце 1931 года наш дедушка Шантин Иван Степанович, его жена Феактиста Варлампьевна, наша мать Аграфена Дмитриевна и мы ее дети Григорий, Иван, Алексей, Мария и Парасковья из с. Соленого, Черлакского района, Омской области были вывезены на спецпоселение в северные районы Томской области. Там дедушка 14 сентября 1931 года умер. Его жену Феактисту Варлампьевну увезла к себе в Омскую область ее дочь, где она и умерла. Наша мать осталась с нами одна. В 1934 году из мест заключения был освобожден наш отец Андрей Иванович и направлен на соединение с семьей, находящейся на спецпоселении в п. Тополев Александровского района, Томской области». К заявлению прилагаются копии справок о реабилитации, о рождении, о смерти членов семьи.

Внук репрессированного, Алексей Андреевич Шантин, занялся сбором документов и запросом выписок и справок из государственного архива Омской области. Таким образом, им была получена архивная справка от 25.08.97 № Ш-1041. В личном деле Шантина И.С. есть карточка лишенного избирательных прав, в которой указаны следующие данные: количество едоков всего в семье – 9. Из них в возрасте с 18 лет – 4 человека. В графе «имущественное положение» через все пункты (т.е. «рогатый и рабочий скот, сложные с/х машины») проходит надпись «раскулачен». Причина лишения избирательных прав: «наем батрака». В графе «чем занимается в настоящее время» - запись «выслан». В справке, выданной Солянским с/советом 5 июня 1930 года, есть запись: «Шантин И.С. … имел все время ветряную мельницу, которую имеет и сейчас, но таковая сейчас не работает».

В выписке из посаженного списка за 1928-1929 годы кулака Шантина И.С., выданной Соляновским с/советом 5 июня 1930 года, дается краткая характеристика его хозяйства:

всего посева – 18,50 дес.
лошадей – 6 шт.
молодняк – 11 шт.
коров – 8 шт.
верблюд – 1 шт.
овец – 51 шт.

О высылке Ивана Шантина на спецпоселение свидетельствует Пугин Алексей Петрович в своем письме: «везли нас от Черлака по Иртышу на баржах, а затем по Оби до Васюгана, но что-то там не сложилось и нас повезли обратно, привезли в Александровское, высадили на берег ниже с. Александровского в районе озера Милин. Из Александровского стали развозить на жительство. Семья Шантина Ивана Степановича была вывезена за 30 км от Александровского к речке Старица, где и был образован поселок Тополевка. Иван Степанович был уже стар, заболел и в сентябре месяце 1931 года умер».

У Шантина Ивана Степановича (1856-1931) была большая семья. Его сын, Шантин Андрей Иванович (1880-1960), женился на Аграфене Дмитриевне (1885-1950). В их браке родились Алексей (1924), Мария (1927-1976), Прасковья (1929). Шантин Андрей Иванович – уроженец и житель с. Соляное Черлакского района Сибкрая. Русский, грамотный, крестьянин-единоличник. Арестован 7 февраля 1930 года. Приговорен 8 апреля 1930 года особой тройкой при ПП ОГПУ по Сибкраю по ст. 58-10, ст. 73-1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в концлагере с конфискацией имущества и высылкой семьи на север. Реабилитирован 13 мая 1989 года прокуратурой Омской области на основании указа ПВС СССР.

Шантина Аграфена Дмитриевна на основании Постановления СНК и ЦИК СССР от 1 февраля 1930 года была выслана по классовому признаку в административном порядке на спецпоселение в Томскую область в 1931 году. С учета спецпоселения была снята 15 марта 1950 года. Была реабилитирована на основании ст. 3 п. «В» Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». Согласно тому же Закону, в 1994 году была реабилитирована и их дочь, Прасковья Андреевна.

Реабилитация репрессированных крестьян началась в 1989 году, с того же времени начались и выплаты компенсаций за незаконно изъятое имущество. Таким образом, государство признало факт репрессий против крестьян в угоду политическим амбициям тогдашнего руководства страны.

Плоды насильственной коллективизации мы ощущаем и сегодня. Уничтожены крепкие крестьянские роды; согнанные со своей земли, земледельцы утратили связь с ней, превратились в исполнителей чужой воли. Деревня всегда была хранительницей народных традиций, православного миропонимания. Уничтожив ее лучших представителей, власть получила опустевшие деревни, циничное отношение к труду, бесчисленные продовольственные кризисы, случавшиеся в 30-е, 50-е, 60-е и последующие годы. Разгром колхозов в годы перестройки – еще одна горькая страница в истории российского земледелия. Выкорчевав мысль о самостоятельной работе на земле, трудно вернуть ее в сознание народа.

Колесник Валентина,
ученица МКОУ «Черлакская СОШ № 2» Черлакского района

X. Пермский молодежный «Мемориал»

«Молодёжный «Мемориал» — это пермская городская общественная благотворительная организация. Она создана Пермским отделением международного общества «Мемориал» и зарегистрирована 24 декабря 1998 года. Молодёжный «Мемориал» – это центр поддержки демократических молодёжных инициатив. Одним из направлений деятельности молодёжного Мемориала является привлечение молодёжи к созданию мемориального музея ГУЛАГа на базе бывшего лагеря для политзаключенных «Пермь-36». Молодёжный «Мемориал» ежегодно проводит летний лагерь для молодёжи, во время которого ребята воссоздают истории событий в годы репрессий. Такая форма работы, как ни что другое позволяет понять молодому поколению, почему это страшное время никогда не должно повториться!

Центр поддержки демократических молодёжных инициатив «Молодёжный «Мемориал» традиционно провёл летний лагерь для молодежи совместно с немецкой организацией Internationaler Bauorden («Строительный ордер»). Половину участников лагеря составили волонтёры из стран Европы: Польши, Германии, Литвы, Испании, Швеции; остальные участники представляли Россию, по большей части — город Пермь и Пермский край.

Далеко не всем известно, что в здании современного Театра кукол, что на ул. Сибирской, в 30-40 годы прошлого столетия действовала тюрьма НКВД № 2, в чьих тесных камерах, по рассказам очевидцев, в годы «большого террора» скапливались сотни людей.

Судьбы тысяч жителей края, так или иначе, связаны с этими стенами. Чтобы сохранить память о печальном прошлом, из года в год в Пермь приезжают волонтёры, чтобы помочь в строительстве просветительского центра «История тюрьмы НКВД № 2».

Основная работа волонтёров в этом году включала очистку стен от старой штукатурки, внутреннее устройство музея, создание во внешней стене специальной ниши для мультимедийного проектора, который станет важным визуальным дополнением к экскурсиям по тюрьме. На данном проекторе планируется показ фильмов по истории репрессий, фотографий, документов, а также оформление экспозиции силуэтов бывших узников тюрьмы, идущих по тёмным коридорам здания.

Помимо работы в музее, волонтёры успели приобщиться к волонтёрской социальной службе молодёжного «Мемориала». В течение трёх дней они помогали одиноким престарелым и больным людям, жертвам политических репрессий. Работа оказалась полезной не только для бабушек и дедушек, но и для самих ребят, ведь во время долгих бесед, чаепитий они узнали массу новой информации об истории сталинских репрессий, что называется, из первых рук.

Как вы понимаете, репрессированные сейчас - это люди, дожившие до пенсионного возраста, старенькие, часто одинокие, потерявшие своих близких в те страшные для всей страны годы Большого террора. Они нуждаются в элементарной бытовой помощи, но чаще всего им просто не хватает душевного общения. Вот наши волонтёры и помогают им в этом. Помогают в работе по дому, ходят за лекарствами, и, конечно же, разговаривают, слушают истории из жизни, рассказывают о себе, в общем, учатся находить контакт со старшим поколением, обогащаются духовно. Таким образом, социальная служба несет в себе двойной смысл, принося пользу как репрессированным, так и волонтёрам.

Конечно, это довольно сухие, общие слова. Но если спросить себя, что я вынесла из этого общения?

Во-первых, общение с людьми такого возраста само по себе непростое. Это совершенно другое поколение, со своими взглядами на жизнь, на общество и, может быть, это не совсем такое отношение к волонтерам, которое мы от них ждем. Оказывая помощь, зачастую мы ждем от них какой-то великой благодарности, понимания нас, наших целей и отношения к себе как к личности. Этого не случается. Отсюда первое бесценное осознание:

нужно учиться делать добрые дела просто так, не ради благодарности, а просто, чтобы в мире стало чуточку светлее.

Во-вторых, нам очень трудно находить общий язык с пожилыми людьми. Мы все время торопимся куда-то - они же стоят на месте; мы позитивны и открыты миру - они зачастую жалуются на что-то и капризничают; мы привыкли понимать все с первого раза - они все время переспрашивают и все забывают. Отсюда приходит новый опыт:

иногда нужно проявлять больше терпения и снисходительности к людям, ведь, возможно, дело не только в чужих слабостях, но и в наших недостатках.

Ну и третий, конечно же, не менее важный опыт: обмен опытом между поколениями. Сейчас очень часто связи между поколениями рушатся: старшее поколение чувствует себя одиноко, а младшему не хватает жизненного опыта. На своем примере: я ходила помогать одной бабушке по дому, и она мне дала несколько прекрасных практических советов по ведению хозяйства, которые я использую до сих пор.

Владыкина Кристина – Центр поддержки демократических молодежных инициатив «Молодежный Мемориал», г. Пермь

XI. Что я знаю о репрессиях?

***

Впервые о репрессиях я услышала в Ачаирском монастыре. Несколько раз летом мы с семьей выезжали в Ачаирский монастырь. Мне очень понравилось там бывать. Такое красивое, спокойное и величественное место. На экскурсии я узнал об истории захоронений на территории Ачаирского монастыря, не подозревая, насколько это место связанно с историей моей семьи.

С 1937 по 1953 годы на месте Ачаирского монастыря была расположена колония № 8 ГУЛАГа. Заключенные содержались вместе: правые и виноватые, политические и уголовные, старые и молодые, и даже дети. Заключенных не расстреливали, люди умирали от невыносимо тяжелых условий. Бараки были построены в одну доску, сквозь щели дул ветер, проникали дождь и снег. Такие строения не могли защитить от суровых сибирских зим. Теплой одежды не было, кормили плохо, люди погибали от холода и болезней. Хоронили их здесь же, за стенами лагеря. Умиравших хоронили в «братских захоронениях» без имен и внешних знаков. За время существования колонии погибло около 200 тыс. человек. На территории монастыря сохранились рвы, в которые сбрасывались тела умерших.

Колонию убрали сразу после смерти Сталина, при этом очень поспешно были уничтожены все документы, архивы лагеря, а здания взорвали.

Нынешние храмы монастыря стали памятником всем безвинно осужденным и замученным.

Рядом с источником находится холм с установленным на нем крестом в память о погибших, на месте монастыря заключенных.

Вот так я узнала, что такое репрессии. Это когда рядовых граждан без вины и следствия работники НКВД тысячами расстреливали и миллионами отправляли отбывать «наказание» в лагеря, незаслуженно назвав их «врагами народа».

Трубецкая Ассоль,
ученица БОУ СОШ № 60

***

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», - написал когда-то в своих стихах российский поэт Наум Коржавин. Тысячи репрессированных соотечественников даже в страшном сне не могли предположить, что ожидало их в те далекие 1930-1940-е годы.

Репрессии шли полным ходом по всей стране. Под ее жернова попадали порой безграмотные, не принадлежавшие ни к каким политическим партиям, многодетные, имеющие в описи имущества 2-3 лошади, 1-2 коровы, гусей, кур, молотилку или косилку, старательные люди.

Не обошла стороной волна репрессий и жителей Саратовской области, виновных в тот момент лишь в том, что они родились немцами. Много горя, незаживающих душевных ран и боли от несправедливости и унижений пережили поволжские немцы. По-разному сложились их судьбы.

В своей работе я хочу показать на примерах из жизни немцев-односельчан, которых судьба забросила в наш поселок, как происходила депортация поволжских немцев и какую роль она сыграла в судьбах тех, о ком я поведаю. Чтобы наше поколение никогда не забывало о том, что происходило в годы войны и знало, почему насильственное переселение, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, в корне изменило

положение российских немцев. О том, как была ликвидирована национальная автономия, как на долгие десятилетия немецкий народ лишился всех гражданских прав, и к чему привела депортация.

Немецкий народ не отделял себя от граждан советской страны. В первые дни войны от немцев-мужчин автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССРНП) поступило 2500 заявлений с просьбами направить их добровольцами на фронт, но военкоматы не брали их, мотивируя отказ тем, что для фронта необходимы военные специалисты. Немцы, находившиеся в момент начала войны в армии, сражались в действующих частях, но после принятия Указа о выселении немцев Поволжья были отозваны и отправлены на спецпоселение.

По переписи 1939 г. в СССР проживало 1427232 гражданина немецкой национальности. Больше всего немцев проживало на Украине - 392,7 тыс., в АССР немцев Поволжья - 366,7 тыс., в Казахстане - 92 тыс., человек. После эвакуации немцев из Крыма наступил черед поволжских немцев.

28 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской, Сталинградской областей в другие края и области». Этот документ дал обоснование решению советского руководства о депортации поволжских немцев, безосновательно и абсурдно утверждая, что «в районах Поволжья имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья, поэтому советское правительство «для предупреждения серьезных кровопролитий вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья» и переселяет его в «изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и других соседних областей».

Немцев обвинили в сотрудничестве с фашистской Германией. По этой причине российские немцы были тотально депортированы с ликвидацией их государственности в Поволжье. Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 6 сентября 1941 г. Республика немцев Поволжья была ликвидирована.

День 28 августа российские немцы отмечают как День памяти, День скорби.

Депортации в указанные районы, кроме поволжских немцев, были подвергнуты со всей территории СССР все лица немецкой национальности: всего с августа 1941 по 1942 год было депортировано 1210 тысяч человек.

К местам поселения депортируемых отправляли в эшелонах по железной дороге, либо водным транспортом. В пути следования их сопровождали сотрудники НКВД, красноармейцы. В каждом вагоне, оборудованном для перевозки людей, планировалось разместить по 40 человек. В пути следования немцы должны были получать бесплатно два раза в сутки горячую пищу и 500 граммов хлеба на человека. ГКО учитывал, казалось бы, и количество вагонов, и питание, и медицинское обслуживание в пути следования. Но, несмотря на достаточно подробные инструкции, в реальной жизни выполнить их было трудно, а зачастую и невозможно, так как вглубь страны в условиях военного времени шла эвакуация миллионов людей, сотен заводов и предприятий.

Основная масса российских немцев прибыла на территорию Западной Сибири в период с сентября 1941 по январь 1942 г.

В районах расселения немцы поначалу воспринимались как эвакуированные, но позднее на места были даны указания: «...немцев-переселенцев к эвакуированному населению не причислять». Как и большинство депортированных, немцы были отнесены к категории спецпереселенцев.

Трудно шел процесс адаптации депортированных в 1940-е гг. в Сибири. На прежних местах жительства у российских немцев существовали иные методы ведения хозяйства,

свои экономические традиции. В результате насильственной миграции прежняя структура социальной, экономической, культурной организации мест компактного проживания немцев была разрушена.

Описывая процесс депортации, нельзя не сказать об отношении самих немцев к факту переселения. Настроение депортированных в Сибири было неоднозначным. Многие наивно верили, что после войны смогут вернуться на прежнее место жительства, что переселение - не больше, чем эвакуация. Поэтому зачастую не желали обзаводиться хозяйством в Сибири. Конечно, немцы выражали недовольство бытовой неустроенностью, но это все же не было определяющим в настроениях депортированных. Определяющим было то, что тяжелое материальное положение усугублялось дискриминационным ограничением в правах, моральным угнетением. Власти ничего не предпринимали для того, чтобы объяснить, что советские немцы не несут ответственности за действия гитлеровцев. Это усиливало неприязнь к переселенцам части коренных жителей.

Десятки семей осели и на территории нашего поселения, в селах Атак и Междуречье. Много горя, незаживающих душевных ран и боли от несправедливости и унижений пережили они. По-разному сложились их судьбы.

Сегодня только скупые строки из архивных документов могут поведать нам о том, что пришлось пережить так называемым «спецпереселенцам», да и их детям, которые следовали со своими родителями в незнакомые края.

Таких семей, которые были насильно переселены к нам, осталось немного. Но их дети, родившиеся в начале тридцатых, еще помнят длинные обозы, боль и слезы, застывшие в глазах родителей; спецкомендатуры, где нужно было постоянно отмечаться, и жесткий режим существования.

Тимомеева Зухра,
ученица КОУ «Междуреченская СОШ» Тарского района

***

В последнее время по радио, телевидению, в средствах массовой информации мы часто слышим слова – репрессии, раскулачивание, депортация, ГУЛАГ. Репрессии проводились в виде исключения из партии, отстранения от должности, высылки, лишения свободы и применения высшей меры наказания - расстрела. А как проходила коллективизация? Так называемый процесс раскулачивания? Кулаки. Кто они? Многие отвечают на этот вопрос так: «Кулаки - это, наверное, те люди, которые наживались чужим трудом, а сами не работали». Но я не согласна с таким определением. Многие жили средне: имели корову, лошадь, свинью, овец, коз, птицу держали, но все наживали своим трудом. Можно сказать, «своим потом и кровью». А раскулачивали именно их. Страшно читать строки, где говорится, что нужно было выполнять план по раскулачиванию. А если не хватало так называемых «кулаков», то раскулачивали и бедняков. Все происходило по одному сценарию. Единственное, на мой взгляд, это различие в человеческих качествах раскулачивающих, поэтому в одних местах раскулачивание происходило мягче, в других наглее и жестче, но везде под контролем НКВД.

К 1940 г. в лагерях НКВД находилось около 1,5 миллиона осужденных, из них треть за контрреволюционную деятельность. При этом репрессиям подверглись не только гражданские, но и военные лица. Всего с 1921 по 1953 гг. были осуждены за контрреволюционную деятельность и за измену Родине 3.777.380 человек, из которых к смертной казни было приговорено более 600 тыс. человек.

Поэтому, опираясь на эти цифры, можно уверенно сказать, что применяемые репрессии оказали огромное влияние не только на судьбу России, но и на судьбу миллионов простых советских граждан - расстрелянных, осиротевших, овдовевших, вырванных из привычного круга жизни, лишенных отчего дома.

Репрессии. Эти слова мы также слышим и на уроках истории. Когда читаешь учебник, не ощущаешь той боли, того ужаса, который слышишь из уст переживших чудовищную несправедливость по отношению к себе, своим детям, близким и родным.

Эта тема прошлого столетия вызывает большие споры не только в среде ученых, но и среди простых граждан страны, чьи судьбы, так или иначе оказались в зависимости от этих процессов. Некоторые люди считают, что не надо ворошить прошлое, что надо думать только о будущем. Я не согласна с такой позицией. Мы должны знать правду о том, что происходило в годы репрессий. Будущее без прошлого невозможно! Знать историю необходимо для того, чтобы восстановить «связь времен» и попытаться не просто разобраться в сегодняшних проблемах, а попытаться объективно оценить те события, которые стали частью нашей Великой истории.

В каждой семье есть что-то, что передается из в поколение в поколение. На память остаются многие вещи. Многочисленны письма и документы, где часто мелькают слова «трудовая армия» и «репрессия».

Об этнических депортациях, которым в середине прошлого века были подвергнуты полтора десятка народов СССР, жители современной России знают крайне мало. Главная причина этого в том, что рассказывать о выселении «осужденных» народов публично, в устной или письменной форме, долгое время было небезопасно.

В период «оттепели» любые суждения о депортации были возможны только в границах дозволенного, и то впоследствии эта тема была сведена к формуле «ошибки в национальной политике». В процессе освоения «депортационной травмы» ключевым признаком является принадлежность к поколению: первое имело личный сибирский опыт, второе – было детьми спецпереселенцев, третье составили внуки ссыльных.

Зубкова Юлия,
ученица МКОУ «Приваленская ОШ»
Азовского немецкого национального района

***

Однажды в школе к уроку истории, посвященному дню памяти жертв политических репрессий, нас попросили узнать о возможно знакомых людях, кого коснулась эта трагическая история. Меня заинтересовала эта тема, и я решил узнать об этом поподробнее. С этой целью я обратился на сайт общества «Мемориал», которое в 1998 г. приступило к созданию единой базы данных о жертвах политических процессов. Информация с этого сайта, дополненная информацией из ряда других источников, а, в частности, из воспоминаний моего прадедушки, составляет основное содержание работы.

Изучая материалы сайта, я узнал, что «…первая массовая категория - люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ - КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке.

По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 гг. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллиона человек.

Мне удалось выяснить, что наибольшее количество пострадавших людей этой категории относится на период 1930-1953 гг. Это объясняется не только тем, что в данный период осуществлялись наиболее массовые репрессивные операции, но и тем, что процесс реабилитации, начатый в хрущевскую эпоху и возобновившийся во время перестройки, в первую очередь коснулся жертв именно сталинского террора, и прежде всего - жертв террора 1937-1938 гг. О репрессиях более раннего периода 1917-1918 года известно очень мало. Репрессии советской власти, относящиеся к 1917-1918 гг. и эпохе гражданской войны, документированы настолько фрагментарно и разноречиво, что их масштабы пока не установлены. Да и вряд ли вообще могут быть сделаны корректные оценки статистики «красного террора»: в этот период нередко имели место массовые бессудные расправы с «классовыми врагами», что, естественно, никак не фиксировалось в документах. Цифры, называемые в литературе, колеблются от 50-100 тысяч до более миллиона человек.

Другая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса».

Всего за 1930-1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Меньшая часть из них были арестованы и приговорены к расстрелу или к заключению в лагерь. 1,8 миллиона стали «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей. Кроме того, множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 миллионов человек.

Третья массовая категория жертв политических репрессий - народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941-1945 гг. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 миллиона человек.

По мере приближения немецких войск активизировались национальные движения в России. Началось создание вооруженных отрядов для борьбы с Красной армией. В связи с этим советское руководство еще более ужесточило национальную политику. Любое проявление национальной специфики, а тем более вооруженного противодействия, считалось предательством. Нередко в предательстве обвинялись не только те, кто сотрудничал с немцами, а все представители немецкого народа, проживающие в СССР. Причем, внесудебным репрессиям после начала войны и в ее ходе, а также после ее окончания подвергались граждане, связанные по национальному признаку с противником. Летом 1941 года «диверсантами и шпионами» было объявлено все немецкое население СССР, подлежащие выселению в Сибирь, Казахстан. АССР немцев Поволжья была полностью ликвидирована. Депортации подверглись почти 1,5 млн. человек немецкого происхождения. Депортации подверглись литовцы, латыши, эстонцы, народы Кавказа. Вот откуда у нас в Сибири появилась немецкая деревня Литковка, латышские Мартюши, литовская Бобровка. Всего было депортировано в Сибирь более 50 тыс. литовцев, латышей, эстонцев, 70 тыс. карачаевцев, 93 тыс. калмыков, 40 тыс. балкарцев, 15 тыс. балкарцев были сосланы в Казахстан прямо с фронта, 650 тыс. чеченцев и ингушей, 180 тыс. крымских татар и многие другие национальности. Эти народы понесли огромные жертвы в пути от голода, холода и болезней.

Рожков Антон,
ученик КОУ «Кольтюгинская СОШ» Тарского района

***

Мне кажется, что начало репрессий было положено в 1905 году, в ходе первой русской революции. А революции, как правило, не возникают на пустом месте, для них нужны причины, а раз революция случилась, значит, такие причины были. Требовалось решение аграрного вопроса, ведь крестьянство было подавляющим большинством населения России, улучшение условий труда рабочих на заводах, фабриках, требовались глубокие реформы во всех сферах Российской Империи.

Но революция была подавлена и задушена, а проблемы не решены, они остались. Пламя революции было затушено, но искры тлели и ждали своего часа. И час пришел в 17-м году. Кучке удачливых авантюристов во главе с Лениным удалось взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата.

Как только отгремели залпы крейсера «Авроры» и пальба при скоротечном штурме, красногвардейцам Зимнего дворца возвестили о падении недолгого режима Временного правительства. Получившая власть партия большевиков немедленно задумалась о создании собственного аппарата государственной безопасности.

С 1 декабря 1917 года постановление ВЦИК фактически упразднило ВРК, предложив одновременно Ф.Э. Дзержинскому создать отдельную службу госбезопасности в советской России. В результате появилось постановление Совета народных комиссаров о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Это постановление Совнаркома о создании первой спецслужбы советской власти датировано 7 декабря 1917 года, или по новому стилю 20 декабря.

Уже в начале 1918 года внутри ЧК появились отделы борьбы с контрреволюцией, борьбы со шпионажем (политическая контрразведка), политического следствия, борьбы с бандитизмом, борьбы с саботажем и со спекуляцией, охраны границ советской России.

На ведущие позиции уже тогда выдвинулся особый отдел, занимавшийся впрямую подавлением оппозиции власти и организацией «красного террора».

Говоря о «красном терроре» и участии в нем органов ЧК, часто имеют в виду официально объявленную Лениным компанию, когда начиная с сентября 1918 года в ответ на так называемый «белый террор» начали массово уничтожать политических противников и расстреливать по спискам заложников из тех лиц, кому новая советская власть не доверяла.

Затем этот официально санкционированный властью «красный террор» разгулялся на фронтах и тылах кровопролитной гражданской войны. Официально эта компания закончилась где-то 1921 году с окончанием гражданской войны. Если же говорить о «красном терроре» ЧК без кавычек, то на самом деле он начался еще до ленинского указа и не закончился, когда смолкли окончательно залпы гражданской войны, а лишь перешел в другие формы.

Полная разруха и уничтожение экономики требовали от молодого государства новых решений. И это решение было найдено.

На 10 съезде партии в 1921 году был установлен НЭП. НЭП - новая экономическая политика. Ленин понял, что если оставить политику военного коммунизма, то страну не успокоить, и поэтому предложил заменить ее НЭПом. Он существовал с 1921 года по 1929 год. Задача НЭПа была восстановить в ограниченных рамках рыночную экономику, при руководящей роли в народном хозяйстве партийно-государственного аппарата. Суть его: продразверстку заменили продналогом (он был в два раза меньше и объявлялся заранее). Разрешили торговлю. Отменили декрет о национализации мелкой, кустарной промышленности. В городах частным лицам разрешалось открывать или брать в аренду мелкие и средние предприятия. Разрешили наемный труд. Вводили рыночные отношения (купля-продажа), упразднили уравнительную оплату труда, вместо нее вводилась зарплата,

зависящая от квалификации рабочего и от количества произведенной продукции. Была отменена карточная система в 1922 году.

Наиболее колоритной фигурой того времени была новая советская буржуазия – «нэпманы», «совбуры». Эти люди в значительной степени определили лицо своей эпохи, но они находились как бы за пределами советского общества: были лишены избирательных прав, не могли быть членами профсоюза. Советская власть нуждалась в них, в то же время постоянно подчеркивала их классовую ущербность, демонстрировала по отношению к ним идеологическую брезгливость, недвусмысленно давая понять, что хотя «НЭП – это всерьез и надолго», но не насовсем и что их неминуемо ждет суровая расплата уже за то, что они своим присутствием отравляют атмосферу великого дела построения коммунизма.

Главным предметом споров был вопрос: для получения средств, необходимых для развития промышленности, в условиях, когда сельское хозяйство почти целиком находится в руках частных собственников и нет никакой перспективы получить иностранные кредиты.

В шумном хоре различных мнений постепенно определились две противоположные точки зрения. Первая была наиболее отчетливо сформулирована Е.А. Преображенским, крупным финансовым руководителем страны. Он заявил, что октябрьская революция произошла в стране, в которой не было создано необходимой промышленной базы для претворения в жизнь социальных программ коммунизма. Социалистическую индустрию в нашей стране можно создать только за счет эксплуатации «внутренней колонии» - крестьянства.

Вторую точку зрения отстаивал Н.И. Бухарин, главный редактор «Правды». Он считал, что война с крестьянством чревата для советского государства пагубными последствиями, как экономическими, так и политическими, поэтому развитие экономики страны необходимо базировать на союзе с крестьянством, обеспечивая крестьянам возможность повышения производительности труда, организуя кооперативы, поддерживая формы рыночного обмена. В 1925 году Н.И. Бухарин произнес свои знаменитые слова, обращенные к крестьянам: « Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут… », но он тогда еще не знал, что через некоторое время советское правительство отменит НЭП и «отменит» самого Бухарина. Они свою роль сыграли и свою историческую миссию выполнили, теперь они были не нужны. Теперь уже можно было закручивать гайки и раскручивать маховик репрессий.

Диктатура была установлена, а значит должен появиться и диктатор. Вот им и стал Сталин, который пришел к власти в 1924 году после смерти Ленина. Сталин - главный идеолог и организатор нового советского государства, а соответственно и репрессий, последовавших в ходе развития и становления этого государства.

Диктаторы не любят свободомыслящих людей, людей, имеющих свое мнение, способных отстаивать его! Диктатуре нужны послушные люди, которым говорят, что такое плохо, а что хорошо, как себя вести, как одеваться, что читать, что петь и т. д.

Как это сделать? Как заставить почувствовать, что ты винтик в большой машине? Ты делаешь и должен делать только то, что тебе положено, не надо думать, за тебя подумает партия и товарищ Сталин. Ты винтик, ты деталь большого механизма. Все! Так как же это сделать? Да просто. Страх! Посеять страх! Вот она движущая сила диктатуры. И начались репрессии. Ночные аресты, а арестовать могли любого, будь ты сантехник или маргинал, неприкасаемых нет. Живи и бойся! Достаточно доноса соседа - и вот ты перед следователем НКВД, и вот ты стал английским шпионом, или японским. Неважно кем, важно, что теперь ты должен позвать участников твоей организации. Не хочешь? А мы тебя заставим! Не знаешь? А мы тебе подскажем! Живи и бойся! Вот так!

И закрутилась машина репрессий: дела врачей, военных и т.д.

Один из громких процессов - заговор Тухачевского.

11 июня 1937 года был осужден и приговорен к расстрелу маршал Советского Союза Тухачевский. Его обвинили в военном заговоре и в работе на одну из иностранных разведок. Вместе с ним была осуждена группа высокопоставленных военных. Таким образом, незадолго до войны была обезглавлена верхушка Красной армии.

Что это было? Недальновидность руководства страны? Происки врагов? Или же заговор был на самом деле?

Дело в том, что Тухачевский был царским офицером и во время Первой мировой войны попал в немецкий плен, где содержался в достаточно комфортных условиях, что и стало одним из факторов подозрений его сотрудничества с немецкой разведкой. Я не знаю, что из всего этого правда, хотел ли Тухачевский с помощью заговора уничтожить Сталина и взять власть в свои руки, или же это хитрая дезинформация немецкой разведки, тем самым подставившая хорошего военного специалиста?

Любая из этих версий имеет право на жизнь, но в любом случае это дело стало поводом для массовых репрессий в вооруженных силах страны. Это стало еще одним звеном в маховике репрессий, прокатившихся по стране.

Заговор Тухачевского стал еще одним показательным процессом того времени, который внушал людям мысль о том, что враги могут находиться даже в верхних эшелонах власти, среди военных, врачей, учителей и т. д. Враги могут находиться повсюду - это нагнетало атмосферу общей подозрительности и страха, а, с другой стороны, сплачивало нацию в порыве борьбы с врагами, внешними и внутренними. Тем самым как бы говорилось, «советский народ во главе с партией и товарищем Сталиным, не смотря ни на что, придет к победе коммунизма».

Не обошли репрессии стороной и крестьянство. Началась массовая коллективизация.

Как свидетельствуют ныне доступные архивы, насильственная коллективизация стала настоящей войной, объявленной советским государством классу мелких хозяйчиков. Вот несколько цифр, показывающих масштаб человеческой трагедии, которой стало это «великое наступление» против крестьянства: более 2 миллионов крестьян были высланы, из них 1 800 000 только в 1930-1931 годах, 6 миллионов умерло от голода, сотни тысяч - в ссылке.

Эта война далеко не закончилась в 1929-1930 годах, она длилась по крайней мере до середины 30-х годов, достигнув кульминации в 1932-1933 годах, отмеченных ужасающим голодом, спровоцированным властями, чтобы сломить сопротивление крестьянства. Учиненное над крестьянством насилие позволило начать эксперимент, проведенный впоследствии и над другими группами населения, и в этом смысле оно действительно сыграло решающую роль в развитии сталинского террора.

27 ноября 1929 года Сталин объявил переход от «ограничения эксплуататорских тенденций кулаков» к «полной ликвидации кулачества как класса». На специальную комиссию политбюро под председательством Молотова было возложено проведение практических мер по этой «ликвидации». Комиссия определила три категории кулаков: первые - это «те, кто принимал участие в контрреволюционной деятельности», они должны быть арестованы в случае оказания сопротивления, семьи их должны быть высланы, а имущество конфисковано. Кулаки второй категории, «не проявившие себя как контрреволюционеры, но все-таки являющиеся «сверхэксплуататорами, склонными помогать контрреволюции», должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдаленные регионы страны. Наконец, кулаки третьей категории, определенные как «в принципе лояльные к режиму», должны быть выселены с прежних мест обитания и устроены на жительство «вне зон коллективных хозяйств, на худородных землях, требующих возделывания». Настоящий декрет уточнял, что число кулацких хозяйств,

подлежащих ликвидации в течение четырех месяцев, находится между 3% и 5% от общего «числа хозяйств», - таковы, во всяком случае, были цифры, объявленные в период проведения операций по раскулачиванию.

В колесо репрессий так же угодила и церковь.

Вместе с тем, полной ликвидации организованной религиозной жизни и официального запрета религии в СССР никогда не было. Атеизм, как отрицающее религию мировоззрение, не будучи формально провозглашенным в СССР элементом государственной идеологии, активно поддерживался партийными и государственными органами до 1988 года. Помимо пропаганды атеизма, государственными органами в 1920-1930-е годы осуществлялись массовые аресты и преследования духовенства и религиозных проповедников. И стали рушить церкви, сбрасывать купола, жечь иконы, устраивать в храмах божьих тюрьмы и т. д. Тем самым, как бы показывая: «а где он, ваш Бог?» А есть новая власть, и у нее своя религия – это атеизм. Вплоть до 1939 года политика ликвидации организованной религиозной жизни проводилась в административном порядке органами государственной власти, в частности, НКВД, впоследствии религиозная политика становится более дифференцированной.

И в послесталинские времена репрессии продолжались. И при Хрущеве, и при Брежневе, вплоть до распада советской империи. Столь массовый характер репрессии не носили. Основным инструментом борьбы с диссидентами и инакомыслящими были высылка из страны и помещение в психбольницы.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и связанные с ним массовые репрессии, у руководства СССР возникла необходимость в обуздании все большего числа лиц, выступавших открыто против различного рода злоупотреблений власти, отсутствии в стране демократических институтов. Многих из таких «инакомыслящих» нельзя было допускать в судебные заседания по различным причинам, в том числе и в связи с отсутствием в подобной критике состава преступления, а также очевидностью их высказываний. Но поскольку «железный занавес» был приоткрыт и это постоянно подпитывало доморощенную волну антисоветских высказываний и выступлений, появилась новая потребность в психиатрической «тихой» внесудебной расправе с такого рода «критиканами», тем более что Н.С. Хрущев говорил о том, что только душевнобольные могут быть не согласны с властью.

Скоропацкая Валерия,
ученица МКОУ «Суховская СОШ» Горьковского района

***

Отношения советской власти с деревней всегда были непростыми. Декрет о земле 1917-го года был горячо одобрен крестьянством, а уже в 1920-1921 годах по всей России, и особенно у нас в Западной Сибири, прошли мощнейшие выступления крестьян против большевиков. Напуганная ими власть сменила политику насильственных методов отношений с деревней на нормальные экономические. Еще Ленин предостерегал: или 10-12 лет правильных отношений с крестьянством, или 20-40 лет террора. Сегодня мы знаем, что выбран был второй путь, и его последствия мы ощущаем и сегодня.

Будущее советской власти напрямую зависело от отношений с крестьянством. С одной стороны, деревня становилась на ноги, получала кредиты и приобретала - на паях - технику и сложный сельхозинвентарь, с другой стороны, не спешила за бесценок продавать выращенный хлеб. Анализ материалов, хранящихся в омском архиве, убеждает:

хлебозаготовки были постоянной головной болью партийных органов. Протоколы пленумов, собраний, заседаний, отчеты и инструкции - бесчисленные свидетельства того, как непросто давалось выполнение планов хлебозаготовок во второй половине 20-х годов прошлого века. В 1928 году, когда разразился самый острый за всю историю нэпа кризис хлебозаготовок, давление на крестьянина усилилось. Начались показательные суды над теми, кто не выполнял план хлебосдачи, укрывал «объекты обложения»: засеянные поля, скот – от непосильного налога, шли повальные обыски, нередко под видом поиска самогона. Было запрещено провозить хлеб по железной дороге даже в виде сушек! И все-таки план хлебозаготовок шел туго.

Сталин сам отправился в Сибирь, 26 января 1928 года он прибыл в Омск, где поздно вечером прошло заседание по вопросу о ходе хлебозаготовок. Визит был очень недолгим, но весьма действенным. В последующие три месяца в Сибири были осуждены около 1 600 крестьян. Эту цифру приводит в одной из своих работ профессор В.М. Самосудов. Райкомам поступает директива: провести показательные суды по 107-й статье. 11 марта 1928 года снят с работы окружной прокурор Филатов, так как мало было осужденных. Началось массовое лишение избирательных прав «кулаков» - вид репрессии, предшествующий раскулачиванию и ссылке. С «кулаками», наконец, власти определились. К ним стали относить тех, кто:

- применял систематически наемный труд;
- имел (пусть даже часть) мельницу, маслобойню, кузницу, крупорушку, сепаратор;
- сдавал в наем сложный сельхозинвентарь;
- сдавал в наем помещение;
- занимался торговлей.

В конце января 1930 года под грифом «совершенно секретно» вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этот документ не оставлял никакой надежды крестьянам, желающим самостоятельно вести свое хозяйство: «предложить ОГПУ репрессивные меры в отношении первой и второй категорий кулаков провести в течение ближайших четырех месяцев (февраль-май), исходя из приблизительного расчета: направить в концлагеря 60 тыс. и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 тыс. кулаков…». Заметим, речь идет не о преступниках, а о мирных и законопослушных крестьянах, которые хотели одного: работать на своей земле, жить в домах, построенных своими руками, растить детей. Тогда же были определены квоты по областям. В Сибири предстояло заключить в концлагеря до 6 тысяч человек, выслать - до 25 тысяч.

Колесник Валентина,
ученица МКОУ «Черлакская СОШ № 2» Черлакского района

XII. 1937 год и современность

Тезисы Международного Мемориала

Семьдесят пять лет назад, по решению высших партийных органов, в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большим Террором»; в народе же ее называют просто - «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда - и до, и после 1937 года - сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что Большому Террору были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал - и продолжает оказывать - на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой - это гигантский масштаб репрессий, охвативший все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937-1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально-вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Это невероятная жестокость приговоров: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это беспрецедентная плановость террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежавшие «чистке», а также «лимиты» - плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников Большой Террор выглядел гигантской лотереей. Почти мистическая непостижимость происходящего наводила особенный ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули, в частности, представителей новых советских элит: политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что Большой Террор будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими.

Тридцать Седьмой - это неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений. В 1937-1938 гг. вероятность ареста определялась, главным образом, принадлежностью к какой-либо категории населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или связями - служебными, родственными, дружескими - с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной «вины» было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиях» и т.п.

Тридцать Седьмой - это возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное «признание своей вины» самим подследственным. Стремление добиться такого признания в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений привели к массовому применению пыток; летом 1937-го пытки были официально санкционированы и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой - это чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства. Это тайна, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя официальная ложь о судьбах расстрелянных: сначала - о мифических «лагерях без права переписки», затем - о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой - это круговая порука, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен - от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура «ЧСИР» - «член семьи изменника Родины», которая сама по себе явилась приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной Коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» - людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой - это фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества - двоемыслие, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

***

И сейчас, семьдесят пять лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, возникших на развалинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы 1937-1938 гг., так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти - это непреодолимый опыт Большого Террора.

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, - это очевидное наследие Большого Террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, - это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период Большого Террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, не прекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль, - это тоже итог Большого Террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 все коллективные формы общественной жизни в СССР - культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, были уже ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции «враждебного окружения» - идеологической базы и пропагандистского обеспечения Большого Террора, подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте, - все это свидетельства непреодолимого наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают национализм и ксенофобия, несомненно, унаследована нами, в том числе и от «национальных спецопераций» 1937-1938 гг., и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от «борьбы с космополитизмом», «дела врачей» и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инакости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи - это во многом результат Большого Террора.

Безудержный цинизм - оборотная сторона двоемыслия, волчья лагерная мораль («умри ты сегодня, а я завтра»), утрата традиционных семейных ценностей - и этими нашими бедами мы в большой мере обязаны школе Большого Террора, школе ГУЛАГа.

Катастрофическая разобщенность людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности - все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат Большого Террора, целью которого ведь и было раздробление общества на атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

***

Разумеется, сегодня наследие Большого Террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты - мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу - то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние два десятилетия показали, что необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций. Террористической политике тогдашних руководителей страны и, прежде всего, генерального идеолога и верховного организатора террора - Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призрак сталинизма - периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган - указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне.

К сожалению, пока что налицо противоположная тенденция: в 2005 году Государственная Дума Российской Федерации исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в российском законодательстве упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага - она очевидна. Необходимо просто вернуть слова о моральном ущербе в текст Закона.

Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков - выжившим узникам ГУЛАГа и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора - это важный, но недостаточный шаг.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в СССР. Для этого нужно, прежде всего, снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.

Необходимо сделать современное историческое знание об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, школьные и вузовские учебники истории, в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому Террору, было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна

стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительные и культурные программы, посвященные этой теме, на государственных каналах телевидения, необходима государственная поддержка издательским проектам по выпуску научной, просветительской, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать общенациональный Музей истории государственного террора, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии - Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Москве общенациональный памятник погибшим, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 50 лет; пора и выполнить обещание. Но этого мало: надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах дело увековечения памяти жертв до сих пор не двинулось дальше закладных камней, установленных 15-18 лет назад.

В стране должны появиться памятные знаки и мемориальные доски, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и ГУЛАГа и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей - организаторов и активных участников террора. Топонимика не может больше оставаться зоной увековечения памяти преступников.

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации Книг памяти жертв политических репрессий. Сейчас такие Книги памяти выпущены только в части регионов России. По приблизительным подсчетам, совокупный список имен, перечисленных в этих книгах, охватывает на сегодняшний день не более 20% от общего числа людей, подвергшихся политическим репрессиям.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора. Это проблема не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР - многие сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Сказанное выше относится, в первую очередь, к России - правопреемнице СССР, самой большой из бывших советских республик, стране, в столице которой располагался центр разработки и запуска террористических кампаний, управления механизмами террора, на территории которой находилась основная часть империи ГУЛАГа.

Однако, очень многое из того, что должно быть сделано, должно делаться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего - совместными усилиями наших стран. История террора понимается и трактуется в сегодняшних постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог

национальных памятей - важная и необходимая часть осмысления исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытки снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на «другого». К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая комплексная программа, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, международной и межгосударственной. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого - может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре - это общая память наших народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас - еще и потому, что это ведь не только память о преступлениях, но и память о совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

***

Конечно, память о прошлом формируется не указами и постановлениями правительств. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении Большого Террора и, шире, всего опыта советской истории, нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждается все страны и народы, все человечество, ибо события Большого Террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой - такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о Большом Терроре должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь - в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить, в первую очередь, о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: без принятия на себя этого, в самом деле - тяжелейшего, груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории «Мемориал» призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально вглядеться в прошлое и постараться понять его уроки.

XIII. Чтобы этого не повторилось

***

Современная образованная молодежь прямолинейна и тоньше чувствует обстановку в стране. Нам необходимо извлечь уроки из тех событий, которые произошли в стране в сталинский период, чтобы не повторить ошибки прошлого нужно помнить слова восточного мудреца: «Плох тот правитель, который не думает о своём народе». Я считаю, что должна быть демократия - строй, при котором власть была бы в руках народа. Она должна включать социальную политику на благо народа: бесплатное обучение, медицину, рабочие места, жилье и т.д. Нам необходимо повышать культурный уровень общества, необходимо закладывать основы национального богатства (дороги, мосты, упразднение внутренних границ - для развития торговли и образования внутреннего рынка). Также молодежи нужно активно участвовать в политической жизни страны (выборы).

Ищенко Екатерина,
студентка ОмЮА

***

Я думаю, если взглянуть на эту проблему через призму государственного управления, то, прежде всего, управление нашей страной должно стать более эффективным. В чем это заключается? Это заключается в том, что государство должно уметь решать те проблемы, которые стоят перед ним, обществом и страной в целом. Государство должно принимать и немедленно отвечать на глобальные вызовы современности. В конце концов, государство должно быть полезным! Но управленческие структуры не чтят нормы закона, не слышат и не хотят слышать население, злоупотребляют властью и забывают о своем прямом назначении, и соответственно вырабатывается вполне естественная реакция общества на эти действия. Это реакция ненависти. Далее, как правило, происходят революции, и к власти приходят радикальные режимы. Государство по своей природе не существует обособлено от общества, не живет отдельной жизнью, а наоборот, едино с ним, потому что именно общество и конкретно каждый отдельный человек выбирает тех людей, которые будут им управлять. Государство - это общественный продукт. Отсюда несложный вывод: общество заслуживает той власти, которую имеет. Для того, чтобы мы имели ту власть, которая нас устраивает, к которой бы мы прислушивались, уважали и знали, нужно научиться уважать себя, общество и государство, в котором мы живем. Научиться уважать закон. Уважать - значит соблюдать. Ведь только при четком выполнении предписаний нормативно-правового акта можно судить о личности, о государстве, и о тех людях, которые в нем живут и управляют. В свою очередь, уважение вырабатывается через любовь к родине. Нужно быть патриотами своей страны, чтить память о национальных трагедиях так же, как и память о победах. Необходимо изучать прошлое, преодолевать равнодушие и стремление забыть трагические стороны истории. Счастлив тот народ, где государство и гражданское общество развивается в сотрудничестве, где их устремления совпадают!

Киселёв Игорь, Абрамян Гина,
студенты ОмЮА

***

Может ли что-нибудь сделать молодежь, чтобы репрессии не повторились?

Мне кажется, каждому из нас можно как-то повлиять на этот процесс, но только с восемнадцати лет, когда человек может участвовать в государственных делах. Это может выглядеть и как заинтересованность в выборе партии, мэра своего города, губернатора своей области, президента своей страны. Так же необходимо участие в собраниях и митингах. Причем человек должен вникать в суть того, как же будет легче жить людям в нашей стране? Почему сейчас некоторые люди в нашей стране работают и получают копейки, а некоторые без образования как-то выбиваются на высокие чины, делая жизнь лучше себе, а не людям. Неужели это всегда будет продолжаться? Мы должны все помочь нашей стране, не быть эгоистами. Если жизнь людей будет лучше в стране, если государство, наконец, начнет думать о своих гражданах, то и развитие страны будет идти быстрее.

Кондрашина Яна,
ученица МОУ «СОШ № 32»

***

Интересно, что нужно предпринять для того, чтобы подобных событий больше не повторилось?

Я разработала примерный план действий в случае предпосылок репрессий в современной России.

Прежде всего, в стране должна быть разработана система законов с прописанными в них видами наказаний.

Во-вторых, каждое из нарушений не следует наказывать без судебных разбирательств.

Граждане должны знать свои права, обязанности и виды наказания за неисполнение обязательств.

Должен быть создан некий орган для регулирования и исполнения наказания граждан.

Запретить насильственное воздействие на «свидетелей».

Вообще репрессий в развитых странах быть не должно. Это дикость – убивать людей, по сути, ни за что. И властями должны быть предприняты все меры для предотвращения этих событий.

Лысенко Яна,
ученица МОУ «СОШ № 32»

***

Необходимо увековечить память о погибших, то есть необходимо провести массовую установку обелисков и иных знаков памяти как в местах захоронения жертв тоталитарного режима, так и в городах и селениях, где их арестовывали и откуда их вывозили.

Необходимо оказать поддержку жертвам репрессий, живущим среди нас, так как их осталось совсем немного, но несправедливость, совершенная по отношению к ним, должна быть искуплена.

Необходимо рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя страшную правду о злодеяниях, которые творились у нас в стране. Скрывая всем известную правду, мы сами себя позорим.

Наша страна стоит на пути перехода к гражданскому обществу, а гражданское общество — это общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, в связи с этим у каждого человека должно быть чувство причастности к прошлому, настоящему и будущему своей страны, бережное отношение к истории.

Почитание памяти павших может вызвать к жизни реальное массовое патриотическое движение. Особенно важно привлечь к этому движению молодежь.

Нам нельзя забывать эти трагические страницы нашей истории. В наших силах создать государство, в котором репрессии больше никогда не повторятся.

Прокофьева Екатерина,
студентка ОмГТУ

***

В заключение своего сочинения нам бы хотелось пояснить, с какой целью мы написали все это. Хотелось бы отметить, что репрессии принимали разный характер, необязательно это были убийства. Не менее серьезными являются духовные и моральные последствия: после репрессий общество стало безынициативным, люди боялись принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность, в людях укоренилась апатия и страх. В качестве вывода, необходимо отметить, что репрессии были направлены против мнимых, а не реальных врагов советской власти и коммунистической партии. Поэтому они не укрепляли, а ослабляли существующий строй. Репрессии стали закономерным результатом подавления оппозиции и становления диктатуры партии, а затем – диктатуры вождя. Они были инструментом насаждения основанного на страхе беспрекословного повиновения режиму. Черные страницы советской истории! Поняв их, осознав, мы обязаны сделать соответствующие выводы. Могло произойти так, могло произойти иначе. Мы очень надеемся, что каждый, кто прочтет наше сочинение на тему репрессий, сделает для себя очень определенные выводы, чтобы этого не повторилось!

Салтыкова Анастасия, Шинкевич Мария,
ученицы МОУ «СОШ № 13»

***

«Что необходимо сделать обществу, гражданам, молодежи и мне лично, чтобы не повторились политические репрессии?». На этот вопрос мне хотелось бы ответить совсем коротко: любить свою страну, народ и быть настоящим патриотом Родины.

Фаткулина Наиля,
ученица «КОУ Междуреченская СОШ» Тарского района

***

Сегодня единственная реально существующая в стране власть – власть президента. У бессилия нашего государства, у его равнодушия к людям, у коррупции одна большая главная причина – дефицит власти. Одной президентской власти мало для проекта новой России. Нам нужны не два компетентных руководителя, решающих между собой, как жить стране, а многие тысячи регулярно сменяемых ответственных и полномочных руководителей. Пора сделать Россию самой свободной в мире страной! Заслужили!

Что нас ждет, если мы ничего не изменим? В ходе разворачивающегося общемирового системного кризиса мы пострадаем сильнее других. Сырьевые доходы рухнут, не на что будет покупать импортное продовольствие и лекарства. Нас разорвет взаимная всепоглощающая ненависть: бедных к богатым, русских к нерусским, народа к правительству. Если мы хотим изменить будущее страны, у нас, активного и ответственного созидающего класса, нет другого выбора – мы должны брать власть в свои руки.

Россия может и должна стать самой свободной страной мира. В ней должны найти свое место самые талантливые и предприимчивые люди, самые творческие, научные и культурные предприятия - все, кто хочет и может работать, не покладая рук, ради собственной реализации и общей пользы.

Без свободы деятельности, без предоставления человеку действительной возможности (а не просто формальных прав) реализовать весь его творческий потенциал никакого национального богатства не будет – его просто некому будет создавать.

Наша воля к лучшей жизни, к творчеству, к свободному труду на собственное благо и благо страны подавляется. Треть молодежи мечтает уехать за границу, так как не видит возможности профессионального и социального роста. Закон бездействует, он вытеснен произволом и беспределом госаппарата. Государство враждебно собственному народу. Пропагандой нам навязана разобщенность, война всех против всех, невежество и религия потребления. При этом мы почти ничего не производим сами. За пределами крупных городов установлены феодальные порядки. Старые системы производства обветшали и рухнули, новые существуют главным образом как витринные образцы. Сегодня финансовые результаты дает только продажа нефти и газа.

Все это нас убивает! Наша республика в опасности!

Семенова Мария,
студентка ОмЮА

***

Сталинские репрессии, жертвами которых пали миллионы человек, не подлежат никакому оправданию. Это наша национальная трагедия, поэтому память о ней так же священна, как память о победе. Нам надо помнить об этой мрачной истории прошлого и сделать все, чтобы в будущем не повторилось подобной трагедии.

Я считаю, что угроза возврата к насильственным методам решения общественных проблем будет сохраняться до тех пор, пока не будет дана официальная политико-правовая оценка преступлений прошлого. Необходимо выработать авторитетное юридическое решение, квалифицирующее преступные деяния в соответствии с нормами права. Отсутствие такой оценки дает возможность сторонникам различных экстремистских идейных течений оправдывать преступления, жертвами которых стали миллионы людей, продолжать пропагандировать насильственные методы решения общественных проблем.

Наш долг – восстановить имена всех тех, кто навсегда был вычеркнут из нашей истории.

Мы должны увековечить память о погибших. В местах захоронения жертв тоталитарного режима необходимо провести установку обелисков и иных знаков памяти. В целях содействия розыску и определению мест захоронения жертв репрессий следует разработать комплексную программу, для реализации которой привлечь общественные организации, благотворительные фонды, средства массовой информации, творческие союзы, научные объединения, представителей традиционных конфессий. Работа в данном направлении позволит активизировать поисковое движение, широко вовлечь в него молодежь.

Государство должно поощрять и поддерживать научные исследования по отечественной истории, с этой целью необходимо облегчить доступ исследователей к архивным материалам. Необходимо рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя страшную правду о злодеяниях, которые творились у нас в стране. Важнейшие документы политической истории Советского Союза, хранящиеся в архивах, а также исследования российских и зарубежных ученых по истории репрессий должны быть доступны широкой аудитории, поэтому рационально опубликовать их на специальном сайте или Интернет-портале.

Следует, наконец, завершить процесс юридической реабилитации граждан, осужденных в разные периоды советской истории и принять все необходимые меры для обеспечения правовой и социальной поддержки реабилитированных и их семей.

Молодое поколение должно знать всю правду о терроре в стране. Для этого необходимо шире освещать данную тему в школьных программах, в средствах массовой информации; целенаправленно вести работу по патриотическому воспитанию молодежи. История террора должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях.

Все граждане России должны осознанно относиться к выборам политической власти в стране. Каждый должен сделать выбор, будь это выборы президента, выборы депутатов Государственной Думы или главы администрации сельского поселения, ведь только от нас, от нашего выбора напрямую зависит будущее страны, а в дальнейшем и всего общества.

В настоящее время Россия стоит на пути построения гражданского общества. И мы, молодёжь, должны принимать непосредственное участие в политической жизни страны, должны постоянно повышать уровень политической культуры, заниматься активной общественной деятельностью, пополнять ряды политических партий. Нужно знать свои права, уметь реализовывать и защищать их.

Что могу сделать я и мои сверстники, чтобы репрессии в стране не повторились? Прежде всего - заняться поисковой деятельностью по установлению имен безвинных жертв террора. Наша задача состоит и в том, чтобы пропагандировать данную работу среди населения. Свидетельства очевидцев, воспоминания старожилов должны стать достоянием всех граждан нашей страны. Разыскать таких людей, записать их рассказы — задача большой исторической важности. По итогам поисковых работ целесообразно проводить научно-практические конференции, внеклассные мероприятия, размещать материалы в СМИ, в сети Интернет.

Так, например, материалы моего исследования «Как это было…» (Об истории репрессий в деревне Колбышево) заинтересовали сотрудников НИЦ «Мемориал», которые летом 2011 года в ходе экспедиции работали в Омской области. В настоящее время ведем совместную работу над проектом «Виртуальный музей Гулага» (gulagmuseum.org). Тема репрессий никого не оставляет равнодушным. С большим интересом включаются в работу многие ребята из нашей школы. В школьном музее оформлены стенды и экспозиции по истории репрессий на территории нашего поселения, ежегодно отмечаем День памяти жертв политических репрессий, оказываем им шефскую помощь. И это особенно радует.

Емельянова Елизавета,
ученица МКОУ «Евгащинская СОШ» Большереченского района

***

Исходя из опыта многовековой истории, повторение прежних ошибок не допустимо. Так как репрессивные методы воздействия запугивали общество, держали его в страхе, тем самым ломая психику не только репрессированному, но его семье. Детям приходилось отказываться от своих родителей, признанных «врагами народа», менять фамилии. Оставшиеся в живых или на воле родственники часто сами уничтожали семейные документы, архивы, фотографии, чтобы не подвергать риску себя и детей, и таким образом навсегда исчезали материальные доказательства того, что человек когда-то жил.

Отрицательное воздействие репрессии привнесли и в современный мир. В советское время было страшно не только тем, кто был родственно связан с пострадавшими, но и тем, кто просто был свидетелем или всего лишь наблюдал исчезновение людей. Проводилась тотальная повсеместная политика устрашения.

Доктор исторических наук и профессор Ю.Н. Афанасьев говорит о связи страха и покорности: «насилие и террор приводили людей в такое состояние, что они не могли уже выражать никакого сопротивления или оказывать влияние на события собственной жизни. Мысли и чувства насильственно подавлялись... В этих условиях возникла ситуация, когда большинство людей стали терпимо относиться к зверствам и геноциду, и даже оправдывали их».

Поэтому современному обществу следует активно выражать свое мнение по поводу различных проблем, возникающих в государстве. России просто необходимо строить реальное демократичное общество, где свобода слова гражданина является главной ценностью. Старому поколению сложно забыть былой страх советских репрессий, но молодым нужно перебороть диктаторскую черту, оставшуюся с тех времен.

Михайлова Татьяна,
студентка ОмЮА

***

В день 30 октября мы не можем праздно веселиться, как будто до нас ничего не происходило и нас это не касается. Это наша история и от нее никуда не уйти. Что надо сделать для того, чтобы не допустить повторения репрессий - для меня это трудный вопрос. Но кое-что мы уже начали делать: к 30 октября мы выпустили газету с воспоминаниями об экскурсии по Ачаирскому монастырю «Забвению не подлежит».

Трубецкая Ассоль,
ученица БОУ СОШ № 60

***

В далекое прошлое уходят суровые годы политических репрессий, наполненные горем и страданиями миллионов людей. Мы знаем об этом времени только понаслышке, из книг, кинофильмов и рассказов взрослых. В наши дни можно часто услышать вопрос: «Зачем снова говорить о репрессиях, после которых прошло столько лет?»

Я думаю это неправильно - забывать об этих уроках, нельзя забывать о тех, кто погиб или был лишен отчего дома.

История России – это история народа, история многих поколений. Мы должны помнить

о том, что когда-то пережили наши предки. Долг совести старшего поколения донести до молодежи объективную историю, правду о судьбе своей семьи и судьбе страны.

Я считаю, что обществу необходимо извлечь уроки из нашего прошлого и не допустить подобного в будущем. А молодому поколению – задуматься и сделать все от нас зависящее, чтобы репрессии никогда не повторились в нашей жизни. Никогда не забывать тех, кто безвинно пострадал. Человеческая память не должна позволить этого допустить.

Зубкова Юлия,
ученица МКОУ «Приваленская ОШ»
Азовского немецкого национального района

***

Так был репрессирован уникальный российский (советский) немецкоязычный этнос, исторически складывавшийся с середины XVIII века и глубоко вросший в историю и духовную культуру России. Это была трагедия не только российских немцев, российского народа, но и мирового сообщества, которое стало беднее в своем этническом разнообразии.

Насильственное переселение, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, в корне изменило положение не только поволжских немцев, но и всех российских немцев. Национальная автономия была ликвидирована. Депортация повлекла за собой формирование этнических меньшинств там, где они исторически не проживали.

То, что мы получили в наследство в результате национальных репрессий, сопровождавшихся перекройкой исторически сложившихся этнических границ, уже дало свои горькие плоды и осталось в наследство поколениям XXI века. В письмах на имя Сталина репрессированные по признаку национальной принадлежности не только просили, но и предупреждали: “История человечества не знает такого бесчеловечного отношения к целым народам”.

Подводя итоги перемещений населения по территории страны в связи с эвакуацией, правительство РСФСР в своем письме союзному правительству (апрель 1945) «стыдливо» называет депортацию ингерманландцев перевозкой граждан в 1944-1945 годах. Все это свидетельствует, во-первых, о том, что к концу войны руководители СССР уже были вынуждены прислушиваться к международному мнению хотя бы в лице союзников по антигитлеровской коалиции. Во-вторых, они осознавали, несмотря на все приведенные аргументы, причины депортаций и репрессий («фактор необходимости принудительных переселений народов»), их неправовой и во многом даже «геноцидный» характер. Тысячи репрессированных соотечественников - это тоже история — наши долги, наша боль. Без прошлого нет настоящего, а без памяти нет будущего. Увековечить их имена — наш долг!

Тимомеева Зухра,
ученица КОУ «Междуреченская СОШ» Тарского района

***

Нашей семье удалось избежать политических репрессий, но мы решили узнать, есть ли люди, пережившие репрессии, в нашей в деревне, и отразились ли данные политические процессы на наших земляках. Мы расспросили людей, которые знают о репрессиях не понаслышке, а также поработали с материалами Тарского архива.

Тема, касающаяся политических репрессий, меня настолько взволновала, что я постоянно думаю о том, как же вообще это возможно? Наш народ имеет славное героическое прошлое

и достоин лучшей доли. Как можно было поднять руки на людей, которые защищали свою Родину, отдавали за нее жизнь, а Родина ответила им таким массовым уничтожением. Я много смотрела фильмов о репрессиях, и каждый раз у меня содрогалась душа, ведь чаще всего это были лучшие люди страны – настоящие патриоты. Я думаю, чтобы такое больше никогда не повторилось надо, чтобы государство уважало свой народ, чтобы правительство заботилось о благе своих граждан, а не обворовывало их и чтобы законы выполнялись всеми гражданами без исключения. Закон и правопорядок – вот главные составляющие правового государства. В сочетании с демократией, интернационализмом, чувством любви к Родине, состраданием к людям можно построить такое общество, где репрессиям не бывать. Главное - правильно управлять этим государством: жить радостями и печалями своего народа, иметь потребность работать на общее благо, любить свой народ и быть готовым к борьбе во имя счастья других людей, во имя нашей Родины. Потеря этих ценностей и ведет к всякого рода извращениям, таким, как политические репрессии.

Сопитенко Светлана,
ученица КОУ «Кольтюгинская СОШ» Тарского района

***

Стоят памятники Ленину? Пусть стоят! Стоят памятники Сталину? Пусть стоят! Чтобы я могла привести своих детей, показать на памятник и рассказать им, что нужно сделать для того, чтобы не повторились времена, когда эти памятники ставили…

А еще мы должны жить по закону и чтобы перед законом были равны все!

Еще власть у нас должна быть выборная и сменяющаяся, ведь сменяемость власти - один из атрибутов свободного общества.

Что я могу сделать, чтобы не было репрессий? Стать достойным гражданином своей страны! Что нужно сделать, чтобы стать достойным гражданином своей страны? Не воровать, не брать взяток, а, следовательно, и не давать их, любить свою страну и понимать, что каждый житель этой страны в ответе за нее, помогать тем, кто нуждается в помощи, быть неравнодушным к чужой беде. И быть, прежде всего, Человеком!

А нашему молодому поколению стоит не забывать уроки прошлого, всегда помнить о них и делать правильные выводы!

Скоропацкая Валерия,
ученица МКОУ «Суховская СОШ» Горьковского района

***

Сейчас это уже в прошлом и это уже история. Мы живем совсем в другой, демократической стране, где строится правовое государство. Государство гарантирует права и свободы граждан. Моему поколению повезло, мы живем в свободной стране и ужас 1930-1950-х годов уже невозможен! Все-таки демократия - великое изобретение человечества!

Да, наша история полна и трагических и героических страниц! Об этом написано в многочисленных книгах, которые можно свободно читать. И мы должны не только знать и помнить свое прошлое, чтобы никогда не повторились трагедия и слезы народа, но и относиться с уважением. Древнеримский оратор Цицерон говорил: «История-наставница жизни»! Мы сами должны стать творцами своей истории, занимать активную гражданскую позицию, быть неравнодушными к своей стране и народу, строить свое будущее. Только

с молчаливого согласия большинства, в стране творится беспредел. Уже сегодня, мы не просто активные пользователи интернет - сети, мы живо интересуемся всем тем, что происходит в нашей стране и во всем мире, бурно обсуждаем даже рядовые события, объединяемся в группы, только вместе молодое поколение сможет уверенно заявить власти свою гражданскую позицию, заставить прислушаться и выполнять требования большинства. Современному поколению должно хватить мудрости и ума осознанно подходить к выборам президента и государственной думы. Законы должны трактоваться в интересах народа, а не «властьимущих». В нашей стране создана пусть ни идеальная, но вполне действенная правовая система. Если закон будет один для всех, а судебная система неподкупна, в стране будет порядок.

Ложникова Василина,
ученица МКОУ «Такмыкская СОШ» Большереченского района

***

Даже если бы в результате репрессий погибло бы не полмиллиона, а хотя бы десять тысяч невинно осужденных граждан СССР, в том числе России, то и тогда подобная власть не могла бы не быть преступной, даже по меркам того времени. Для такой оценки достаточно заглянуть в сталинскую Конституцию. Пока Конституция, будь она сталинская, брежневская или любая другая, будет лишь красивой декларацией, а не основным правовым документом, неукоснительно выполняемым на всех уровнях власти, подобное, независимо от масштабов, вполне допустимо. В стране, где многое решается «по понятиям», а не по закону, все возможно.

Так что же необходимо сделать обществу, гражданам, молодежи и каждому из нас лично, чтобы не повторились политические репрессии? Школьники, согласно результатам опроса, считают, что государству нужно укреплять связь с народом, людям необходимо вести достойную и активную жизнь, согласно законам нашей страны, быть политически грамотными. Граждане должны ответственно подходить к выборам и поддерживать демократический курс в политике страны. Я считаю, что нужно как можно чаще рассказывать молодежи правду о сталинских репрессиях, чтобы юное поколение знало эту трагическую историю.

Большинство репрессированных, действительно, имеют право на реабилитацию в связи с незаконным нарушением прав человека и гражданина. Примером тому служат члены семьи Шантиных, о которой я кратко рассказала. Репрессированным надо вернуть доброе имя, реабилитировать их, а выполнить эту работу в дальнейшем сможет только новое поколение, которое, к сожалению, плохо интересуется историей. Поэтому просто необходимо призывать молодежь к изучению своей истории и памяти о прошлом своих предков.

Из «локальных» историй складывается большая история, история Отчизны, не всегда справедливой к своим детям. Хоть и говорят, что знания увеличивают скорбь, но ведь они и препятствуют новым проявлениям жестокости, произвола. Удерживают власть от соблазна вновь достичь «всеобщего счастья» насильственным путем, доказывая, что никакие высокие цели не стоят слез, нищеты, поломанных судеб и принесенных им в жертву человеческих жизней. Имена нужно возвращать!

Колесник Валентина,
ученица МКОУ «Черлакская СОШ №2» Черлакского района

Чтобы этого не повторилось:

-_Нужно как можно чаще рассказывать молодежи правду о сталинских репрессиях, чтобы юное поколение знало эту трагическую историю.

-_Нам, молодым, необходимо собирать материал о судьбах людей, переживших эти страшные годы, и, конечно, рассказывать нашим сверстникам, младшим школьникам о событиях тех лет.

-_Необходимо увековечить память о погибших, установить обелиски, иные знаки памяти как в местах захоронения жертв тоталитарного режима, так и в городах и селениях, где их арестовывали и откуда их выселяли.

-_Необходимо рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя страшную правду о злодеяниях, которые творились у нас в стране.

-_Современная, образованная молодежь прямолинейна и тоньше чувствует обстановку в стране. Нам необходимо извлечь уроки из тех событий, чтобы не повторить ошибки прошлого.

-_Молодежи нужно активно участвовать в политической жизни страны (выборы).

-_Молодому поколению нельзя забывать эти трагические страницы нашей истории. В наших силах создать государство, в котором репрессии больше никогда не повторятся.

-_Проводить семинары на эту тему, пускать информацию в массы, больше об этом говорить, писать.

-_Нужно не быть равнодушным к тому, что происходит в нашем государстве.

-_Никогда не забывать этих событий, повышать правовую грамотность населения.

-_Знать историю репрессий, учиться на ошибках прошлых лет, не повторять их.

-_Не молчать и не бояться, нужно говорить и выступать против нарушений прав человека.

-_Нужны нормальные законы, равенство всех перед законом.

-_Наладить управление государством, чтобы этого не повторилось.

-_Предотвращать репрессии на их начальных шагах.

-_Правовое воспитание. Правовая культура с детских лет.

-_Необходимо помнить о духовных и моральных последствиях репрессий: общество стало безынициативным, люди боялись принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность, в людях укоренились апатия и страх.

-_Репрессии были направлены против мнимых врагов, репрессии были инструментом насаждения основанного на страхе беспрекословного повиновения режиму, это черные страницы советской истории.

XIV. Основные, наиболее массовые категории жертв политических репрессий в СССР

I. Первая массовая категория – люди, арестованные по политическим обвинениям органами государственной безопасности (ВЧК–ОГ¬ПУ–НКВД–МГБ–КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке. По различным предварительным оценкам, за период с 1921 по 1985 г. в эту категорию попадает от 5 до 5,5 миллиона человек. Данная категория репрессированных представлена наиболее широко – их здесь около полутора миллионов. Чаще всего в Книги памяти, а значит, и в базу данных включались сведения о людях, пострадавших в период 1930–1953 гг. Это объясняется не только тем, что в данный период осуществлялись наиболее массовые репрессивные операции, но и тем, что процесс реабилитации, начатый в хрущевскую эпоху и возобновившийся во время перестройки, в первую очередь коснулся жертв именно сталинского террора, и, прежде всего, – жертв террора 1937-1938 гг. периода. Самые же ранние репрессии советской власти, относящиеся к 1917–1918 гг.

Менее полно в базе данных отражены жертвы репрессий более раннего, до 1929 г., и эпохе Гражданской войны, документированы настолько фрагментарно и разноречиво, что даже их масштабы пока не установлены. Да и вряд ли вообще могут быть сделаны корректные оценки статистики «красного террора»: в этот период нередко имели место массовые бессудные расправы с «классовыми врагами», что, естественно, никак не фиксировалось в документах. Цифры, называемые в литературе, колеблются от 50–100 тысяч до более миллиона человек. Политзаключенные, получившие свои сроки после смерти Сталина и окончания массового террора, если и представлены в некоторых Книгах памяти, то лишь фрагментарно. К сожалению, по техническим причинам удалось подготовить к настоящему изданию лишь около половины собранных НИПЦ «Мемориал» (Москва) сведений о политических репрессиях 1953–1985 гг. – это около пяти тысяч справок о политзаключенных новейшего периода.

II. Другая массовая категория репрессированных по политическим моти¬вам – крестьяне, административно высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса». Всего за 1930–1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Меньшая часть из них были арестованы и приговорены к расстрелу или к заключению в лагерь. 1,8 миллиона стали «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири и Казахстана. Остальных лишили имущества и расселили в пределах своих же областей. Кроме того, множество крестьян бежали из деревень в большие города и на индустриальные стройки, спасаясь от репрессий, коллективизации и массового голода, ставшего последствием сталинской аграрной политики и унесшего, по разным оценкам, жизни от 6 до 9 миллионов человек.

III. Третья массовая категория жертв политических репрессий – народы, целиком депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Сред¬нюю Азию и Казахстан. Наиболее масштабными эти административные депортации были во время войны, в 1941–1945 гг. Одних выселяли превентивно, как потенциальных пособников врага (корейцы, немцы, греки, венгры, итальянцы, румыны), других обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (крымские татары, калмыки, народы Кавказа). Общее число высланных и мобилизованных в «трудовую армию» составило до 2,5 миллиона человек (см.

таблицу). На сегодняшний день почти нет Книг памяти, посвященных депортированным национальным группам. В качестве редких примеров можно назвать Книгу памяти калмыцкого народа, составленную не только по документам, но и по устным опросам, и Книгу памяти, выпущенную в Кабардино-Балкарской Республике.

Национальность	**Год депортации**	**Количество высланных средняя оценка**
Корейцы	1937–1938	172 000
Немцы	1941–1942	905 000
Финны, румыны, другие национальности союзных с Германией государств	1941–1942	400 000
Калмыки	1943–1944	101 000
Карачаевцы	1943	70 000
Чеченцы и ингуши	1944	485 000
Балкарцы	1944	37 000
Крымские татары	1944	191 000
Турки месхетинцы и другие народности Закавказья	1944	100 000
	Итого:	**2 461 000**

Кроме этих крупных консолидированных потоков в разное время имели место многочисленные политически мотивированные депортации отдельных национальных и социальных групп, в основном из пограничных регионов, крупных городов и «режимных местностей». Представители этих групп, общее число которых установить крайне сложно (по предварительной оценке с начала 1920-х по начало 1950-х годов – более 450 тысяч человек), довольно редко попадают в Книги памяти.

То же можно сказать о приблизительно 400 тысячах депортированных в 1939–1941 гг. с «новых территорий» – из Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии. В издании около 100 тысяч имен этих людей – в основном эти имена выявлены в результате работы Польской программы Общества «Мемориал». Если же говорить о послевоенных депортациях с этих территорий, то, к сожалению, на нашем диске имен этих людей совсем мало. Общее число лиц, подвергшихся репрессиям не в судебном (или квазисудебном), а в административном порядке, составляет 6,5–7 миллионов человек. На нашем диске размещены справки приблизительно на миллион из них – в основном на «спецпоселенцев» из числа раскулаченных крестьян и представителей народов, подвергшихся тотальной депортации. Конечно, это небольшая часть от общего числа тех, кто прошел через ад трудпоселков, спецпоселений, трудармий, высылок – всего того, что скромно именуется «административными репрессиями». Говоря об иных категориях населения, подвергшихся политическим преследованиям и дискриминации, нельзя забывать и о сотнях тысяч людей, лишенных гражданских прав за «неправильные» профессию или социальное происхождение (лишь в Новгородской области в Книгу

памяти включена такая категория репрессированных, как «лишенцы»), и о бессудно расстрелянных при подавлении крестьянских восстаний в 1920е, о расстрелянных без приговоров в тюрьмах в 1941-м, и о расстрелянных на фронте в годы войны по приговорам Особых отделов, о репатриантах (в основном бывших «остарбайтерах» и военнопленных), принудительно работавших в фильтрационных лагерях, и о многих, многих других.

Сравнивая 2,6 миллиона справок, собранных нами сегодня, с осторожными и умеренными общими статистическими оценками, мы приходим к печальному выводу: по самым оптимистическим расчетам получается, что нам удалось объединить на нашем диске имена примерно 20 процентов от общего числа жертв государственного террора в СССР. (Говоря об общем числе жертв, мы исходим из трактовки этого термина, вытекающей из Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991.)

Так выглядит итог многолетней работы по собиранию имен, результат работы многих людей во многих регионах. Таков разрыв между статистикой террора и персональной памятью о его жертвах. А ведь кроме бесспорных жертв политического террора, чьи имена уже оказались или, несомненно, рано или поздно окажутся на страницах Книг памяти, были еще миллионы людей, осужденных за разные незначительные «уголовные» преступления и дисциплинарные проступки. Традиционно их не считают жертвами политических репрессий, хотя многие репрессивные кампании, которые проводились силами милиции, имели явно политическую подоплеку. Судили за нарушение паспортного режима, за бродяжничество, за «самовольный уход» с места работы (перемену места работы); за опоздание, прогул или самовольную отлучку с работы; за нарушение дисциплины и самовольный уход учащихся из фабричных и железнодорожных училищ; за «дезертирство» с военных предприятий; за уклонение от мобилизации для работы на производстве, на строительстве или в сельском хозяйстве, и т.д., и т.п. Наказания при этом, как правило, были не слишком тяжелыми – зачастую осужденных даже не лишали свободы. Трудно подсчитать число людей, которых постигли эти «мягкие» наказания: только с1941 по 1956 г. осуждено не менее 36,2 миллиона человек, из них 11 миллионов – за «прогулы»! Очевидно, что главная цель всех этих карательных мер – не наказать конкретное преступление, а распространить систему принудительного труда и жесткого дисциплинарного контроля далеко за границы лагерей и спецпоселений (в терминологии самой власти это и значило «установить твердый государственный порядок»).

Из сказанного ясно, что в деле восстановления памяти о людях, о каждом в отдельности, мы все еще в начале пути.

(Из компакт-диска «Жертвы политического террора в СССР» Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», Москва, 2007).

IV. Документы обличают

№ 69

Приказ ОГПУ о мероприятиях
по ликвидации кулачества как класса

2 февраля 1930 г.

№ 44/21

г. Москва

В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь, в районах сплошной коллективизации – в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особо серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ.

От наших органов больше, чем когда-либо, потребуется исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий.

Поставленные задачи будут успешно осуществлены только при условии безусловной поддержки их основной батрацко-бедняцкой и середняцкой массой; только тогда, когда задачи эти будут органически связаны с процессом массовой коллективизации. Поддержка батрацко-бедняцких и середняцких масс будет наиболее полной при условии строгой классовой выдержанности наших мероприятий.

Удару должны подвергнуться исключительно кулаки. Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество.

Мероприятия органов ОГПУ должны развернуться по двум основным линиям:

1. Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (первая категория).

2. Массовое выселение (в первую очередь, из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которого формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (вторая категория).

Для наиболее быстрого и безболезненного проведения кампании по выселению кулаков и их семейств в первую очередь необходимо, чтобы наши органы решительно и немедленно ликвидировали все действующие контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские кадры и, особенно, созданные ими и оформленные контрреволюционные организации, группировки и банды.

Ликвидация таких контрреволюционных образований и отдельных, наиболее активных лиц уже начата по всем основным районам Союза, согласно телеграфным директивам ОГПУ.

Операция эта должна быть в основном закончена к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. Решительные оперативные действия в отношении таких контрреволюционных элементов и особенно проявлений организованной контрреволюции и бандактивности, естественно, должны проводиться и в период кампаниям по выселениям и после нее.

В первую очередь удар должен быть нанесен по активно действующим кулацким элементам первой категории:

1) Кулаки – наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социальной реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки – активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организованного порядка.

3) Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки – наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

По отдельным районам СССР намечено для изъятия при операции следующее количество указанных выше активных кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов (первая категория):

Украина	– 15 тыс.
Северный Кавказ и Дагестан	– 6–8 тыс.
Средняя Волга	– 3–4 тыс.
ЦЧО	– 3–5 тыс.
Нижняя Волга	– 4–6 тыс.
Белоруссия	– 4–5 тыс.
Урал	– 4–5 тыс.
Сибирь	– 5–6 тыс.
Казахстан	– 5–6 тыс.

Арестованные по этой категории концентрируются в окр- и облотделах ОГПУ. Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря; в отношении наиболее злостного и махрового актива контрреволюционных организаций и группировок и одиночек должны применяться решительные меры наказания вплоть до высшей меры наказания.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств.

Имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков.

Кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся, в первую очередь, в следующих районах СССР:

1. УССР	– выселяется 30–35 тыс. семейств.
2. Северный Кавказ и Дагестан	– выселяется 20 тыс. семейств.
3. Средне-Волжский край	– выселяется 8–10 тыс. семейств.
4. ЦЧО	– выселяется 10–15 тыс. семейств.
5. Нижне-Волжский край	– выселяется 10–12 тыс. семейств.
6. Белоруссия	– выселяется 6–7 тыс. семейств.
7. Сибирь	– выселяется 25 тыс. семейств.
8. Урал	– – « – 10–15 тыс. семейств.
9. Казахстан	– – « – 10–15 тыс. семейств.

В отношении остальных областей и республик соответствующие расчеты будут произведены в ближайшее время, по согласованию с ПП ОГПУ.

Места отправления и количество могут быть изменены в зависимости от условий.

Места поселения для выселяемых кулаков и их семейств и семейств изъятого кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива ориентировочно таковы:

а) из СКК	– 23 тыс. на Урал; 5 тыс. в Казахстан;
б) из УССР	– 50 тыс. в Северный край,
из ЦЧО	– 20 тыс. в Северный край;
в) из НВК	– 18 тыс. в Сибирь,
из СВК	– 14 тыс. в Сибирь,
из БССР	– 12 тыс. в Сибирь.

Ориентировочные сроки начала операции по выселению таковы:

По СКК, СВК, НВК	– 10 февраля 1930 г.;
по УССР, ЦЧО	– 15 февраля 1930 г.;
по БССР	– 1 марта 1930 г.

Сроки начала отправки выселяемых со сборных пунктов эшелонами таковы:

По СКК, СВК, НВК	– 15 февраля 1930 г.;
по УССР, ЦЧО	– 20 февраля 1930 г.;
по БССР	– 1 марта 1930 г.

Для выполнения всех указанных задач, приказываю:

1. В кратчайший срок закончить ликвидацию всех действующих контрреволюционных организаций, группировок и активных контрреволюционных одиночек. Ликвидировать действующие банды. Обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам и срочное рассмотрение дел во внесудебном порядке – в тройках ПП ОГПУ. Без малейшего промедления ликвидировать все возникающие дела подобных категорий в период кампании по выселению кулаков.

2. Для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория), немедленно создать в ПП ОГПУ тройки, с представителями от крайкома ВКП (б) и прокуратуры. Состав тройки выслать на утверждение коллегии ОГПУ.

3. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков и их семейств (вторая категория) во всей ее совокупности, для концентрации всех материалов по операции и для организации постоянной связи с центром и периферией – распоряжением ПП организовать оперативные тройки.

Для той же работы в округах (областях) и окротделах ОГПУ создать оперативные тройки во главе с начальником отдела ОГПУ.

В районах для непосредственного участия в операции создать районные оперативные группы.

Для приема, учета, бесперебойной отправки выселяемых создать сборные пункты во главе с комендантом. При пунктах организовать агентурно-следственные группы. Комендантам сборных пунктов непосредственно связаться с ячейками органов ТО ОГПУ на местах, ведающими составлением и отправкой эшелонов.

4. При ПП ОГПУ, на случай возможных осложнений, обеспечить чекистско-военный резерв. В распоряжение окротделов ОГПУ, особенно в районах наиболее угрожаемых (в смысле возможных осложнений), – организовать маневренные группы из частей ОГПУ.

Части Красной Армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с краевыми организациями и РВС – ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей войск ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной Армии.

5. ПП ОГПУ – УССР, СКК, НВК, СВК, ЦЧО, БВО – представить не позднее 7 февраля на утверждение окончательно и подробно разработанные планы операции, руководствуясь данными указаниями.

Остальным ПП ОГПУ представить план к 20 февраля с. г.

Для окончательного уточнения расположения сборных пунктов и количества подлежащих выселению через эти пункты ПП ОГПУ: УССР, СКК, НВК, СВК, ЦЧО – представить не позднее 10 часов 4 февраля с. г. точные, согласованные с краевыми организациями, данные. ПП ОГПУ БВО эти данные представить к 10 февраля с. г.

6. Обеспечить (особенно в районах и округах) тщательное наблюдение за составлением списков кулаков и их семейств (для выселения и конфискации имущества), а также за самой кампанией по выселению. Принимать через рай- и окрисполкомы соответствующие меры по линии сигнализации и устранения замеченных дефектов, перегибов и т. п. Следить за точным исполнением сроков операции и размеров ее, в соответствии с имеющимися директивами.

7. ТО ОГПУ организовать бесперебойную перевозку выселяемых в эшелонах; срочно разработать инструкцию о порядке следования и охране эшелонов.

При отправке выселяемых им разрешается брать с собой имущество и продовольствие в пределах нормы. Обязать выселяемые кулацкие семьи, в части средств производства, брать с собой топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности, хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не больше 25–30 пуд. на семью. При посадке топоры, пилы, лопаты (и другие средства производства) отбираются и грузятся в отдельные вагоны тех же эшелонов. Тара должна быть мягкая.

Органам ТО ОГПУ обеспечить бесперебойное снабжение выселяемых кипятком на всем пути следования эшелона, а также обслуживанием и медицинской помощью по линии НКПС. ТО ОГПУ организовать питательные пункты на станциях, (не предназначенные для войсковых частей) с подачей горячей пищи не реже раза в двое суток. Дислокацию питательных пунктов и время прохождения эшелонов своевременно сообщить соответствующим ПП.

8. Принять меры к окончательной разгрузке мест заключения к началу массовой кампании по выселению.

9. ПП ОГПУ Северного края, Урала, Сибири и Казахстана в кратчайший срок закончить организацию приема и расселения выселяемых, а также представить свои соображения о порядке управления выселяемыми.

10. Всемерно усилить информационную и агентурную работу на протяжении всего

периода указанных мероприятий, обеспечивающую глубокое и всестороннее освещение районов.

Обеспечить особую бдительность в деле своевременного выявления всех готовящихся активных контрреволюционных выступлений и активных действий банд контрреволюционных организаций, с целью предупреждения таких выступлений, а в случае их возникновения – немедленной и решительной ликвидации.

ТО ОГПУ усилить информационно-агентурную работу по линии железных дорог. Особым отделам – в армии, особенно в территориальных формированиях и тех частях, которые могут быть привлечены к операции.

На время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить 100% просмотр писем, идущих в Красную Армию, а также усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы. Усиление аппаратов политконтроля провести за счет мобилизуемого чекистского запаса.

11. ПП ОГПУ, на территории которых не будет проводиться сейчас выселение кулаков, обеспечить информационно-агентурную работу со специальной задачей наиболее полного выявления отражений проводящихся выселений.

12. Всемерно усилить охрану границ.

Усилить охрану всех важнейших госсооружений и предприятий. Особое внимание обратить на элеваторы.

Усилить охрану и агентурное обслуживание всех тех пунктов, где хранится оружие, артиллерийское имущество и т. п.

13. Всемерно усилить работу наших органов в городе, для полного выявления настроений городских прослоек, их связей с деревней и ликвидации проявлений организованной контрреволюционной активности.

14. Добиться всемерного усиления борьбы с уголовным бандитизмом и уголовщиной вообще по линии УГРО.

15. Установить четкую и бесперебойную связь всех ПП ОГПУ с центром. Связь эта должна полно и повседневно отражать ход операции. В деле связи руководствоваться изданными инструкциями.

Установить тесную связь между территориально-граничащими ПП ОГПУ для полной согласованности действий.

16. Принять все меры к полному уяснению всем составом наших органов исключительной серьезности и ответственности задач, возложенных на органы ОГПУ. Особенно заострять внимание на строжайшей классовой линии всех мероприятий. Уяснить наряду с этим, что выполнение всех важнейших линий текущей работы наших органов ни в коей степени не должно ослабляться в период кампании по выселению.

Копии всех приказов и принципиальных директив, изданных ПП по периферии, в связи с кампанией по выселениям, выслать в ОГПУ.

Ориентировочные инструкции об организационной структуре операции, о работе сборных пунктов и агентурно-следственных групп в этих пунктах, а также инструкции по линии ТО ОГПУ прилагаются.

Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода

ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17–25. Копия.

Приказ народного комиссара внутренних дел союза СССР № 00761

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ИЗ ГОР. МУРМАНСКА И МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ ГРАЖДАН ИНОНАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

23 июня 1940 г.

В соответствии с решением правительства на НКВД СССР возложено переселение из гор. Мурманска и Мурманской области в Карело-Финскую ССР и Алтайский край 3215 хозяйств - 8 617 человек граждан инонациональностей.

а) В 5-тидневный срок, начиная с 25-го июня объявить всем подлежащим переселению о дне их переселения в новые места жительства и порядке переселения. Предоставить всем выселенцам 10-дневный срок для реализации имущества согласно прилагаемой инструкции.

б) Переселение начать 5-го июля 1940 г. с расчетом погрузки ежедневно 2-х эшелонов и окончания операций 10-го июля 1940 года.

Л.Берия

О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Донесение В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина и А. А. Жданова И. В. Сталину.

Совершенно секретно.

28 августа 1941 г. Передано по В. Ч. 29. VIII в 10 ч. Москва, тов. Сталину.

Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек.

Предлагаем выселение произвести в Казахстан - 15 000 человек, в Красноярский край -24 000 человек, в Новосибирскую область - 24 000 человек, в Алтайский край - 12 000 человек и Омскую область - 21 000 человек.

Организацию переселения возложить на НКВД.

Просим утвердить это предложение.

Молотов, Маленков, Косыгин, Жданов.

Указ Президиума Верховного Совета ССР от 28 августа 1941 г.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

По достоверным данным, полученным властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто советским властям не сообщает, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случаях, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии, немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего населения Поволжья.

Во избежание этих нежелательных явлений и для предупреждения серьезных провокаций Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей, чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделить изобилующие землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и других соседних местностей.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-636 СС

от 6 сентября 1941 г.

Москва, Кремль.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ Г. МОСКВЫ, МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный Комитет Обороны Союза СССР постановляет:

1 .Переселить немцев из гор. Москвы и Московской области-8 бИ.человек и Ростовской обл ласти - 21 000 человек в Казахскую ССР, в т. ч. в Карагандинскую область - 4 000 человек, Джам-ульскую - 8 000 человек, в Кзыл-Ординскую -8 000 и Южно-Казахстанскую - 10 017 человек.

2.Руководство переселением возложить на НКВД СССР.

К переселению из Москвы и Московской области приступить 10 сентября и закончить 15 сентября с. г. По Ростовской области к переселению приступить 15 сентября и закончить 20 сентября.

...4. Разрешить переселяемым брать с собой личное имущество и продовольствие на путь следования до 200 килограммов на каждого члена семьи.

Из постановления Государственного Комитета Обороны СССР

№ГКО-698-СС от 21 сентября 1941 г.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ КРАСНОДАРСКОГО, ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО КРАЕВ, ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ И СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановил:

1. Переселить немцев из Краснодарского края -34 287 человек, из Орджоникидзевского края -95 489 человек, из Тульской области -3 208 человек, из Северо-Осетинской АССР-2 929 человек. Руководство переселением возложить на НКВД СССР.

2. К переселению из перечисленных республи¬ки, краев и областей приступить с 25 сентября и закончить к 10 октября с. г.

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР№ ГКО - 702 - СС

от 22 сентября 1941 г.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ ИЗ ЗАПОРОЖСКОЙ, СТАЛИНСКОЙ И ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Переселить немцев из Запорожской области -63 000 человек, из Сталинской области - 41 000 человек и Ворошиловградской области - 5 487 человек в Казахскую ССР.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР.

...6. Обязать НКПС(т. Каганович) произвести перевозку всех переселяемых из Запорожской области с 25 сентября по 2 октября с. г., а из Сталинской и Ворошиловградской областей в срок с 25 сентября по 10 октября с. г.

28 декабря 1943 г. приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР и Постановление СНК о выселении калмыков. За этим следовало:

«Государственный Комитет Обороны.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы... Всего было погружено в эшелоны 26 359 семей или 93 139 человек переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области...»

Л.Берия

Указ Президиума Верховного Совета СССР

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГИ ИЗ МЕСТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО И ПОСТОЯННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, ВЫСЕЛЕННЫХ В ОТДАЛЕННЫЕ РАЙОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2б ноября 1948г.

В целях режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других, а также в связи с тем. что во время их переселения небыли определены сроки их выселения, что переселенные в отдаленные районы Советского Союза указанные выше лица проведены навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник

Секретарь А.Горкин

За содействие и помощь в реализации проекта
«Помня прошлое, мы обещаем будущему»
Благодарим:

Редакцию Книги Памяти жертв политических репрессий и лично
главного редактора Сбитневу М.А.,
редактора-составителя Четверикову Т.Г.

ЧОУ ВПО «Омская юридическая академия» и лично
ректора Соловья Ю.П.,
проректора по международным связям, профессора кафедры конституционного и международного права Минжуренко А. В.

Сектор по защите прав реабилитированных жертв политических репрессий Правительства Омской области и лично начальника сектора Урусова А.А.

Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР» и лично
Смаилову Ш.К., заместителя директора по науке

Пермскую организацию «Молодежный «Мемориал»
и лично Владыкину К.,

а также
Ефремову Ю., Жулей В.А., Машкарина М.И.,
Валерию Казанцеву, Санию Махметову,
Марину Михель, Алекмаа Уйнукай.

Редакционная коллегия: Сбитнева М.А., Тикунова З.В.,
Дизайн и верстка – Бекина Юлия, Шваб Анна.
Распространяется бесплатно.
Тираж 500 экз. Центр развития общественных инициатив
г. Омск, 644043, ул. Красный путь, 9, к. 428-Б
тел/факс (3812) 23-23-20
Сайт: www.omskngo.ru
e-mail: info@omskngo.ru

Издание осуществляется при финансовой поддержке
фонда Генри М. Джексона